
E 43 60

А. М. БОЛЬШАКОВ

СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ
— ЗА —
1917—1925 г.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

РАБОЧЕЕ ИЗД-ВО
— ПРИБОЙ —
ЛЕНИНГРАД — 1925

А. М. БОЛЬШАКОВ

СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ

(1917—1925 г.г.)

ЭКОНОМИКА И БЫТ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ЗНАЧИТЕЛЬНО
ДОПОЛНЕННОЕ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД :: 1925

Ленинградский Гублит № 9766. Отп. 7000.—17 л. Зак. № 544.

Посвящается светлой памяти двух людей, отдавших много своих сил делу строительства моей родной волости, в этой книге описанной, за революционный период ее бытия:

врача **Софии Михайловны Дамберг** и
члена волостного исполкома, моего отца,
Михаила Ермолаевича Большакова.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 2-МУ ИЗДАНИЮ.

Мы переживаем эпоху великого обновления. Перед нами стоят громадные задачи. Удачное разрешение их принесет действительное счастье трудящимся не только нашей страны, но и тем, которые обитают за рубежами СССР.

Многим цели, к которым стремятся народы Союза, представляются невозможными. Это — неверно. Они невозможны только для тех, кто не обладает достаточным знанием реальной обстановки. Многие и многие утверждают, что все, делавшееся у нас до сегодняшнего дня, плохо. Конечно, всегда можно делать все лучше, чем оно делалось — в этом залог прогресса. Но обязанность тех, кто недоволен, — засучить рукава и самим приниматься за работу. Пора перестать быть зрителями со стороны. Лучше итти вперед и искать, иногда ошибаясь, нежели, никогда не ошибаясь, топтаться на одном месте и ничего не желать.

В России крестьянское население составляет $^4/_5$ всех жителей государства, а стоимость продукции сельского хозяйства в четыре раза больше стоимости продукции фабрично-заводской промышленности. Поэтому, вполне естественно, что после окончательного закрепления революционных позиций внутри страны и завоевания прочного положения в сфере международных отношений, мы должны были повернуться «лицом к деревне». Изучение современной деревни, самое тщательное и добросовестное, — вот проблема, выдвигаемая на первый план в связи с установкой советско-партийно-общественного аппарата «на деревню». Изучить деревню необходимо, чтобы знать, как ее устроить и чем ей помочь.

Настоящая книжка является скромной попыткой подвергнуть исследованию хозяйственно-бытовые отношения, развертывавшиеся в течение всего революционного периода на территории одной из волостей СССР. В своем втором издании книжка эта дополнена новыми цифровыми данными за 1924 год, а также и иными материалами.

Пользуясь случаем, приношу благодарность товарищам: О. И. Вороновой, И. С. Гусеву, А. Д. Курилову и П. П. Хохлову, снабдившим меня некоторыми сведениями, относящимися к теме работы и здесь мною использованными.

А. Большаков.

10 марта 1925 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 1-МУ ИЗДАНИЮ.

Моим землякам: Н. Г. Дмитриеву, Б. А. Розанову, Д. А. Розанцеву, А. Г. Смирнову, Н. С. Хореву, П. Е. Хохлову и другим скромным волостным и уездным работникам, облегчившим мне дело собирания материалов, положенных в основу настоящей работы, приношу свою искреннюю благодарность. Выражаю свою признательность профессору Б. И. Словцову [1], любезно просмотревшему, в качестве специалиста по вопросам питания, одну из глав этой работы — главу о питании населения волости. Так как, в свое время, отдельные части настоящей работы докладывались вниманию членов соответствующих секций Исторического Исследовательского Института при Петроградском Университете (в июле 1922 г.) и Петроградского Экономического Исследовательского Института (в июне 1922 г.), а также — семинария (высшего) Сельскохозяйственной Экономии и Политики при Петровско-Разумовской Академии (зимой 1920 г.), при чем целый ряд членов только что названных научных учреждений, участвуя в прениях по моим докладам, делился со мною ценными замечаниями по существу заслушанных докладов, замечаниями по возможности здесь учтенными,—то я, выпуская в свет свое небольшое исследование, считаю приятной обязанностью поблагодарить моих оппонентов: проф. И. М. Кулишера, проф. Н. П. Никитина, проф. А. В. Чаянова и др.

А. Большаков.

15 февраля 1924 г.
Ленинград.

---

[1] Проф. Б. И. Словцов скончался осенью 1924 г.

Тезисы.

1. — Одна из наших главных культурных обязанностей — освещать исторические факты текущего революционного периода жизни страны.

2. — При отсутствии вполне исчерпывающего и достоверного материала, обрисовывающего экономическое положение крестьянства за революционный период, давать в настоящее время очерк хозяйственной сферы жизни нашей деревни в государственном или же ином, несколько меньшем, масштабе — преждевременно; за об'ект изучения следует взять основную базу всего советского строительства, самую мелкую клеточку государственного организма — типичную для той или иной губернии или района волость.

3. — Среднее крестьянское хозяйство, по своему общему состоянию, находится в критическом положении, что подтверждается и рассмотрением бюджетных данных.

4. — За годы революции процент безлошадных хозяйств увеличился, но за последнее время он упал ниже дореволюционного; количество крупного скота по отношению к площади посева превысило дорволюционную норму; в общем, в области скотоводства все обстоит благополучно и никаких угрожающих явлений здесь не замечается.

5. — За революционный период процент беспосевных хозяйств сперва на незначительную величину вырос, а затем упал до нормы предреволюционного времени.

6. — Государство, в первый период революционного цикла забирая у крестьянства так называемые излишки продуктов сельского хозяйства и не предоставляя в распоряжение крестьян надлежащий эквивалент, необходимый для покрытия насущных нужд хозяйства, вынудило крестьянство всемерно скрывать от учета истинную доходность хозяйства, в результате чего в 1920 году, при наличии полного фактического засева всей посевной площади волости, официально фигурирует фиктивный недосев в 33%, выражающий тот реальный фонд, из которого крестьянство волости покрывало все свои нужды домашне-хозяйственного обихода.

7. — Общее положение хозяйства страны за последние годы внесло известное изменение в порядок главных культур по занимаемой ими посевной площади.

8. — Изменение в порядке главных возделываемых крестьянами культур и увеличение числа работников на единицу площади посева создали условия, неблагоприятные для полного использования в сельском хозяйстве наличной трудовой энергии населения.

9. — Посевная площадь, падающая на одно хозяйство, несколько поднявшаяся в первые три революционных года, благодаря максимальному использованию всей пригодной под пашню земли, стала за последние годы, при наличии увеличивающегося в волости числа хозяйств и отсутствия удобных для распахивания площадей, понемногу падать.

10. — Революционные годы были бесплодными в отношении улучшения удобряемости и обработки крестьянской земли.

11. — За самое последнее время в волости получает широкое развитие землеустройство, что поведет в ближайшем будущем к повышению производительности крестьянского хозяйства.

12. — Бремя прямых налогов, падающее на крестьянское хозяйство, в его процентном отношении к валовому земледельческому доходу, резко понизившись в 1918 году, в дальнейшем выявило тенденцию к повышению и своего апогея достигло в 1920 году; с 1921 года налоговой пресс становится для крестьян менее тяжелым, а за два последних года он уже на 25% легче дореволюционного.

13. — Налоговое бремя особенно усугублялось наличностью трех факторов: 1) утраты дохода от отхожих промыслов, 2) изменений в составе земледельческого дохода и 3) увеличения числа едоков по отношению к единице площади пашни.

14. — Принципы, положенные в основу системы обложения сельского хозяйства, и сами способы взимания налогов в течение революционного периода, год от году все более и более совершенствовались, учитывая в своем развитии не только фискальные интересы государства, но и интересы и удобства налогоплательщиков.

15. — При выявлении перспектив крестьянского хозяйства страны, мы наталкиваемся на назревшую потребность углубленного изучения проблемы современной деревни.

16. — Основным стержнем Октябрьского переворота является земельный голод крестьянства.

17. — Крестьянство сможет в полной мере использовать землю, переданную ему Красным Октябрем, лишь при наличии надлежащей обеспеченности сельского хозяйства живой чело-

ловеческой силой, инвентарем (живым и мертвым) и соответствующей организацией хозяйства деревни, организацией, стоящей на высоте современных общественных достижений.

18. — Революция, в смысле изменения основ и форм крестьянского хозяйства, почти еще не докатилась до деревни.

19. — Путь для революционной перестройки нашего крестьянского хозяйства лежит через коллективизацию бедняцких и середняцких хозяйств, каковая коллективизация, помимо преобразования типа бедняцких хозяйств, является и единственно рациональной линией для борьбы с зажиточно-кулацкими деревенскими хозяйствами.

20. — Изучаемая волость — типичная середняцкая волость. Экономическая перегруппировка слоев крестьянского населения волости начинается только теперь вследствие массового отхода на отруба, в связи с чем происходить «поравнение» земли, раньше имевшее место на территории волости лишь в отдельных случаях.

21. — Питание крестьянина волости за один из революционных годов, выделяющихся из ряда других, с одной стороны, по своей урожайности и, с другой, — по тяжести налогов, падающих на крестьянское хозяйство, за 1920 г., питание, в отношении его калорийной обеспеченности, было в общем не хуже довоенного, известного по ряду специальных исследований. После 1920 года питание волости улучшилось.

22. — При общем подытоживании всего минувшего революционного периода можно констатировать, что крестьянство волости материально от революции не проиграло.

23. — В период запрещения свободной торговли сельскохозяйственными продуктами, торговля ими перешла на нелегальное положение, принося большие выгоды, с одной стороны, профессионалам-спекулянтам, с другой же стороны — отдельным недобросовестным агентам власти. В настоящее время замечается оживление в сфере торговли и промыслов волости.

24. — Кооперация в деревне опирается, главным образом, на середняцкие элементы. Цели и смысл кооперации остаются для населения еще недостаточно выявленными.

25. — В начальный период революции крестьянство волости особенно резко выявляло свои политические симпатии, которые сперва были на стороне партии социалистов-революционеров, а затем перешли к партии социал-демократов большевиков (впоследствии коммунистов).

26. — Развитие волостного совета крестьянских депутатов как общественно-государственного учреждения шло по линии от самой широкой местной автономии («власть на местах») в сторону обращения его в простой служебно-исполнительный орган центральной и губернской власти. За послед-

нее время в законодательстве замечается тенденция придать сельсоветам и волисполкомам, помимо административно-исполнительных функций, функции хозяйственные и социально-культурные.

27. — По мере включения в сферу принудительного отчуждения все бо̀льшего количества и все в бо̀льшем разнообразии продуктов сельского хозяйства и труда населения волости, усложнялась и внутренняя структура волостного исполкома.

28. — За весь революционный период волостной аппарат находился под руководством, главным образом, членов РКП и, преимущественно, — не лиц из коренного крестьянства.

29. — Для того, чтобы теснее связать волисполком с населением волости, необходимо расширить сферу реальной автономии волости в области местных дел.

30. — Развитие тайного винокурения в деревне имеет экономические корни, заключающиеся в отсутствии отхожих промыслов в довоенном масштабе и в абсолютном падении за последние годы цен на хлеб. «Русская горькая», вследствие своей дороговизны, пока не может конкурировать с самогонкой.

31. — Благодаря настойчивой энергии отдельных представителей сельской интеллигенции, деревня являет примеры крупного улучшения быта местного населения.

32. — Необходимо обратить самое серьезное внимание на гибель в провинции архивов с документами, характеризующими текущую революционную эпоху.

33. — В качестве крупных недостатков, мешающих быстрому и нормальному разрешению правовых конфликтов в провинции, следует указать: 1) на обширность территории судебного участка и 2) на полное отсутствие в деревне юридической помощи населению.

34. — Материальное положение сельского учительства за первое пятилетие революционного периода было жалким. За последние годы оно улучшается. Ныне жалованье учителей, принимая во внимание покупную силу рубля, достигает приблизительно $^2/_3$ довоенного.

35. — Основные принципы реформы школы, в смысле реализиции в ней трудового начала, в течение долгого времени оставались совершенно непонятными для педагогов вследствие отсутствия надлежащего инструктирования их в этом направлении. Только теперь, вместе с действительной переподготовкою учительства, трудовое начало внедряется в методику школьного обучения.

36. — Материальная обстановка школьного дела оставляет желать лучшего.

37. — Специальное обложение местного населения теми или иными сборами в пользу школы влечет за собою резкое падение посещаемости школы учащимися и развитие неграмотности среди детей школьного возраста.

38. — Общее дело элементарного просвещения масс населения было поставлено из рук вон скверно. За последний год в этой области проделана громадная работа: школа и изба-читальня уже сделались местными общественно-культурными центрами, в массовое крестьянство начала проникать газета и пр.

39. — Число членов РКП из состава населения волости в количественном отношении за последние годы падает, в качественном — растет.

40. — Местные коммунисты не являются вожаками крестьянства волости главным образом по трем причинам: 1) как хозяева, они ведут свои крестьянские хозяйства далеко не образцово, часто даже спустя рукава, 2) стремятся освободиться от ведения своего хозяйства и жить за счет советской службы, откалываясь таким образом от массы и превращаясь в глазах ее из «своего брата» в «начальство» и 3) отчасти загруженные служебными обязанностями, отчасти не имея надлежащей подготовки, они не связали себя с массами живой культурно-просветительной работой.

41. — Настоящая работа с комсомолом, только еще возникшем в волости, пока не налажена. Появились пионеры.

42. — Контр-революционные элементы деревни в первые годы революционного периода, для безнаказанного выявления своих враждебных по адресу советской власти чувств и настроений, часто использовывали (иногда — совершенно бессознательно) частушку, привлекаемые ее анонимностью.

43. — В области религиозных переживаний деревня или индифферентна, или, пожалуй, активна в сторону атеизма; обрядовая сторона религии поддерживается ею в силу инерции.

44. — Антирелигиозная пропаганда, вследствие непродуманности своих методов и содержания, не соответствующих реальных условиям жизни, вызывает, пока еще, правда, в отдельных представителях населения, живой интерес и симпатии к религии.

45. — Мысли и настроения крестьян дают богатейший материал для ориентировки во всех сферах деревенской жизни.

Об'ект, задача, источники и метод исследования.

Об'ектом своей работы я избрал опорную базу всего советского строительства, самую мелкую административно-хозяйственную клеточку государственного организма — волость. Моя главная задача заключается в том, чтобы проследить, какие изменения внесла революция в экономический уклад жизни волости; задача же второстепенная и, так сказать, попутная— попытаться отметить некоторые (только некоторые) новые черты, появившиеся за последние годы в сфере разнообразного быта волости, до религиозных переживаний населения ее включительно.

Мне могут поставить на вид, что, локализуя свои наблюдения такой незначительной по величине территорией как волость, я рискую не встретить на ее пространстве выявления тех или иных типичных черт описываемого периода и в то же время — столкнуться с обозначением таких фактов, которые в общем революционном процессе являются случайными. Другими словами, мне могут сказать, что я намерен оперировать с нехарактерным материалом и что все мои выводы и обобщения, полученные в результате работы над этим материалом, не будут иметь ни малейшего научного значения.

Я заранее предупреждаю, что понимаю всю серьезность подобных замечаний, могущих последовать после знакомства с первой же страницей моего небольшого по размерам исследования. Поэтому я полагаю, что необходимо теперь же об'ясниться по поводу тех мотивов, которые руководили мною при выборе указанной темы.

Прежде всего для меня является бесспорной истиной, что все события из цикла текущей революционной действительности, как бы мы суб'ективно к этой действительности ни относились, настолько значительны для общей истории нашего народа, что фиксировать эти события — наша одна из самых важных культурных обязанностей. Если сейчас мы, может быть, и не сможем с должным об'ективизмом зарисовать те или иные картины текущего момента, — будем чрезвычайно осторож-

ными в своих выводах — иногда даже совсем от них воздержимся—по отношению к бытию, еще не отошедшему в прошлое. Но — и только.

Высказанные соображения, как мне кажется, с достаточной убедительностью оправдывают меня, взявшего для научной обработки такую — с точки зрения некоторых — уж очень современную тему.

Что же касается неширокого захвата темы, ее кажущейся узости, — на это представлю такие оправдания.

Конечно, очень соблазнительно взять за об'ект исследования целую область или даже все государство. Но на чем базировать, обрабатывая подобные темы, если не пойти дальше общих мест и беспочвенных рассуждений? Правда, в центральных учреждениях имеется самый разнообразный статистический материал. Но вопрос в том, насколько точно действительность отражается в этом материале... В центре немало прекрасно исполненных диаграмм, долженствующих рисовать современную экономику деревни, а между тем в разных волостных исполнительных комитетах Тверской губ. (нужно полагать, что она в этом отношении исключением не является) я слышал, приблизительно, следующее:

— Уж очень много центр требует от нас разных сведений. Анкета за анкетой. То одни цифры, то другие.

— А вы и давайте их. Если государство станет строить свою политику на цифрах, — это будет самая верная политика.

— Да, помилуйте, волисполкомы перегружены текущей работой. Иные сведения дать не трудно — даем. Другие же цифры еще собирать надо, да и собирать то умеючи, а в нашем распоряжении вообще нет свободных людей.

— Ну, так и отпишитесь.

— Невозможно! И срок проставлен, и строгой ответственностью угрожают. Не исполнишь предписания — еще под суд за саботаж попадешь. Кроме того, сам инструктор говорит: если цифр под рукою нет, — с потолка давайте.

— Как это: «с потолка»?

— Очень просто: посмотреть на потолок, подумать немного, да и проставлять цифры, какие бог на душу положит.

— Нехорошо так-то.

— Сами знаем, что неладно. Пускай пришлют к нам в волость специального статистика; он станет собирать здесь материал — тогда и будет хорошо[1].

[1] Центр, повидимому, давно уже был осведомлен о большой сомнительности материалов, поступающих из волисполкомов, и озабочен приготовлением кадра волостных статистиков: так, еще в 1920 г. появились издания специальных руководств для волостных статистиков (напр., книжка профессора Н. А. Каблукова «Задачи и способы собирания

И вот, когда я просматривал красивые диаграммы, особенно те из них, которые относились к первому периоду текущей революции, то вспоминал приведенный диалог. Я думал:

— Кто знает, сколько здесь правдивых сведений и сколько взятых «с потолка»? В каком коэффициенте поправки нуждаются эти диаграммы?

Кроме итогов, попадающих в статистические рубрики непосредственно «с потолка», рубрики эти пестрят и просто неверными цифрами. Трудно, напр., ожидать, чтобы крестьяне, давая, скажем, сведения о количестве высеянных хлебов и зная, что в зависимости от их указаний, у них будет отчуждена, по твердым ценам, та или иная часть урожая, — сообщали бы безусловно верные цифры. Выверить же многие из важных итогов соответствующие учреждения, — особенно в первые годы революции, — были совершенно не в состоянии. В дальнейшем я укажу на ряд просто неверных (см., напр., табл. 19) или сомнительных данных.

Вот почему дать в настоящее время очерк хозяйственной сферы жизни нашей деревни в государственном или другом, несколько меньшем, масштабе — преждевременно: нет материалов, в точности которых, хотя бы приблизительной, мы были бы уверены.

Поэтому пока что осторожнее начинать дело изучения экономики современной деревни с той клеточки, которую я назвал основной базой всего советского строительства,—с волости. И за работу следует приниматься как можно скорее: архивы провинциальных учреждений революционного периода (разных губпродкомов, уездземотделов и пр.), где должны были бы храниться документы, характеризующие именно текущую эпоху, документы, на которые если и не всегда можно всецело опираться, но которые, само собою разумеется, были бы чрезвычайно полезны при их взаимном сопоставлении, эти архивы гибнут чуть ли не ежедневно (см. ниже очерк «Архивы»).

При всех описанных условиях ценным, по моему мнению, является уже исследование хозяйственной сферы любой волости советской России. Но желательно брать в качестве об'екта изучения не какую попало волость, а волость типичную для того или иного района. Если бы появился хотя бы только один-другой десяток работ с более или менее подробным описанием хозяйственной жизни за эти годы волостей, характерных для разнообразных районов страны, то, на основании подобных

статистич. сведений», изд. 1920 г.); в губернских городах учреждаются курсы для подготовки волостных статистиков и пр.

За последние 3½ года деревенская статистика вышла из того хаотического состояния, в котором она пребывала в первые годы революции.

работ, можно было бы сказать веское слово и об экономике всей революционной России[1].

В настоящей работе я делюсь результатами моего изучения одной из волостей Тверской губернии — Горицкой волости. Эта волость, если можно так выразиться, «средняя», т.-е. типичная для своей губернии. Из большого количества данных, подтверждающих только что сказанное, возьмем лишь несколько — и только цифры. Напр.: для сельского населения губернии в 1916 году рогатого скота (с молодняком) приходилось 44 головы на 100 человек[2], —

[1] Повидимому, материалы центра общего характера до самого последнего времени давали довольно слабое, а может быть и уродливое отражение хозяйства деревни, и метод, которым я пользуюсь — начинать изучение экономики крестьянской России с волости — есть единственно правильный путь. Так, в книжке «Крестьянское хозяйство за время революции» (изд. 1923 г.), от имени комиссии по работе в деревне ЦК РКП, тов. Куйбышев, говорит: «Комиссия по работе в деревне Центрального Комитета Партии, образованная по постановлению XI партийного с'езда, рассмотрев в процессе работы материалы Наркомзема, Всеработземлеса, Наркомвнудела о современном состоянии деревни... в виду недостаточности представленных материалов, решила провести обследование в 9-ти пунктах, типичных для основных сельско-хозяйственных районов России». И, в результате, по поручению комиссии, в начале 1923 года было обследовано 9 волостей в разных губерниях Евр. России.

Короткие отчеты обследований и напечатаны в названной книжке. Недостатками — и крупными — этих обследований я считаю: во-первых, то обстоятельство, что опрос велся только по трем датам: 1917, 1920 и 1922 годы. Затем — товарищи из ЦК РКП являлись в волость большой гурьбой: «В 2 дня собрали экспедицию: 9 статистиков, заведывающий губземотделом т. Пратченко, председатель сельско-хозяйственной кооперации т. Матохин и 2 представителя Курского губкома. В течение нескольких часов собрали семь пар лошадей из разных ведомств и двинулись в дорогу, — так один из обследователей, Я. Яковлев, в отдельно изданной книжке «Деревня, как она есть» (изд. 1923 г.), описывает начало своего путешествия в Никольскую волость, Курской губернии. Я, зная психологию крестьянина, его настороженность и вообще осторожность, сильно сомневаюсь, чтобы крестьянин, призванный на сход или в единоличной беседе с приехавшими людьми, для него сплошь чужими, так бы и стал рисовать деревню «как она есть». И, наконец, третий крупный недостаток — обследователи могли провести в порученных им для изучения пунктах всего лишь по несколько дней — ну, а за такой короткий срок, даже умея хорошо смотреть, все же многого и многого просто не успеешь увидать. Но, несмотря на отмеченные недостатки, результаты обследований довольно любопытны. Главное же, напали на верный метод: начали работу с обследования именно волостей.

Итак, высокий авторитет названной комиссии Центр. Комитета Партии утверждает меня в мысли, что тот путь, на который я вступил еще в начале революции, приступив к изучению экономики деревни с волости, — самый надежный путь.

[2] «Статист. Ежегодник Тверск. губ. 1915—1916 г.г.», стр. 30 и 116.

для Горицкой волости за тот же год было скота (и тоже с молодняком) как раз 44 головы на 100 человек [1]; по губернии хозяйств без всякого скота было в 1916 г. 15,7% общего их числа [2], — для волости, за тот же 1916 г., эта цифра совпадает с точностью до одной десятой [3]; без коров по губернии было в 1916 г. 19,9% хозяйств [4], — по волости — 18,7% [5] и т. д.

Нижеописываемая Горицкая волость — рядовая земледельческая волость. В Тверской губернии можно наблюдать два типа волостей. Одни, лежащие близко к удобным путям сообщения (около железных дорог, по Волге и проч.), часто имеют в своих пределах какой-нибудь даже высоко развитой кустарный промысел (напр., Кимрская волость [6] с знаменитым на всю Россию сапожничеством); в таких волостях почти вся пашня в пустырях (не теперь, конечно). Примером иного типа служит Горицкая волость. Она лежит в глухом углу уезда, в 40 верстах от Волги, в 45 верстах (Савелово) [7], с одной стороны, и в 75 верстах (Тверь), с другой, от железной дороги. Кроме сельского хозяйства, подкрепляемого обычными для центральных губерний отхожими промыслами, здесь ничем нельзя добыть себе пропитание. И население волости искони усердно занималось земледелием.

Источники, которыми я пользовался, можно разделить на три группы. К первой принадлежат научные произведения, статистические таблицы и пр., напечатанные отдельными изданиями или же опубликованные во всеобщее сведение в сборниках, бюллетенях и т. п. Ко второй относятся разного рода сведения, полученные мною путем официальных справок (в письменном виде) от тех или или иных учреждений и должностных лиц. Третью группу составляют данные, добытые путем обработки сырого материала [8].

---

[1] См. табл. 8 и 15.

[2] См. «Ежегодник», стр. 116 и 117.

[3] Табл. 8 и 15.

[4] «Ежегодн.», там же.

[5] Табл. 8 и 15.

[6] В 1918 г. село Кимры переименовано в уездный город. В 1922 году Горицкая волость, состоявшая раньше в пределах Корчевского уезда, за совершенным упразднением последнего, перечислена в Кимрский уезд.

[7] Савелово — конечный пункт савеловской ветки, в 120 верстах от Москвы.

[8] Например, цифры о новых постройках в волости добыты из архивных материалов страхового советского агентства,—они извлечены из специальных листков, заведенных на каждого домохозяина волости. Просмотрев за трехлетие около 6.000 листков, я и получил в результате цифры, которые ниже фигурируют. Погодные сведения о том, что отчуждалось властью у населения по твердым ценам в принудительном порядке, добыты путем оперирования с самыми разнообразными документами: счетными книгами волостного исполн. комитета, книжками кви-

Итоги официальной статистики тщательно проверялись мною сопоставлением их с теми материалами, которые я собрал на месте, пользуясь связями с крестьянством волости. Некоторые случаи исправлений особо отмечены.

Сказанное об источниках уже обрисовывает и метод работы. Поэтому останавливаться на нем является совершенно излишним.

Так как настоящая глава служит как бы введением к работе, то здесь уместно упомянуть, что главной и наиболее существенной частью исследования я считаю таблицы, помещенные в конце книги. Эти таблицы — та база, на которой я строю свои немногие выводы и обобщения. Бо́льшую часть разного рода замечаний и ссылок я соединил с таблицами же, чтобы не загромождать ими текста.

Еще отмечу: Горицкая волость была под моим наблюдением в течение всего того периода, о котором в работе идет речь. Со всеми хозяйственными и бытовыми условиями жизни волости я хорошо знаком, так как сам являюсь крестьянином ее, имею свое крестьянское хозяйство в волости.

тационными, ордерными и пр.; таблица местных рыночных цен на продукты составилась отчасти из собственных записей, а отчасти по сообщениям местных сведущих людей, имеющих связь с вольным рынком волости, и т. д.

Страничка из прошлого волости.

Памятники давно минувших времен, рассеянные в том районе, где расположена и нынешняя Горицкая волость, с убедительностью говорят о том, что люди здесь жили, повидимому, еще задолго до образования русского государства, т.-е. свыше тысячи лет тому назад. Названия некоторых городов нашего района (Корчева, Кимры) указывают, что первыми насельниками края были финские племена. Это подтверждается и данными местных раскопок. Так, изучение предметов, извлеченных при раскопках городища [1] под названием «Топорок», находящегося около Корчевы, с несомненностью доказывает, что городище это об'единяло вокруг себя людей еще в V—VIII столетии (т.-е. 1400—1100 лет назад), и люди эти принадлежали к финским племенам — характер предметов свидетельствует об этом. Орудия из камня и кости, обнаруженные при раскопках «Топорка», находили в разное время на территории Кимр, Корчевы (они хранятся в Тверском Археологическом музее).

Столетия за два до начала русского государства в нашем краю появляются славяне из племени кривичей. Память о них сохранилась в названии одного и до сих пор не раскопанного городища «Кривец», лежащего в 8 верстах от с. Гориц на мысу, образуемом р. Медведицею, около нынешней кривецкой мельницы. Надо думать, хотя это пока еще и не совсем установлено, что предметы кривичских времен были найдены при случайных раскопках лет 40 назад, верстах в 14 от с. Гориц, близ д. Посады (на р. Медведице). Здесь нашли до 200 разных предметов: бусы, бляшки, серьги, перстни, весы и весовые гирьки, топоры и пр., а также и арабские монеты VIII, IX и X веков (все найденное — в Москве, в Историческом Музее).

---

[1] Городищами ученые называют сооружения, расположенные обыкновенно на возвышенных местах, по берегам рек, большей частью на стрелке или на мысу, образованном впадающим в реку притоком или оврагом. Такие возвышенные мысы представляли удобства для обороны в случае нападения. Во многих из городищ собирались окрестные жители и для жертвоприношений. Городище «Топорок», окруженное валом сажен 125 в окружности, имело для окрестного населения, повидимому, религиозное значение.

Какие-то курганы круглой, шапкообразной формы, числом 21, которые пока никто не раскапывал, лежат в 12 верстах от с Гориц, около с. Суток.

Отделившись от эпохи упомянутых находок рядом столетий мы по письменным памятникам XVII века можем судить, что крестьянское хозяйство в нашем краю было поставлено как будто бы не очень плохо. Писцовые книги [1] говорят, что в восьмидесятых годах XVII века запашка на крестьянский двор была около 4 десятин в трех полях, а обеспеченность среднего крестьянского хозяйства скотом такая: пара лошадей, 2—3 коровы, 2—3 овцы и пара свиней [2].

Еще через одну сотню лет, в восьмидесятых годах XVIII столетия, неизвестный автор сочинения под названием «Генеральное соображение по Тверской губернии» [3], делясь с нами своими сведениями, добытыми при генеральном межевании [4],

---

[1] Первая более или менее правильно организованная писцовая перепись имела место в XIII веке, когда татары переписали все мужское население Руси на предмет обложения его данями. Подобные подушные переписи производились регулярно через каждые 17 лет. В XIV в., когда князья сами стали собирать с населения дань для татар, эти переписи из поголовных превратились в поимущественные, и вследствие этого изменилась и сама система описей. Описание владений, развиваясь и совершенствуясь, к XV в. сложилось в систему писцовых книг, которые и представляют собою правительственные документы XV — XVII веков, дававшие государственной власти материал для податного обложения населения. Самая старая из сохранившихся писцов. книг — от 1499 г. Всего дошло до нас около 3.500 книг (по 1729 год).

[2] См. труд Ю. Готье—«Замосковный край в XVII веке», изд. 1906 г.— таблицу на стр. 331 и таблицы на стр. 453—454. Само собою разумеется, что подобное сравнительное высокое благосостояние крестьянского хозяйства не всегда было таким в наших краях. Надо думать, что в начале того же XVII века, в период смутного времени, когда крестьянство от разорения и тяжелых налогов бежало куда глаза глядят, хозяйство было гораздо беднее. Любопытно, какое громадное запустение отмечают писцовые книги 20-х годов XVII века по соседнему с нашей волостью Тверскому уезду: в Тверском уезде, площадь которого превосходила площадь нынешнего Тверского уезда, было всего на всего 590 крестьянских дворов обитаемых, 910 — пустых (крестьяне сбежали) и 541 бобыльский двор, т.-е. всего с пустыми дворами было 2.041 двор. В Горицкой же волости в 1924 году было 2.405 населенных дворов.

[3] Полное название этого сочинения такое: «Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 г.»; издано это сочинение Тверским Губернским Земством в 1873 г. и имеет оно 163 стр.

[4] Генеральное межевание было начато при Екатерине II, но не было закончено и до начала революции. Установлено оно было, как гласили межевые законы, отмеченные революцией, «для того, чтобы, во-первых, привести в известность количество земель и угодий, принадлежащих частным лицам или казне, и, во-вторых, утвердить спокойствие владельцев постановлением правильных и несомненных границ поземельных владений».

в таких выражениях описывает внешность, занятие, быт и хозяйство корчевских [1] крестьян, а в их числе, следовательно, и горицких крестьян:

«Жители, по большей части, роста посредственного, лицом продолговаты, волосом темнорусы, не глупы, проворны и смелы. До 90 лет мало проживают, умирая между 60 и 80 годами. Впрочем, ведут жизнь здоровую. Болезни здесь обыкновенные: по веснам лихорадки, летом горячки, зимою кашли и простуды. Из хронических болезней страдают некоторые падучею.

«Упражнения крестьян во весь год никакой от других уездов отмены не имеют: летом и весною все они упражняются в хлебопашестве, а осенью в молотьбе, зимою в промыслах. Женщины зимою прядут и за домом и скотом смотрят.

«Крестьяне здешние, по числу земли, коей на каждую соху не менее десятины в поле полагается, и по ее плодородью, — не только продовольствуются хлебом и прокормят скот, но еще часть того и другого продают, по цене на 7 или 8 рублей [2], к тому, получив от промыслов своих вдвое или и более, не имеют недостатку в деньгах как для уплаты податей, так и для собственных надобностей, а потому и живут безбедно.

«Мужское платье состоит: в шубе, кафтане и балахоне. Зажиточные ходят весьма опрятно: в кожанах, смурых кафтанах и сапогах. Женщины носят кокошники, не очень высокие, сарафаны же их и прочие наряды обыкновенные.

«Едят они хорошо и сытно. В скоромные дни: щи со сметаною, с салом, или мясом, крутую кашу с маслом; завтракают блинами и аладьями. По постным дням: щи заливают конопляным соком, варят горох, парят репу, пекут пироги с грибами, употребляют соленые грузди и рыжики. Также едят земляные яблоки [3], напарив в горшке и посыпав солью. Спят

[1] Корчева была переименована из села в город указом Екатерины II в 1781 году и имела всего 27 обывательских дома. В 1923 году Корчева снова стала селом. В московский период истории наша волость находилась в пределах старого Кашинского уезда, в районе Середецкого стана.

[2] Нужно иметь в виду, что 142 года назад, когда писал свой труд автор «Генерального соображения», покупная способность рубля была иной, нежели теперь или до войны. Вот цены того времени на некоторые предметы и продукты: изба сосновая стоила от 18 до 30 руб., аршин холста от 5 до 7 коп., пятиведерная бочка соленых щук — 1 руб. 50 коп., десяток беличьих шкурок ценился в 20 — 30 коп., четверть ржи (9 пудов) 1 руб. 30 к.—1 руб. 50 коп. и т. д. (все эти цены существовали в Тверской губернии).

[3] Земляные яблоки — это картофель, который был в то время большой редкостью. Картофель, как известно, в первый раз появился в России при Петре Великом, но до самой середины XIX века он распространялся очень медленно, несмотря на то, что правительство рекомендовало населению разводить его (еще при Екатерине II был издан о картофеле сенатский указ).

на войлоках под дерюгами и на соломе. По утрам встают в 4, а ложаться в 10 часов. Женщины по зимам, а особливо на супрядках, сидят долго.

«Крестьянское строение хорошо: крыто по большей частью тесом или дранью. Избы делаются высокие с подпольями; у некоторых с красными окнами и с трубами [1]. На дворах расположение обыкновенное. Деревни тесны, беспорядочны, а улицы в них грязны. Живут по две семьи. Для света употребляют лучину. Избы топят жарко.

«Из скота держат: лошадей, коров, овец и свиней, коз имеют мало и шерсти с них не чешут; куриц водят все; голубей — в каждом селении, гусей — немногие. Здешний скот мелок и нередко подвержен падежу, а особливо коровы во время сухой погоды. Каждый посредственного состояния крестьянин имеет двух лошадей, двух коров, двух овец, одну свинью, пять или шесть куриц. Скот кормят соломой и овсяным огуменным кормом, по большей части сухим. Корм задают три раза в день. На водопой гоняют два раза. Летом в поле выгоняют при восхождении, а пригоняют при захождении солнца.

«Крестьяне на помещиков работают с доль пополам каждый день, кроме праздников, а оброчные [2] платят по 3 руб. с души, или от 5 до 10 руб. с венца [3].

Относительно с. Гориц автор «Генерального соображения» говорит, что «в Горицах еженедельный торг по воскресеньям» и «при селе Горицах полотняная фабрика бригадира Алсуфьева, состоящая из десяти станов, другая—надворного советника Алсуфьева при селе Дуброве [4], с четырьмя станами».

Так жили мои земляки 140 лет назад.

По переписи 1858 года в Горицкой волости было 1.019 дворов с населением в 7.557 человек (3.504 мужчин и 4.053 женщины).

Из отхожих промыслов в нашей волости долго держался красильный промысел, существовавший у нас еще в XVIII веке и угасший окончательно лет 25—30 назад с распространением по деревням ситца, вытеснившего крашеное домотканое полотно. Вот что писал о красильном промысле в 1902 году один из корреспондентов губернского земства Докучаев:

«Лет 10 тому назад,—пишет А. И. Докучаев,—из Горицкой вол., Корчевского уезда отходили из каждого дома; промысел был очень выгоден, но теперь он сильно сократился. Прясть и ткать стали меньше, покупают больше ситец. На промысел

[1] Если трубы были только в некоторых домах, то повидимому большинство изб топилось «по-черному».
[2] Оброчные крестьяне, платя оброк, были свободны от барщины.
[3] Венец — это одно тягло или семья (обычно так).
[4] Доброво лежит в полуверсте от с. Гориц.

стали ходить бедные люди, которых не пугает малый заработок. Красильщики уходят преимущественно в те губернии России, куда слабо проникает ситец фабричного производства. На промысел идут с 15-летнего возраста. Бедные поступают в работники, зажиточные являются хозяевами. Начинают уходит с 1 недели великого поста, возвращаются в ноябре и декабре. На сенокос и на летние полевые работы иногда возвращаются на родину. Рабочие нанимаются к хозяину в своей деревне, расход на дорогу обычно оплачивает хозяин. Зажиточный красильщик нанимает человек 7—8 рабочих. Валовой заработок рабочего за весь сезон колеблется от 120—160 руб., а хозяина от 200—400 рублей.

Стоимость необходимых приспособлений для промысла (куб, кадка, краска) определяется в 200 рублей».

Кроме красильного промысла у нас был развит пастуший промысел. Из шести деревень волости (деревни: Иваньково, Рыбушкино, Лебзуново, Коршево, Молоди и Сиблово) ежегодно уходило на сторону в пастухи человек 300, главным образом подростков. Уходили за 40, 70 и даже за 100 верст. Малолетние пастушки лет 25 назад зарабатывали на готовом содержании «от Егорьева дня и до Покрова» (с конца апреля и по начало октября) от 8 до 12 рублей за весь сезон. Теперь пастуший промысел в значительной мере упал.

На этом я и кончу страничку из прошлого волости, приведя в заключение несколько беглых сведений о Горицкой волости, носящих общий характер.

Площадь Горицкой волости до самого последнего времени равняется 43.288 десятин (см. таблицу 14). Низменный и равнинный характер местности обусловил развитие обширных озерных и болотистых пространств: под озерами находится почти $^1/_{10}$ часть всей площади волости, под болотами — $^1/_3$. Горицкие озера — это известная группа Петровских озер, состоящая из 23 озер (7 из них отходят в смежный Тверской уезд); из отдельных озер этой группы назовем озеро Великое, с площадью в 40 квадр. верст, оз. Песочное имеет 7 верст длины и 2 версты ширины и пр. Болота — почти непроходимые торфяники, изобилующие клюквой. Почва глинистая, подзолистая и иловатая — тощая и малопроизводительная. По хозяйственному значению удобная земля волости распределяется таким образом (рядом с данными по волости привожу, для сравнения, соответствующие цифры по уезду, губернии и по Европ. России для 23 нечерноземных губерний) [1]:

[1] «Статистич.-экономич. исследование грунтовых дорог Тверской губ.», вып. VIII (1910 г.), стр. 3. Статья в энцикл. словаре Брокгауз-Ефрон (Тверск. губ.), т. 32; цифра 20,1% для пашни выведена нами на основа-

УГОДЬЯ:	Волость. %	Уезд. %	Губерния. %	Россия. %
Пашни	27,8	21,2	35,6(20,1)	16,5
Покосы	22,1	37,5	34,3	11,2
Выгоны	4,0	11,5	—	5,0
Леса	46,1	29,8	30,1	67,3

В волости было 74 селения; деревни небольшие — дворов 15—20.

Как известно, с 1923 года, по целому ряду очень веских соображений, по всей стране началось укрупнение волостей. Процесс этот продолжался и в течение всего 1924 года. Он еще не закончился и теперь, в 1925 году.

Горицкая волость тоже подверглась укрупнению. Так, в 1923 году к ней было присоединено 8 селений соседней волости, а в 1924 году, в виду совершенного упразднения некоторых волостей в уезде, в район Горицкой волости были включены еще новые деревни. Таким образом, к началу 1925 г. наша волость насчитывала уже 110 селений и общая площадь ее, конечно, соответствующе увеличилась, хотя соотношение угодий, вследствие однообразных хозяйственных условий в округе, осталось, приблизительно, тем же, каким оно было до 1923—1924 годов.

нии сельск.-хоз. переписи по губернии за 1916 г. — см. «Итоги сельск.-хоз. пер. по Тверск. губ. за 1916 г.» (две книжки: «Хоз. крест. типа» — стр. 33 и «Хоз. владел. типа» — ст. 33, изд. 1917 и 1911 г.г.) и «Стат. ежегодник Тверск. губ.» за 1915—1916 г.г. (изд. 1918 г.), стр. 2. «Полн. энцикл. русс. сел.-хоз.», т. X, стр. 44.

Среднее хозяйство, его доходность и бюджет семьи в 1920 г.

Бюджеты за 1923—1924 г.

Чтобы иметь более отчетливое представление об экономической сфере жизни волости и правильнее подойти к тому материалу, который приводится в последующей части нашей работы, я считаю необходимым дать в настоящей главе описание среднего по волости крестьянского хозяйства, с его доходностью и приблизительным бюджетом. Это описание является следствием не теоретических выкладок и соображений: оно — плод изучения реальных и типичных хозяйств волости и отдельных данных по бюджетам некоторых, тоже типичных. семей за 1920 год.

Состав семьи: три члена работоспособных (от 16 лет) и три неработоспособных (ребенок до 5 лет и двое детей от 5 до 16 лет).

Земля: во всех трех полях (озимое, яровое и пар) пахотной земли 2½ десятины; сенокоса около 7 десятин, при чем сенокос, главным образом, в пустошах и по болоту; огород около дома — $^1/_{10}$ десятины; земли под выгоном, лесом и проч.. как не имеющие непосредственного значения для нашего описания, мы оставляем в стороне.

Скот и домашняя птица: по одной лошади, корове и телке, две овцы с приплодом, десять кур и петух.

Хозяйство ведется без эксплуатации наемной силы и без применения каких-либо сельско-хозяйственных машин.

Валовая доходность хозяйства.

Определяя доходность, мы будем иметь в виду две нормы урожайности: среднюю урожайность и урожайность 1920 г. (табл. 2), которая (кроме трав) значительно выше средней.

1. Продукты полеводства. При высеве 8 пуд. ржи, 12 пуд. овса, 1½ пуд. льна и 25 пуд. картофеля получается урожай в пудах (высев ячменя мы не указываем, так как он сеется не в каждом рядовом хозяйстве):

НАИМЕНОВАНИЕ.	По средней норме.	Урожай 1920 г.
Рожь	43,2	64
Овес	38,4	42
Картофель	135	150
Лен	3½ п. семя и 4⅘ п. волокна.	7½ п. семя и 4½ п. волокна.

2. Продукты скотоводства и птицеводства. За год корова даст молока 60 пуд [1], при чем 5 пуд. пойдет на выпойку теленка. Считая, что две овцы дают в год, в среднем, трех ягнят и что ягнят этих режут в возрасте 8—10 месяцев, мы получим мяса 2 пуда 10 фун. Кроме того, в течение каждых трех лет режут двух телят [2] в возрасте 6—8 месяцев — получается мяса на год 1 пуд. 20 фун. Всего же мяса в хозяйстве будет около 3 пуд. 30 фун. Овчины идут на теплую зимнюю одежду, а овечья шерсть, которой за год наберется фунтов 9, пойдет на валенки. 10 кур дадут в год 800 штук яиц; пять кур можно зарезать, заменив их молодками; получим курятины фунтов 12.

3. Продукты огородничества. Получится в течение года: 15 пуд. капусты, 3 пуда огурцов, 1½ пуда моркови и около 1 пуда свеклы, брюквы и проч.

4. Корма для скота. С 7 десятин уберут сена около 460 пуд. при среднем урожае трав и лишь 224 пуда сняли в 1920 г. (табл. 1). Кроме сена, в корм пойдет 12 пуд. овса [3], около 54 пуд. яровой соломы, 11 пуд. мякины [4], 2 пуда дуранды (жмыхов), полученной при сбивании льняного семени на масло. В случае недостатка этих кормовых средств, хозяин пустит в корм и ржаную солому, которой около 128 пуд. и которая обычно идет на подстилку для скота.

---

[1] Эта цифра совпадает с цифрой В. Варгина: «Простые расчеты по организации крестьянского хозяйства», 1912 г., стр. 15.

[2] Третий теленок покрывает убыль коровы от ее старения, болезней и падежа.

[3] На основании § 3 ст. 683 № 62 «Собрания Узаконений и расп. раб. и крест. правительства» за 1918 г. и заключительной части этого законоположения, предоставляющей право Губ. Прод. Комитету уменьшать норму, указанную в § 3 (18 пуд.), в Тверской губ. для лошадей оставлялось в 1920 г. 12 пуд. овса на год.

[4] Яровой соломы получается по весу приблизительно в 1½ раза больше, а ржаной в два раза больше, чем зерна; мякины с пуда зерна получается около 7 фунтов.

5. Навоз в хозяйстве. Так как навоз содержит в себе все вещества, входящие в состав растений и, положенный в землю в качестве удобрения, возвращает земле все то, что было взято у нее при произрастании рожью, овсом и проч., то количество навоза в хозяйстве имеет чрезвычайно важное значение для доходности последнего: в нашем хозяйстве будет около 1.320 пудов навозу (табл. 3).

Расход хозяйства.

1. Продукты полеводства. Сделаем расчет, имея в виду урожай 1920 г., который (табл. 2) значительно выше среднего урожая. При среднем урожае хлебов, картофеля и льна, описываемое хозяйство будет недалеко от критического состояния, а при урожае ниже среднего — оно потерпит крах, то-есть придется ликвидировать часть скота, членам семьи искать заработка на стороне и т. д. Сказанное подтвердится, если сделать расчет на средний или ниже среднего урожай.

При урожае 1920 г. расход продуктов полеводства будет такой в пудах:

	Рожь.	Овес.	Картофель.	ЛЕН. Семя.	ЛЕН. Волокно.
На семена	8	12	25	$1\frac{1}{2}$	—
Принуд. отчуждение	$5\frac{3}{5}$	12	$6\frac{1}{4}$	$1\frac{1}{5}$	1
Продов. семьи[3] 1)	$50\frac{2}{5}$	6	108	$4\frac{4}{5}$	—
Для лошади	—	12	—	—	—
На нужды семьи	—	—	—	—	$3\frac{1}{2}$
Теленку, курам[4] 2)	—	—	$10\frac{3}{4}$	—	—
Всего	64	42	150	$7\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$

Из 6 пудов овса сделают крупы, которой выйдет 3 пуда; 6 пуд. льняного семени свезут на маслобойню; здесь, произведя отчуждение в пользу государства, остальное собьют на масло, которого выйдет около одного пуда. Волокно пойдет на нитки и новины (деревенское полотно), из которого женщины пошьют белье, полотенца и проч.

[1] Здесь же укажу, что крестьянская семья, если она обладала достаточным количеством собственной ржи, удовлетворялась в пределах до 12 п. на человека в год (дети до 5 лет — половиной нормы). Излишки отчуждались. Если на каждого члена семьи приходилось из расчета на год меньше 9 пуд. ржи, то семье отсчитывали по 30 фунтов (зерна или муки) на месяц на каждого члена семьи (детям до 5 лет — половина) из ее запаса. После того, как семья с'ест свой хлеб, она имела право на «голодный» паек из волостного исполкома до нового хлеба (до 1 августа) по 15 фун. на человека в месяц. Но эти пайки выдавались не регулярно: в 1919 г. их не давали с 1 апреля, в 1920 г. — с 1 июня; в 1921 г. выдача прекратилась.

[2] Теленку и курам идет загнивший картофель, которого бывает 8—10%.

2. Продукты скотоводства и птицеводства. Как мы уже говорили, из шерсти сваляют валенки, овчины пойдут на теплое платье. В дальнейшем мы увидим, в достаточной ли мере снабжено наше хозяйство шерстью и овчинами, действительно ли пойдет на продовольствие семьи все количество яиц, молока, мяса, и проч., или же глава семьи часть этих продуктов обменяет на соль, сахар и проч. [1].

Статьи расхода.	Мясо пуд.	Молоко пуд.	Яйца штуки.	Куры фунты.	Шерсть фунты.	Овчины штуки.
Принуд. отчужд. [2] . .	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{3}{4}$	10	$\frac{2}{3}$	2	$\frac{1}{2}$
На прод. семьи . . .	$2\frac{1}{4}$	$53\frac{1}{4}$	770	$11\frac{1}{3}$	—	—
На высидку цыплят .	—	—	20	—	—	—
На нужды семьи . .	—	—	—	—	7	$2\frac{1}{2}$
На выпойку теленка .	—	5	—	—	—	—
Всего . .	$3\frac{3}{4}$	60	800	12	9	3

3. Продукты огородничества. Продукты огородничества отчуждению не подлежат. Морковь в сушеном виде будет служить суррогатом чая (в деревне еще употребляются как суррогаты чая: сушеные листья яблони, земляничник, размолотые жареные зерна ржи и т. д.). Свекла в сушеном виде будет заменять сахар. В 1920 г. по огородам сеяли табак; урожай получился хороший, но обработка, сушка и проч. не совсем удалась.

4. Корма для скота. Для всего скота в течение периода содержания его на дворе (с 1 октября по 20 апреля ст. ст. или с начала октября по начало мая по нов. ст.) потребуется 7.338 кормовых единиц (табл. 12). В остальное время скот будет питаться на пастбище. Но все же лошади во время весенней и осенней пашни непременно нужно дать дополнительно к пастбищному корму самое меньшее еще 246 кормовых единиц. Всего, следовательно, для скота надо иметь корма, который содержал бы 7.584 кормовых единицы. У нас же, считая по урожаю 1920 г., в сене, овсе, яровой соломе, мякине и в льняных жмыхах будет всего 5.662 кормовых единицы (табл. 11). Не хватит, приблизительно, 1.922 единицы. Если хозяин пустит в корм всю ржаную солому, то получит лишь 1.152 единицы. Но он этого сделать не может, так как скоту непременно нужна и подстилка (и для получения навоза подстилка необходима); на подстилку минимально пойдет 110 пу-

---

[1] Считая, что из 35 п. молока выходит 1 п. масла (см. В. Варгин, ук. соч., стр. 18), мы масляный налог в 2 фунта выразим в молоке.

[2] В табличке отсутствуют творог и масло, — для удобства изложения мы предполагаем, что молоко употребляется в непереработанном виде.

дов [1]; значит, ржаная солома (18 пуд.) даст 162 единицы. Таким образом, все же будет нехватка в 1.750 кормовых единиц. Единственный выход из критического положения с кормами — продажа телки. С осени 1920 г. крестьяне предлагали желающим брать у них дойных коров на таких условиях: бесплатно пользоваться молоком с 1-го октября по 20-е апреля, но в течение этого времени кормить корову, а 20-го апреля, когда скот выгоняют на пастбище, вернуть корову владельцу. Но желающих находилось немного — негде было взять кормов. Поэтому, очень многие хозяйства, осенью и зимой 1920 г., продали часть своего скота. В 1921 г. скота в волости стало значительно меньше, нежели в предыдущем году.

5. Навоз в хозяйстве. У нашего хозяина 2½ дес. пашни, т.-е. в каждом поле по $^5/_6$ дес. Навоз требуется лишь для парового поля и для земли под картофель; у нас под картофелем $^1/_5$ дес. (табл. 12). Значит, унавозить надо одну десятину. Приходится констатировать, что в навозе будет нехватка (табл. 4): против средней поуездной нормы недостает 155 пуд., а против того, сколько следует класть навоза на десятину пашни по указаниям агрономии, не хватит 1.650 пуд. Итак, чтобы удобрить землю согласно указаниям агрономической науки, наше среднее хозяйство должно иметь скота вдвое больше того количества, которое имеется на-лицо. Но наши кормовые средства, как мы видели, не всегда позволяют прокормить и тот скот, который есть. Следовательно, выдвигается на очередь вопрос о замене трехполья многопольем, что сократит площадь пара, и о поднятии или, вернее, введении травосеяния (табл. 9), что позволит содержать большее количество скота, или же, наконец, надо применять искусственное удобрение.

Бюджет.

«Бюджет, это — микроскоп, позволяющий ясно увидеть частями то, что скрыто под покровом сложности и запутанности семейных отношений», — говорит известный исследователь крестьянских бюджетов Ф. А. Щербина [2]. Определяя со-

---

[1] По агрономическим указаниям для скота нашего хозяйства надо было бы подстилки не меньше 140 пудов — см. В. Варгин, стр. 13.

[2] Ф. Щербина. «Крестьянские бюджеты» (1900 г.), введение. Бюджетные исследования. — эти чрезвычайно важные для науки и для правильного понимания действительного положения в государстве тех или иных классов и отдельных слоев населения изыскания,—имеют довольно длинную историю. В Западной Европе они, в виде случайных бюджетных справок, начались еще в конце XVIII века, а к середине XIX века уже получает оформление и метод бюджетных исследований. В России первые попытки осветить кое-какие вопросы бюджетного порядка тоже,

став бюджетного имущества, Щербина называет его «копией экономического строя данной страны» и включает в него все имущество, начиная от земли и строений, до мельчайших предметов домашней утвари. Но мы, интересуясь крестьянским бюджетом лишь попутно, понимаем его более узко. Мы старались учесть в бюджете с одной стороны, что средний крестьянин волости покупал для своей семьи и хозяйства и, с другой,—что он продавал, чтобы иметь возможность купить необходимое.

В 1920 г. обычно покупалось лишь то, что трудно или невозможно было изготовить хозяйственным способом; в крестьянском быту за последние до нэп'а и в первое время после введения его годы почти исчезла купля-продажа; ее заменил акт мены, но, для удобства учета, все приобретенное и все отданное взамен мы будем считать в деньгах.

как и в Западной Европе, относятся к концу XVIII века. Первым ученым, обратившим у нас серьезное внимание на изучение бюджетов был Д. П. Журавский, издавший в 1846 г. труд «Об источниках и употреблении статистических сведений», где он подчеркивает, что учет бюджетных расходов чрезвычайно важен как для выяснения материальных средств разных классов населения, так и для выявления наклонностей, потребностей, вкусов и стремлений каждого класса. Затем, после некоторого затишья, во второй половине прошлого столетия, появляется ряд работ, посвященных разработке вопросов бюджетного характера (работы П. П. Семенова, Е. Н. Анучина и др.). С 1894 г., когда был созван IX с'езд русских естествоиспытателей и врачей, изучением бюджета заинтересовываются разнообразные с'езды ученых и практических деятелей, внесшие много нового в разработку основ, программы и методов бюджетных исследований. На фоне развертывающейся науки о бюджете становится уже возможным обработка ряда сравнительно тонких тем с бытовым уклоном вроде, например, статьи М. Давыдовича (от 1909 г.) «Хозяйственное значение женщины в рабочей семье», где он приходит к любопытным выводам: наличность хозяйки дает экономию в расходах на одежду 51%, в ценах на продукты в 4½%, питание семьи значительно улучшается и т. д.

Однако, несмотря на всю важность бюджетных работ дореволюционного периода, которые велись, как отдельными лицами, так и разными общественными и государственными учреждениями, у них имеется один несомненный и большой недостаток: они велись не в общегосударственном масштабе и не по какой-либо единой программе, что существенно важно для получения данных о среднем бюджете русского крестьянина, о среднем бюджете крестьянских хозяйств по отдельным районам и т. д.

Первое обследование крестьянских бюджетов за революционный период было организовано Центральным Статистическим Управлением в 1919 г., когда подверглись обследованию 1.832 хозяйства, разбросанные в 21 губернии страны.

В 1921 году было исследовано 600 хозяйств, расположенных в 32 губерниях, при чем это обследование по качеству материала превосходит предыдущие — в 1921 г. был учтен опыт бюджетных работ 1919 г. Подобные работы, только охватывающие большее количество хозяйств и при использовании более совершенных приемов, были предпринимаемы ЦСУ и позднее — в 1922—23 г. (описано около 5.000 хозяйств) и в 1923—24 г. (обследовано около 10.000 хозяйств).

Приводим здесь средние величины по продаже и покупке разных продуктов в крестьянском хозяйстве Тверской губернии, полученные на основании учета 223 хозяйств [1] в 1908 г. и данные для среднего хозяйства волости за 1920 г.

Наименование предметов.	1908 г. На 1 хозяйство.		1920 г. На 1 хозяйство	
	Пуд.	На сумму в рублях.	Пуд.	На сумму в рублях.
ПРОДАНО:				
Зерновых хлебов	14,2	13,59	—	—
Картофеля	6,6	2,22	10	55.000
Прочих прод. полев. луговодства и огородн. (6 пуд. овса [2] и 1½ пуд. волокна в 1920 г.)	45,3	56,59	7,5	201.000
Дров и продукт. лесоводства	—	9,41	—	—
Рогатого скота	—	16,47	—	—
Прочего скота и домашн. птицы	—	3,37	—	40.000
Мяса	—	1,12	1	20.000
Кож, овчин и шерсти	—	2,30	—	—
Яиц (штук)	—	1,12	700	140.000
Масла, молока и проч. скопов	—	5,82	1	200.000
Мед и воск	—	1,14	—	—
Холста, пряжи и кустарн. изделий	—	3,35	—	—
Всего продано	—	116,50	—	656.000
Считая за 1920 г. на золото [3]				65,6 руб.
КУПЛЕНО:				
Ржи, солода, ячменя, овса	19,4	25,69	—	—
Пшеничной муки	4,8	11,86	—	—
Круп разных	7,8	15,02	—	—
Картофеля	1,9	0,86	—	—
Капусты, огурцов, лука	5,6	2,65	—	—
Семени льняного и огородного	0,7	4,46	—	6.000
Сена, соломы, жмыхов	19,7	3,46	—	—
Скота и домашн. птицы	—	7,30	—	—
Мяса, сала и масла русского	11,5	5,99	—	—
Рыбы	,20	4,23	—	—
Соли	6,2	2,16	2,5	120.000
Масла постного	—	1,95	—	—
Сахара, пряностей, сластей (фунтов)	134,3	17,56	8	32.000
Чаю (фунтов)	6,3	9,94	—	—
Водки (ведер)	6,1	13,58	—	—
Хмеля (фунтов)	—	1,46	2	8.000
Табаку (фунтов)	9,1	2,28	1	10.000
Дров	—	3,74	—	—

[1] «Статист. Ежегодник по Тверской губ. за 1908 г.» (изд. в 1910 г.), стр. 283—311.

[2] Таким образом запас кормов сократился еще на 240 корм. единиц.

[3] Бумажный рубль 1920 г. стоил 0,000100 золотом — см. таблицу 7.

Керосина	2,3	3,51	0,5	20.000
Других осветительных материалов	—	2,19	—	—
Мыла (фунтов)	23,8	2,89	12	48.000
Мебели	—	0,69	—	—
Кухонной, чайной и др. посуды	—	6,34	—	3.375
Книг, предметов комфорта и проч.	—	4,29	—	—
Одежды	—	32,68	—	117.500
Обуви	—	21,92	—	186,000
Разных материй, тканей	—	11,26	—	—
Строит. матер., гвоздей и проч.	—	15,11	—	7.500
Плугов, сох, борон	—	4,06	—	21,000
Телег, колес, дровень	—	8,84	—	60.000
Кос, серпов, брусков, лопат	—	1,88	—	10.000
Навозных вил и заступов	—	0,45	—	—
Сбруи, упряжи, экипажей	—	4,92	—	37.500
Молотилок, веялок и проч.	—	4,39	—	—
Домашних инструментов	—	2,05	—	5.000
Всего куплено	—	261,66	—	691,875
Считая за 1920 г, на золото:				69,19 руб.

За 1908 г. перерасход на хозяйство определяется в 145 руб. 16 коп. Этот перерасход покрывается заработком на отхожих промыслах. В 1920 г. перерасход в нашем хозяйстве в 35.875 руб. (или на золото 3 р. 59 к.) [1].

Приведенные цифры по бюджету 1920 г. не представляют из себя среднее арифметическое, полученное в результате обследования ряда бюджетов отдельных семей. Если и всегда выяснение прихода-расхода крестьянской семьи было делом нелегким, так как крестьяне настороженно относились к вопросам об их денежных делах, то теперь (речь в данном случае идет о 1920 г.), не только от постороннего, но даже и от близкого человека каждая семья тщательно скрывает свое материальное положение, боясь ответственности за проданное, опасаясь введения новых налогов и проч. Я описал приходо-расход лишь одной семьи, с бюджетными данными которой близко знаком; некоторые цифры этого бюджета корректировались на основании отрывочных сведений, полученных по бюджетам некоторых других семей.

Поясню отдельные цифры указанного бюджета.

Куплено: 2 лота огородных семян по 3.000 руб. за лот; сахару—8 фунт., который предназначается почти исключительно для гостей; кухонной посуды приобретено: один горшок для

[1] Кроме того, по хозяйству будет ряд мелких расходов: плата по твердым ценам за продукты, полученные по распределению из лавки (мануфактура, керосин и проч.), уплата за церковные требы и проч.; эти расходы не учитываю, так как они и перерасход за 1920 г. отчасти покроются получением сумм (по тверд. цен.) за отчужденные продукты, мелким заработком (помощь соседу в молотьбе и т. д.) и пр.

варки пищи и две кринки под молоко — каждая кринка обменена на пару яиц, а горшок—на 10 фун. картофеля; из одежды приобретено: полудлинная верхняя зимняя плюшевая кофта для девушки 16 лет за полпуда масла, сшит из своих овчин коротенький тулупчик для мальчика — шил портной на дому и, кстати, в течение двух дней чинил старое платье; что касается обуви, то осенью приобретены пара кожаных сапог за 65.000 р., шесть пар подметок за 72.000 руб., за починку сапог — 15.000 руб., две пары калишек — 8.000 руб. (кожа 5.000 руб. и работа — 3.000 руб.), две пары валеных сапог, причем своей шерсти (7 фунтов) не хватило на две пары — пришлось прикупить еще три фунта; куплено для хозяйственных надобностей гвоздей 5 фунтов по 1.500 руб. Рубрика: плуги, сохи, бороны означает следующее: приобретено: два лемеха за 8.000 руб.; перековка полоска у плуга — 500 руб.; наточить зубья у бороны — 2.500 руб.; капитальный ремонт отвала у плуга — 10.000 руб. Рубрика: телег, колес, дровень означает: перетяжка шин на стане колес — 10.000 руб., да куплены новые дровни за 50.000 руб.; по следующей рубрике — куплена одна коса за 10.000 руб.; из сбруи, упряжи и экипажей ничего нового не приобретено. Заплачено 15.000 руб. за выделку одной кожи, которая идет на ремонт сбруи (ремонт ее производится своими силами); 30 фунтов дегтю — 15.000 руб., подковные гвозди для ковки лошадей 2½ ф. — 5.000 руб., да 2.500 за ковку лошади (5 раз); из домашних инструментов куплен топор за 5.000 руб.

Все произведенные расходы—необходимые расходы. Лицо, незнакомое с бытом деревни, могло бы, пожалуй, найти излишним покупку пальто (плюшевой кофты) для девушки, но наша девушка начинает «рядиться», как говорят в Тверской губернии, или «невеститься», она не может выходить на «гулянье» с парнями в полушубке, ее стали бы обходить, не приглашать на танцы и т. д., положение обязывает и, как ни тяжело для бюджета семьи, но пальто нужно было приобрести.

Обратим внимание на то, что целый ряд продуктов, которые обязательно приобретались в мирное время, теперь совершенно отсутствуют в крестьянском обиходе,—например, водка, чай, пшеничная мука (пекли булки для гостей в большие годовые праздники), гречневые и пшенные крупы и т. д. Потребление других продуктов значительно сократилось: соли, приблизительно, употребляют на человека на 73% меньше, нежели в мирное время, мыла на 64% и т. д.

Валовой доход нашего среднего хозяйства (без стоимости навоза) — 4.718.357 руб. или 471 руб. 84 коп. на золотой

рубль [1]. Он образовался из нижеуказанных доходов, которые мы приводим в процентах по отношению к величине валового дохода, принимая последний за 100 и сравнивая полученные цифры с соответствующими цифрами валовой доходности крестьянских хозяйств в России [2], чтобы показать происшедшие изменения в величине составных частей валового дохода по среднему крестьянскому хозяйству.

	Наше средн. хозяйство.	По России:
Доход от зерна [3]	50,5	43,7
„ „ скотоводства	13,1	27,7
„ „ кормов [4]	35,2	23,8
„ „ огородничества	1,2	6,8
	100	100

Мы видим, что относительная величина доходности от продуктов полеводства несколько поднялась (на 6,9%) по сравнению с таковой доходностью мирного времени. Крестьянин постарался отчасти увеличить запашку, поскольку позволяют это сделать: площадь удобной земли, состояние живого и мертвого хозяйственного инвентаря и наличие рабочих рук в семье; он поднял какую-нибудь полоску или заполосок, которые раньше у него гуляли в пустырях. Отчасти же доходность данной рубрики поднялась вследствие более тщательной обработки земли: поглубже запахал, лишний раз заборонил и т. д. Такое поведение крестьянина понятно: надо обязательно обеспечить себя хлебом, необходимо стремиться к созданию хотя бы небольшого свободного фонда из продуктов полеводства, чтобы иметь возможность удовлетворять из этого фонда насущные потребности как личные, так и хозяйственные. Доходность от продуктов скотоводства заняла более скромное место по сравнению с таковой же рубрикой мирного времени. Это вполне понятно. Рост хозяйств и населения значительно опередил рост крупного рогатого и мелкого скота. Это верно для волости в целом (табл. 8 и 15), это также верно и для среднего хозяйства, в котором в мирное время держали бы больше мелкого скота, а, может быть, иной год пустили бы даже и пару коров. Относительное увеличение доходности от кормов об'ясняется поднятием цен на сено (в золотом рубле пуд его в 1920 г. стоил

[1] Речь идет, напоминаю, о 1920 годе.

[2] Последние цифры заимствованы из статьи «Крестьянское хозяйство» — в «Полной энцикл. русск. сельск. хозяйства», т. IV, стр. 1013.

[3] В этой рубрике мы считали доход от льна и картофеля.

[4] В кормы мы клали, помимо сена, яровую и ржаную солому, мякину и жмыхи.

60 коп. вместо 30 мирного времени). Доходность от огорода упала из-за плохого урожая овощей в 1920 г.

Сравним среднее потребление печеного хлеба и картофеля — основных продуктов питания — на каждого члена семьи за год. В 90-х годах XIX века в средней крестьянской семье Воронежской губернии [1]: печеного хлеба 16 пуд. 17,5 ф., картофеля — 3 пуда 14,4 ф.; в хозяйстве Горицкой волости за 1920 г.: хлеба 8 пуд. 29 ф. [2], картофеля — 18 пуд. Большое количество потребляемого на едока картофеля об'ясняется тем, что картофель, с резким уменьшением потребления хлеба, а также мяса, масла и проч., стал главным пищевым продуктом в крестьянском быту.

Бюджеты четырех крестьянских хозяйств за 1923—1924 г.

Учительством волости были обследованы четыре разнотипных крестьянских хозяйства, бюджеты которых и предоставлены в мое распоряжение. Правда, при обследовании допущены были некоторые упущения, но тем не менее материал является все же интересным и поэтому я и опубликовываю его здесь. Учету подвергся период с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г.

Назову эти хозяйства.

Зажиточное хозяйство в дер. Никитском крестьянина Комляшева.

Два середняцких хозяйства: 1) в дер. Черкасино—Синицына и 2) в дер. Соловьево — Бошева.

Бедняцкое хозяйство в дер. Дор—Сударикова.

Степень зажиточности хозяйства определялась качеством и количеством построек, а также живого и мертвого инвентаря. Так, общая стоимость всех построек и инвентаря в хозяйстве Комляшева определена в 4.250 руб. (один каменный дом стоит 2.500 руб.), а в хозяйстве Бошева — в 830 руб., в хозяйстве Сударикова — в 450 руб.

Перейдем к рассмотрению отдельных моментов хозяйственного бытия названных семей (доходы и расходы исчислены в рублях):

---

[1] См. Щербина, ук. соч., стр. 433.

[2] При вычислении количества печеного хлеба принят во внимание припек в 33%.

	Душ в семье.	Из них трудоспособных.	Пашни десят.	ДОХОДЫ.				РАСХОДЫ.						Чист. дох.	
				Полеводство.	Скотоводство.	Промысла.	Всего.	Полеводство.	Скотовод.	Питание.	Обувь и одежда.	Другие расходы.	Всего.	На одно хозяйство.	На 1 десят. пашни.
Комляшев.	9	6	4,12	1087,25	580,00	240,00	1907,25	106,00	628,25	814,00	161,00	114,10	1823,35	83,90	20,36
Синицын.	6	4	3,00	763,75	266,00	25,00	1054,75	85,75	396,50	320,00	116,60	73,55	992,40	62.35	20,78
Вошев. . .	10	4	5,60	770,25	407,25	170,00	1347,50	90,50	401,85	618,75	105,00	41,62	1257,72	89,78	16,03
Сударииков	3	1	3,75	286,25	25,00	50,00	411,25	33,25	127,00	96,50	29,00	63,00	348,75	62,50	16,67

Наша табличка указывает, что каждая из четырех крестьянских семей, бюджеты которых я только что привел, в течение минувшего хозяйственного года (1923—24 г.) вела свое хозяйство, питалась, одевалась и обувалась, платила налоги и пр. и в заключение имела на 1 октября 1924 г. на руках некоторые суммы. Следует помнить, что все эти семьи вели хозяйство на готовом капитале (стоимость построек и инвентаря), ничего не тратя за весь отчетный год на восстановление его. Если принять во внимание амортизацию капитала, т.-е. положить известный процент на изнашиваемость построек, скота, сельско-хозяйственного мертвого инвентаря, то тогда чистый доход наш уменьшится, а для некоторых хозяйств, пожалуй, перейдет в убыток. А если мы для хозяйств середняцких и бедняцкого несколько поднимем их траты на питание, одежду и обувь, расходы на что довольно жалки (прикинем-ка на одну душу), то от нашего чистого дохода не останется и следа. Может быть наши четыре семьи имеют еще какие-либо доходы, оставшиеся здесь неучтенными: напр., доход от изготовления и сбыта самогонки, от продажи лесного материала, добытого противозаконной порубкой. Но подобные доходные статьи, повидимому, останутся никогда не учтенными, так как о таких доходах никто распространяться не станет. Если даже хозяйства, о которых здесь идет речь, и имели эти нелегальные доходы (я совершенно не знаю, имели ли они их), то мы, конечно, не можем не согласиться, что доход от самогонки и краденого леса — горе-доход, на котором нельзя строить сколько-нибудь крепкого хозяйственного благополучия.

Итак, судя по бюджетным данным, крестьянское хозяйство находится в критическом состоянии, что отмечалось мною и в предыдущей главе.

Скотоводство.

В нечерноземной полосе скотоводство является одним из предварительных условий для возможности земледелия. Рассматривая цифровую картину состояния этой отрасли хозяйства (табл. 33) в 1916 г. и в революционный 1920 г., мы увидим следующее. Процент хозяйств, совершенно не имеющих скота, упал с 15,7 до 11,7. Это понятно: деревенские жители, а в их числе и приехавшие туда за последние годы, стремятся обзавестись скотом, чтобы использовать его — или как живой инвентарь (при падении отхожих промыслов у населения завязывается более тесная связь с земледелием) или как средство питания (продовольственный кризис, отсутствие на рынке молока, масла, мяса и др. заставлял многих приобретать корову и овец, чтобы иметь эти продукты). Количество безлошадных дворов увеличилось в процентах с 31,5 до 34; на одно хозяйство приходится вместо 0,85 только 0,67 лошади, а на 100 дес. посева вместо 35,3 лишь 29,4 лошади. Чем об'яснить отмеченный факт при наличии значительного увеличения общей площади запашки в волости (ср. табл. 9 и 19) и на каждое (табл. 34) отдельное посевное хозяйство? Укажу, что за последние годы в волости не наблюдалось случаев эпизоотии и территория волости не служила театром военных действий — таким образом, исключительные обстоятельства не могли влиять на повышение цифры безлошадных дворов. Все об'ясняется более просто, чем это кажется на первый взгляд. Если сравнить число хозяйств в 1916 г. и в 1920 г. (табл. 15), то увидим, что прирост их выражается 21%; за последние годы крестьянские семьи пополнялись членами, отсутствовавшими почти десятки лет (жили на стороне), обремененными своими семьями; в крестьянской избе становилось тесно и людно, а разница в привычках, в традиционных взглядах на жизнь и житейские отношения вела к ссорам между коренным составом деревенской семьи и приехавшими горожанами; отсюда — выход из семьи, дележка, возникновение нового хозяйства. Но, построив свой собственный дом, не всякое новое хозяйство обязательно обзаводилось и лошадью: купив лошадь, надо было покупать и необходимый к ней инвентарь (сбрую, телегу, сани,

плуг, борону и пр.); нередко на это не было средств, да и новые хозяева (особенно, если это были горожане) часто не знали, стоит ли обзаводиться крестьянством, плотно засесть в деревне или же пока что «переждать», а потом вернуться в город на фабрику, на завод, в лавку и пр. Правда, безлошадных крестьянских хозяйств по всей губернии в 1878 г. было 9,6%, а в 1900 г. уже 12,2% [1] — процесс пролетаризации деревни вне сомнения. Что касается уменьшения количества лошадей по отношению к площади запашки, то это, разумеется, крайне невыгодно отражается на ведении хозяйства: недостаток рабочего скота ведет к плохой обработке земли и препятствует дальнейшему увеличению площади запашки. В специальной литературе неоднократно указывалось, что Европейская Россия сравнительно со всеми другими государствами, по количеству удобной земли, должна была бы иметь 25 милл. лошадей, а имеет (к началу девятисотых годов) лишь 17 милл. [2]. После войны и начала революции этот дефицит, конечно, еще более вырос, хотя за последнее время дело и идет на поправку. Вот количество лошадей в миллионах голов на территории СССР за четыре года [3]:

1916 г.	30 милл. голов.
1922 »	20 » »
1923 »	21 » »
1924 »	22 » »

А если мы пожелаем узнать, сколько рабочего скота приходится на 100 дес. посева, то получим за те же четыре года такие цифры [4]:

1916 г.	30 голов.
1922 »	31 »
1923 »	26 »
1924 »	25 »

По Горицкой волости на 100 жителей лошадей было в 1916 году — 26, а в 1920 г. — только 15 [5].

Переходя к вопросу о распределении лошадей по хозяйствам, мы (табл. 33) видим, что процент однолошадных хозяйств

[1] Тверск. губ. — Энцикл. словарь Брокгауз-Ефрон, т. 32.

[2] Петр Лохтин. — «Состояние сельского хозяйства в России» (1901), стр. 210—211.

[3] А. М. Большаков — «Современная деревня в цифрах», 1925 г. В 1922 г. количество голов рабочего скота на 100 дес. посева по сравнению с 1916 г. повысилось потому, что рост посевной площади отставал от роста количества раб. скота, а с 1923 года посевная площадь стала обгонять рост раб. скота.

[4] См. жур. «Эконом. Обозр.», декабрь, 1924 г.—статья М. Боголепова.

[5] Вычислено на основании данных таблиц 8 и 15.

вырос с 54,6 до 65%, но хозяйств с двумя лошадьми стало меньше почти на 12% (с тремя и более лошадьми хозяйств в волости было и есть очень немного) — двулошадных хозяйств в 1920 г. всего на всего 1%. Явление это не следует об'яснять сокращением запашки на двор, — запашка не сократилась, а увеличилась (табл. 34). Здесь другое: во-первых, при конских мобилизациях лошадей забирали преимущественно у парников (у кого пара лошадей) — естественно, что не желая терпеть убытки, парники продавали вторую лошадь, хотя бы она и была необходимой в их хозяйстве; во-вторых, законодательство при выполнении разверсток, реквизиций животных и пр. не бронировало то или иное количество скота (а в числе его и лошадей) по отношению к посевной площади или вообще к размерам крестьянского хозяйства, что делалось по отношению к запасам хлебов [1], — отсюда, если крестьянин имел нужду во второй лошади и мог обзавестись ею, он все же воздерживался купить ее, так как она была бы у всех, если можно так выразиться, «сучком в глазу», и сучок этот был бы все равно быстро из'ят. Правда, в законодательстве имеется некоторый намек на норму скота по отношению к посевной площади, — закон, нормируя кормовой хлеб, подлежащий оставлению для удовлетворения потребностей хозяйства гласит [2]: «кормы оставляются по следующему расчету: в хозяйстве с посевной площадью до 5 дес. на 1 лошадь; от 5 до 10 дес. — на 2 лош.; от 10 — 17 — на 3 лошади; от 17 до 24 — на 4 лошади и т. д.». Но это служило лишь руководством при расчетах кормов, не бронируя в крестьянском хозяйстве лошадей по отношению к посевной площади.

Любопытно, что нерабочие лошади в 1919 г. составляли 14% числа рабочих, а в 1920 г. их уже 20% (табл. 8). Это увеличение числа нерабочих лошадей не случайное явление. Дело в том, что, если лошади не было 3 лет, то она не подлежала реквизиции и не выполняла работ по наряду, кормы же (если ей от 2 до 3 лет) на нее оставлялись. Цены же на лошадей именно за последние годы, а особенно за 1923 г., поднялись очень высоко. Выкармливая молодую лошадь до возраста 2½—3 лет, крестьянин продает ее очень выгодно [3]. Если же

---

[1] Ст. 683, № 62 «Узак. и расп. раб. и кр. прав.» за 1918 г. и ряд других законоположений бронируют известную часть хлеба за хозяйством (расчет по едокам), отчуждая излишек.

[2] «Собр. узакон. и расп. пр. за 1918 г.», № 62, ст. 683, примеч. 2 к § 3.

[3] В 1920 г. средняя цена нерабоч. лошади была около 450.000 руб. (осенью), т.-е. 40 пуд., если считать на рожь; осенью 1923 г. — уже 200—250 пуд., считая на рожь. В 1924 г. цены на лошадей значительно упали, — чуть-ли не вдвое.

оставлять не жеребенка, а лишнюю телку или овцу, то надо было выполнять мясной наряд в большем размере.

Количество бескоровных хозяйств несколько понизилось: с 18,7% до 18,3%, при чем на каждые 100 дес. посева коров осталось почти прежнее количество (52,2 и 52,1), на 100 же душ число коров уменьшилось с 24,1 до 22,6; на отдельное хозяйство в среднем приходится 1,19 коровы вместо 1,17 в 1916 г. Эти цифры говорят о большей устойчивости коровы по сравнению с лошадью, что статистическими данными предыдущих лет подтверждается для всей страны [1].

Если мы обратимся к классификации хозяйств по числу коров, то убедимся, что между 1916 и 1920 г.г. разницы почти не существует; на-лицо даже незначительное улучшение: число однокоровных хозяйств понизилось на 0,6% за счет увеличения двух и трехкоровных хозяйств. Овец, ягнят и пр. тоже почти одинаковое количество на отдельное хозяйство (небольшое уменьшение). Устойчивость эта понятна, так как с увеличением числа хозяйств и запашки, в волости безусловно необходимо было увеличить и число коров, так как вести полевое хозяйство в нечерноземной полосе без навоза невозможно. Кроме того, как корова, так и овцы, доставляют продукты питания, что чрезвычайно важно при отсутствии свободной продажи последних.

Я сравнивал два года: 1916 и 1920.

Но на нашей таблице (табл. 33) имеются данные, характеризующие скотоводство в волости и за три последних года, т.-е. за 1922, за 1923 г. и за 1924 г.г.

Какую картину они рисуют? Что обозначилось нового сравнительно с 1920 годом?

Начнем с первой графы. Количество бесскотных хозяйств все время падает. Те, кто сунулись в деревню для того, чтобы «переждать» революцию и к 1920 году еще не успели обзавестись скотом, теперь понемногу обзаводятся им. Со скотом чувствуешь себя устойчивее, тем более, что сенокос наделяется бесплатно. Правда, нэп открыл кое для кого из «пережидающих» некоторые перспективы, и из волости, начиная с 1921 г.,

---

[1] А. Фортунатов,—«Сел.-хоз. статистика Евр. России» (1893 г.).
Молодняк по отношению к взрослым коровам составлял: в 1918 г.—74%, в 1919 г.—52% и в 1920 г.—опять 74%. Цифра 52 случайная и не соответствует хозяйственным потребностям волости. Суть в том, что в 1919 г. волость посетил специальный отряд для реквизиции до 100 голов рог. скота, за утайку скота от регистрации. Отряд посеял панику среди населения, граждане начали беспорядочно резать молодой рогатый скот, прирезано было несколько сот голов. Это довело колич. молодняка с 74% до 52%, а когда прошел год времени, 52% снова возросли до 74%.

замечается отлив мужского населения (см. табл. 15), но лучше, пока что, в город сунуться одному, без семьи (вдруг, нэп обманет!), а жену и ребятишек все-таки оставить в деревне, обеспечив их, если и не посевом, то огородом, коровой и парой овец. Приблизительно такого рода обстоятельства и соображения влияли на уменьшение бесскотных хозяйств в волости.

Падает и процент безлошадных хозяйств, но до 1924 г. довольно медленно, хотя лошадь для крестьянина является более необходимой, нежели корова. Причина этого медленного падения ясна — дороговизна лошадей и дороговизна эта резко росла до 1924 г. Вот примерные цены: осенью 1922 г. лошадь приобретали за 100 пуд. ржи (их много шло с Поволжья, где крестьяне, вследствие голода, продавали их за бесценок), а в 1923 г., тоже осенью, такая же лошадь расценивалась уже в 250 пуд. (поволжцы, поправившись с новым урожаем, являлись даже в Тверскую губ. за лошадями в то время, как в 1922 г. мы путешествовали за конями в Поволжье). В 1924 г. вследствие понижения цен на лошадей почти вдвое (подрос местный молодняк, да и поволжцы, потерпевшие в 1924 г. большой недород, прекратили дальнейшую покупку лошадей), процент безлошадных хозяйств резко упал — до 27%, став ниже дореволюционного на 4½% (см. данные за 1916 г. — табл. 33).

Любопытно отметить, что за два последних года вырос процент с 2, 3 и даже с 4 коровами. Я уверен, что здесь имеют значение изменения в системе взимания налогов. Теперь каждый налогоплательщик отвечает только сам за себя,—поэтому, если ему, по его хозяйственным соображениям надо пустить 2, 3 или 4 коровы, то он и пускает их. При системе же разверстки, когда все плательщики были связаны круговой порукой в исправном внесении налога, дело обстояло не так: другому, смотришь, и надо бы завести еще корову, но он ее не заводил — а, вдруг, сосед не заплатит исправно свою долю налога и, может быть, за него придется тебе и отвечать, так как непременно скажут (и говорили):

— Ты состоятельный: у тебя вон корова лишняя — значит, тебе и платить надо больше, а заодно и недоимку соседа внеси!

Идя дальше по нашим графам, видим, что количество скота вообще, как на одно хозяйство, так и на посевную площадь упорно растет сравнительно с 1920 годом. Если же мы возьмем крупный скот (рабочих лошадей и коров), то убедимся, что в 1916 году его на 100 десятин посева приходилось 87,5 голов, а в 1923 году — 87,8, — т.-е. как-будто бы намечается тенденция залечивать раны войны, а дефекты, нанесенные в этой области хозяйству революцией (в 1920 г. на 100 дес. посева только 81,5 круп. голов скота) уже выправлены за минувшие

три года. И коров, как мы видим по таблице, приходится на 100 душ населения больше, нежели и в 1920 и в 1916 годах.

Что касается 1924 года, то та тенденция, которая лишь намечалась в 1923 г., обозначилась совершенно резко: на 100 дес. посева уже не 87—88 голов крупного скота, а 114—115. Растет, но не так эффектно и обеспеченность скотом, как 1 хозяйства, так и каждых 100 душ населения. Это положительное явление об'ясняется, по моему мнению, такими причинами: рост лошадности — потребностью в рабочем скоте, а рост коровности — желанием вытолкнуть на рынок мясо и молочные продукты, так как хозяйству нужны деньги, которые раньше доставляли отхожие промысла, ныне упавшие.

Ясно без слов, что деревня в отношении скотоводства находится ныне в относительно благополучном состоянии. Никаких угрожающих явлений в этой области не замечается. Конечно, если мы станем сравнивать нашу Россию с иными государствами Европы, то получится, как говорится, «дистанция огромного размера». Вот, например, цифры для 1916 года по России, Англии и Бельгии — во всех этих странах на 100 десятин пашни [1] приходилось голов скота:

	Лошадей.	Крупного скота.	Мелкого скота.
Россия	20	29	50
Англия	28	184	483
Бельгия	22	150	147

Взглянув на приведенные цифры, сразу видно, что мы далеко отстали. Почему мы отстали — этот вопрос не в моей работе разбирать, мое исследование ставит себе совсем другие и более скромные задачи. В этих больших вопросах обычно выступают на сцену, если можно так выразиться, вековые мотивы, а не мотивы, вытекающие из сравнительно короткого периода времени, как напр., изучаемый мною революционный период.

На табл. 8 мы видим, что в волости начинает оживать, совершенно сошедшие на-нет в 1920 году, свиноводство. В 1923 г. волость имела около 100 больших свиней, а в 1924 г. это количество почти удвоилось (хотя, правда, волость в 1924 г. была укрупнена, но не вдвое, а процентов на 20). Любопытно, что на осенних базарах появилось множество поросят, и, прикидывая на глаз, можно смело сказать, что осенью 1924 года волость купила для откорма несколько сот поросят. Зачем так

---

[1] Не посева, а пашни, т.-е. в счет площади идет и паровое поле. Последнее занимает $^1/_3$ всей пахоты только при русском отсталом трехполье; за границей, при многопольной системе, пашня почти не гуляет.

много? Дело в том, что хлеб подешевел и имеет, кажется, тенденцию и еще дешеветь. Я мог бы по этому вопросу цитировать и ряд научных работ (напр., проф. Кондратьева — «Хлебный рынок» и др.) и математические выкладки Госплана и пр., но ничего этого я делать не буду, а просто сошлюсь на пример из жизни: до войны в наших местах мужские сапоги (простые, яловые) можно было купить за 5 пуд. хлеба, в 1918—1920 годах — за 3 пуда, в 1923 году, в октябре, за них спрашивали в Кимрах около 18 пудов. Правда, еще через год, в октябре 1924 г. цена на сапоги несколько упала, дойдя до 10—12 пуд. ржи за пару, но крестьянство все же поставлено перед несомненным фактом сравнительной дешевизны хлеба. И, повидимому, мои земляки покупают поросят не спроста. Я не думаю, чтобы они собирались их откармливать для себя, — нет, они дешевый хлеб, вместо того, чтобы тащить последний за десятки верст в город на продажу, пропустят через свинью и получат дорогой продукт — свинину.

Я совершенно уверен, что в самом ближайшем будущем составные части дохода крестьянина сильно изменятся в своем соотношении — и доход от животноводства будет играть более значительную роль, нежели та, которую он играл до сих пор.

В табл. 33 приведены соответствующие данные о положении скотоводства в волости за 1895 год. Характер происшедших изменений выяснится из рассмотрения таблицы.

Земледелие.

СССР — страна земледельческая, $^{4}/_{5}$ ее населения занимается обработкою земли. Поэтому, сельское хозяйство имеет преобладающее значение в экономике государства. Так было раньше, в довоенный период, и еще в бо́льшей степени это верно для переживаемого времени.

Валовая продукция сельского хозяйства и промышленности в СССР.

	В миллионах рублей по довоенным ценам.					
	1913 г.	%	1922—23 г.	%	1923—24 г.	%
Сельское хозяйство	7.800	58	5.200	77	6.100	70
Промышленность	5.620	42	1.200	23	1.600	30
	13.420	100	6.400	100	7.700	100

И для изучаемой мною Горицкой волости сельское хозяйство — и не какое-нибудь луговодство или огородничество, а земледелие в тесном смысле этого слова, т.-е. полеводство, является наиболее существенным нервом ее экономической жизни. Поэтому, следует с особым вниманием остановиться на анализе данных, характеризующих положение земледелия в волости, как до революции, так и в революционную эпоху.

Мы будем здесь оперировать главным образом с теми материалами, которые уложены в таблице 34, помещенной в конце книги.

Процент беспосевных хозяйств (табл. 34) поднялся с 11,9 в 1916 г. до 13,2 в 1920 г. Рост беспосевных хозяйств не следует понимать в том смысле, что некоторые хозяйства, которые в 1916 г. имели посев, теперь лишились его. Как мы видели, в период 1916—1920 г.г. число хозяйств увеличилось на 21%. В числе этих 21% создавались хозяйства с целью не «крестьянствовать», а просто «переждать» в деревне промышленно-экономический кризис. В волости не было ни одного случая, когда бы посевное хозяйство именно в революционный период перешло в группу беспосевных. Известно не мало фактов обратного характера. Каждое посевное хозяйство в среднем увеличило запашку с 2,55 до 2,64 дес. Благодаря этому среднему увеличению запашки отдельными хозяйствами, вся волость, имевшая в 1916 г. недосев в 23%, к 1921 г. совершенно избавилась от недосева.

Здесь мы подходим к одному из важных и любопытных моментов исследования. Посевная площадь (табл. 9) в 1920 г. равнялась 2.840 дес. и недосев по отношению к площади всей пашни (без парового поля), значащейся в волости по земельному плану (табл 14), равняется 33%. По сведениям губернского статистического бюро недосев по волости еще выше, но мы его довели лишь до 33%, выверив губернские данные местными официальными материалами. Теперь возьмем таблицу 19, прочтем примечание к ней. И что же? Весь недосев исчез [1]. Тут, конечно, не замысловатый фокус со статистическими выкладками. Дело проще: непосредственное наблюдение и изучение явления аннулировали неверный вывод (33%), вытекающий из ложных положений.

Государство забирало у крестьянства, так называемые, «излишки», не давая надлежащего эквивалента, — ни денежного, ни товарного [2]. Но по нашему чрезвычайно скромному бюджету среднего хозяйства (см. главу III) можно составить себе приблизительное понятие о том, какие продукты и предметы вынужден крестьянин искать на вольном рынке. «Излишки» должны поступить по твердым ценам в пользу госу-

---

[1] Отрицание недосева касается в данном случае только Горицкой волости. Вообще же о сокращении посевн. площ. в России за последние годы мы слышим из самых разнообразных лагерей: А. Финн-Енотаевский, ук. соч., стр. 62; Теодорович в своем докладе на VIII Всеросс. С'езде Советов («Петрогр. Правда», от 26 дек. 1920 г.); проф. Кондратьев, в докладе Наркомзему («Петрогр. Правда», от 12 апр. 1921 г.) и др. Цифры приводятся неодинаковые, но кажется маловероятным, чтобы какая-либо из приводимых цифр была близкой к истине. С 1922 г. Центр. Ст. Управл. отмечает непрерывное увеличение площади посева.

[2] Данные табл. 28 являются также показательными.

дарства, и власть напрягает все силы, чтобы учесть валовой доход крестьянского хозяйства: высчитывается высев, степень урожайности, регистрируется скот и пр. И вот, по линии этого учета доходности шла борьба между крестьянством и властью. Власть, имея в виду общегосударственные нужды, желала оставить для крестьянства и его скота только необходимые в течение года средства пропитания, игнорируя прочие потребности деревенского хозяйства. Крестьянин же, который в период революции плотнее подошел к своему хозяйству, напрягал свои силы в обратную сторону: ему необходимо было скрыть и действительный высев, и реальный урожай, и точное число наличного скота и пр., чтобы создать фонд для приобретения на вольном рынке всего нужного и для хозяйства и для домашнего обихода. Теперь ясно происхождение 33% недосева. Этот фиктивный недосев — фонд волости, из которого она черпала средства для определенных хозяйственных оборотов.

Что касается порядка главных культур по занимаемой ими посевной площади (табл. 34), то рожь, как и раньше, занимает первое место; лен, в течение 9 лет (с 1911 г. по 1919 г. включ.) занимавший пять раз второе место и четыре раза — третье, в 1920 г. занял только четвертое место; картофель, почти всегда занимавший пятое место, теперь попал на третье; пятое место занял ячмень.

Устойчивость ржи понятна — это основной продукт питания деревни. Мы даже видим, что площадь ржаного поля увеличилась на три процента (ср. табл. 9 и 19).

Лен занимал раньше 20,7% всей площади посева; в 1920 же году всего лишь на 7,5%. Причины такого значительного сокращения льноводства в волости находятся в тесной связи с общими условиями. Дело в том, что крестьянское хозяйство Тверской губернии вынуждено было всегда опираться на второстепенные отрасли земледелия и промысла (как отхожие, так и местные) и черпать в них главные средства для своего существования. Это видно из того, что при средней доходности крестьянского хозяйства (данные 1903—1908 г.г.) Тверской губернии в 325 р. 60 к., на доходы от земледелия и скотоводства приходилось 146 р. 90 к., а от промыслов — 123 р. 80 к. Льноводство было настолько важным подспорьем, что доход от продажи продуктов льноводства из 146 р. 90 к. составлял половину (77 р. 80 к.).[1]

[1] «Современное состояние льноводства в 25 губ. Евр. России» (1912 г.), стр. 152—26. Один из корреспондентов Бежецкого уезда пишет: «льноводство является промыслом, без которого невозможно вести сельское хозяйство». Так как Горицкая вол. непосредственно примыкает к границе Бежецк. уезда, то приведенная цитата может быть отнесена и к характеристике льноводства в волости. По высеву льна Тверская губ.

Но империалистическая война, милитаризация промышленности, затем гражданская война и хозяйственная разруха в период революции — все это вместе взятое нанесло тяжелый удар льноводству. Заграничный рынок для нас закрылся, потребность русской промышленности значительно сократилась. Льна стали высевать год от году все меньше и меньше, ограничивая его высев потребностями домашнего обихода [1].

Картофель раньше был второстепенным продуктом питания в деревенском быту. Он стоял на одной линии с капустой, огурцами, грибами, чего немало засаливали с осени. При наличии соляного кризиса и почти хронического неурожая на овощи и грибы в первые три года революционного периода, картофель сразу стал, на-ряду с хлебом, основным продуктом питания. А так как у многих в хлебе большая недохватка, то картофель для изрядного числа семей сделался чуть ли не единственным продовольственным ресурсом. Кроме того, картофель шел и в продажу, принося как продукт сбыта, бо̀льший процент прибыли, нежели все иные продукты полеводства.

Овес занимает второе место. Он всегда занимал то второе, то третье место. По сравнению с 1916 г. площадь, занимаемая овсом, выросла даже на 10% (с 18 до 28—табл. 9 и 19), и это потому, что в былое время крестьяне покупали пшенные и гречневые крупы, а теперь этих круп нет, поэтому в каждом доме часть овса перерабатывается в овсяную крупу.

Ячмень попал на пятое место, на котором он иногда и бывал (табл. 29). Злак этот плохо родится в районе волости, а так как каждый клочек распаханной земли теперь дорог, то ячмень и задвинули на пятое место.

Теперь посмотрим, как изменилась нарисованная картина за последние годы.

Все главные культуры занимают в 1921—1923 г.г. свои прежние (как и в 1920 г.) места. Со льном все еще тихо: по-видимому, ни у нас в России, ни за границей не совершалось за

занимала четвертое место из всех губ. России. Общее отправление льняного волокна со станций жел. дор. губернии достигало ежегодно, в среднем, более 4 милл. пуд., при чем за границу из этого колич. вывозилось около 3½ милл. пуд. Вся же Россия в последние годы перед войною вывозила за границу в среднем, около 14 милл. пуд. волокна и около 7½ милл. пуд. льн. семени. Внутри страны мы имели около 400 тыс. льнопрядильных веретен, — следовательно, и отечественная промышленность перерабатывала немалое количество льняного волокна.

[1] Интересно отметить, что органам Высшего Совета Нар. Хоз., при затрате максимума энергии, едва удается в 1919 году собрать со всей России 4 милл. пуд. волокна, т.-е. столько, сколько в мирное время выкидывала на рынок одна Тверская губ. В 1920 году сбор волокна был не больше, чем за предыдущий год (В. П. Милютин — «Народное хозяйство Советской России», стр. 24).

эти годы значительных сделок на русское льняное волокно. Но в 1924 г. лен с четвертого переходит на третье место, что указывает уже на явное оживление льняного вывоза и нашей промышленности.

Нижеприводимая табличка, указывая нам порядок культур в волости за разные годы последнего тридцатилетнего периода, дает нам понятие и о пропорции употребляющихся у нас культур. В табличке особенно любопытны вариации со льном и картофелем.

Посевная площадь:

	Рожь.	Овес.	Картофель.	Лен.	Другие культ.
1895 г. [1]	56 проц.	21 проц.	3 проц.	13 проц.	7 проц.
1914 „	47 „	20 „	5 „	21 „	7 „
1916 „	47 „	18 „	5 „	21 „	9 „
1920 „	50 „	28 „	10 „	8 „	4 „
1924 „	46 „	28 „	10 „	12 „	4 „

Количество десятин посева, приходящегося на одно посевное хозяйство, начало уменьшаться. Дело в том, что число хозяйств в волости увеличивается (главным образом, — дележкой), правда, — медленно (в 1922 г. на 1,2%, в 1923 г. на 0,7% — см. табл. 15), но все же увеличивается, а для распахивания больше нет подходящих площадей. Волость остается в пределах той площади пахотной земли, которую она имела в 1920 году — больше просто податься некуда. Правда, из доклада ревизионной комиссии волостному совету от 10 февраля 1918 года мы усматриваем, что земельным комитетом было принято на учет земли у крупных частных землевладельцев (не крестьян) 8.482 десятины [2] — это выходит, если бы учетные земли пустить в общую дележку, в среднем пришлось бы по 4,6 дес. на одно хозяйство. Но вся беда в том, что пахотных угодий у наших частных землевладельцев не было (было — до двух десятков десятин), эти 8.482 дес. находятся, главным образом, под лесом и отчасти (очень мало) под сенокосом. А для распашки частновладельческая земля неудобна, так как занимает она или низины, или заключает песчаные почвы, требующие интенсивного унаваживания их, а удобрения у крестьян (об этом см. ниже) не хватает в достаточной мере даже и для полей.

Любопытно отметить, что громадный процент фиктивного недосева (в 33%), расшифрованного мною для волости еще

[1] Данные за 1895 взяты из вып. I, том XIII Сводного сборн. стат. сведений по Тверск. губ. изд. 1897 г.

[2] В число крупных вошли и такие собственники, у которых было только 30—40 дес.

в конце 1920 года [1], был в начале осени 1921 года обнаружен и властью. Здесь сыграл свою роль разразившийся голод в Поволжье и некоторые другие обстоятельства, заставившие власть отнестись к показаниям крестьян относительно площади засева с бо̀льшей осторожностью, нежели раньше. Я не знаю, как именно губернская и уездная власть докапывалась до скрытой от учета пашни, но только в ноябре 1921 г. волости было об'явлено, что у нее пашни в трех полях должно быть не 4.373 дес., как указали крестьяне, а 5.886 дес., т.-е. скрыто было 1.513 дес. Мы из табл. 19 можем убедиться, что 1.513 дес. не исчерпывают всего количества действительно утаенной пашни — ее остается еще 7%. Однако, обнаружение скрытой пашни, в придачу к которой ретивая власть нашла еще и 1.107 дес. будто бы укрытого покоса, поставило население в трагическое положение. Дело в том, что начальство, обнаружив утаенные площади, потребовало за них добавочный продналог в размере 3.917 пуд. ржи, 4.773 пуд. овса (овсом исчислено и за овес, и за картофель, и за льняное семя и волокно), 7 пуд. кур, 4.539 шт. яиц и 5.535 пуд. сена (по 5 пуд. с десятины). Население же, на основании опыта прошлых лет, показало свою пашню с утайкою для 1921 г. в 31%. А так как на местах были широко, еще с самого начала лета, распространены воззвания и разного рода плакаты, где говорилось, что население, уплатив продналог, может спокойно и свободно распоряжаться теми продуктами труда, которые оставались в руках населения (ведь, в 1921 г. появился нэп — вводилась свободная торговля), то мои земляки, заплатив еще в конце августа и в сентябре то, что с них требовали, т.-е. весь продналог, и оставив себе хлеба на семена и на продовольствие семьи, успели все излишки или продать или обменять на те продукты и предметы, которые им были необходимы в их домашнем и хозяйственном обиходе. К ноябрю все излишки были уже ликвидированы, а тут, как снег на голову, добавочная и крупная уплата. Тяжесть положения усугублялась еще тем обстоятельством, что власть, приблизительно верно угадав общую цифру утаенной по волости пашни, очень несуразно разбила эту утаенную площадь по отдельным селениям и домохозяевам: селения, где было, может быть, 5 дес. скрытой пашни, получили требования оплатить и 15 и 20 дес. якобы утаенной пашни, а там, где ее было скрыто и на самом деле десятин 20 — скрытая площадь осталась совсем необнаруженной. Население предполагало собраться на волостной сход, чтобы обсудить создав-

[1] Об этом я упоминал, делая свой доклад о волости в высшем семинарии сельско-хозяйственной экономии и политики при Петровско-Разумовской Академии.

шееся положение, но уезд, на который, очевидно, давил центр, требовавший безволокитного сбора добавочного продналога (голод-то в Поволжье развертывался), не разрешал никаких волостных сходов. Многие из моих земляков за осень 1921 года посидели в уездной тюрьме за «упорство» по уплате добавочного сбора, хотя это «упорство» во многих случаях было вынужденным — нечем было платить. Кое как «добавка» к продналогу все же была ликвидирована [1].

Теперь просмотрим за все годы по табл. 34 графу о количестве работников, приходившихся на 100 десятин посева. Их было 98—в 1916 г., 115—в 1920, 104—в 1922, 109—в 1923 и в 1924 г.—124! Какие соображения можно высказать по поводу приведенных цифр? В общем — не очень утешительные. Из специальной литературы нам известно [2], что культуры различных полезных для человека злаков и растений являются, при одинаковости площадей, различными по трудоемкости. Так, одна десятина культуры ржи требует 62,7 рабочих дня человека (конные дни я не буду считать), культура овса—22,4 дня, картофеля—47,2 и льна—83 дня. В 1916 году 100 десятин посева обрабатывалось 98 работниками, но тогда под льном было 674 дес. А в 1920 году, когда под льном было только 320 дес., на 100 десятинах посева мы имеем 115 работников. Уже одно сокращение высева льна дает на 30.000 свободных рабочих дней, а тут еще лишних 17 работников на каждые 100 дес. посева или лишних 714 работников на всю площадь посева (4.213 десят.). Революционные события нагнали в деревню много народу, но земля не в состоянии была занять производительным трудом все работоспособное население волости. В 1922 г. количество работников уменьшилось — нэп многих пристроил в городах,—но с 1923 года снова наблю-

[1] Кстати укажу здесь, раз мы уже заговорили о 1921 годе, что в 1921 году власть преувеличила площадь сенокоса по волости на 1.420 дес. Дело в том, что сена было взыскано 28.035 пуд. (правда, за 3.401 пуд сена пошло 16.652 пуда соломы — см. табл. 25); каждая десятина сенокоса должна была дать 5 пуд сена — следовательно, власть каким-то образом насчитала у нас в волости 5.607 дес. покосу, хотя на самом деле его было не больше 4.187 дес. (см. табл. 14), значит излишний начет покоса составляет 33%. Отмечу здесь же интересную цифру по губернии: обычный вывоз сена из пределов Тверской губ. в дореволюционное время составлял 3.000.000 пуд. (данные Губ. Стат. Бюро и Моск. областн. союза кооперативов), а налог на сено по нашей губернии в 1921 г. был исчислен в 7.000.000 пудов! Таким образом, 4 милл. пудов было взято из кормовых запасов, необходимых для скота губернии. Сена в 1921 г. по губернии собрали громадное количество, но помещений для его хранения не было — и сена много зря пропало.

[2] См. хотя бы у А. Чаянова. — «Организация северного крестьянского хозяйства», 1918 г. (страницу точно не помню, а книги под рукою нет).

дается рост числа работников по отношению к площади посева — кое-кто опять вернулся в деревню, так как в городах во многих учреждениях и предприятиях пошли сокращения личного состава [1].

Всего же населения в 1923 году на 100 дес. посева приходится 219 человек, т.-е. почти столько же сколько и в 1916 году (тогда — 216 чел.). Но в 1924 году его уже стало 261 человек, т.-е. 100 десятин посева должны прокармливать на 45 человек больше, нежели в 1916 году.

Мы видим, что в 1923 году количество, как посевных, так и беспосевных дворов с точностью до одной десятой совпадает с сооответствующими числами (в %%) для 1916 года; в 1924 г. число беспосевных дворов немного уменьшилось по сравнению с предыдущим годом; значит, за последние четыре года посевных крестьянских дворов в волости стало больше (см. табл. 34), нежели в первую половину революционного периода.

Что касается степени унаваживания земли, то в среднем за пятилетие 1916 — 1920 гг. на одну десятину пара в волости кладут навоза всего лишь 823 пуда [2]. В России, в нечерноземной полосе, кладут навоза от 1.400 до 2.300 пуд. на десятину [3]. В Корчевском уезде (ныне в Кимрском) обычно кладут (в среднем) навоза 1.475 пудов на десятину. Агрономическая же норма — около 3.000 пуд. [4]. Итак, против поуездной нормы нехватка выражается в 43%, против же агрономической—72%.

Таково фактическое положение дела с земледелием в Горицкой волости.

Теперь несколько отвлечемся в сторону, а потом снова подойдем к современности и тогда, может быть, получим возможность сделать некоторые обобщения.

Сравнивая за 18 лет (с 1883 г. по 1900 г.) урожайность на крестьянских и частновладельческих землях в пределах Твер-

---

[1] В фабрично-заводской промышленности в пределах СССР было занято рабочей силы: в 1913 году—2.700.000 чел., в 1917 г.—3.024.000 чел., в 1922 г.—1.354.000 чел., в 1923 г.—1.405.000 чел., в 1924 г.—1.712.000 чел. Как видно, за два последних года цифра, по сравнению с 1922 г., поднялась. Но, повидимому, пока что мобилизуются фабрично-заводской промышленностью городские безработные, момент выталкиванья свободной рабочей силы из деревни в город еще не наступил.

[2] См. табл. 13: здесь мы показали под паром для каждого года 2.106 дес. — цифра эта верна лишь для 1920 г. (см. табл. 19), а для предыдущих лет она должна быть меньше, т. к. существовал недосев (см. табл. 9); но т. к. в табл. 13 мы совершенно не учитываем удобряемую площадь ярового поля, засаживаемую картофелем, то, в конце концов, цифра 2.106 становится почти точной.

[3] А. Фортунатов, ук. соч., стр. 181.

[4] Табл. 13 и др.

ской губ., мы, при одинаковых основных свойствах почвы и климата, получаем такую разницу в урожаях[1].

НАЗВАНИЕ КУЛЬТУР.	Средние урожаи с десятины в пудах.		Повышение урожаев у владельцев.	
	У владельцев.	У крестьян.	В пудах	В %%
1. Озимая рожь	62,3	44,5	17,8	40,0
2. Овес	56,6	44,2	12,4	28,0
3. Лен	24,0	23,0	1,0	4,3
4. Ячмень	50,0	41,3	8,7	21,0
5. Картофель	470,0	407,5	62,5	15,3
6. Горох	47,5	37,6	9,9	26,3
7. Конопля	34,0	26,0	8,0	30,7
8. Гречиха	34,5	26,8	7,7	28,7
9. Яровая пшеница . .	49,0	39,1	9,9	25,3

Если взять не Тверскую губернию, а какую-нибудь иную и не общие данные по губернии, а цифры для территорий, расположенных бок-о-бок друг с другом, то получим даже более резкое различие, нежели в только что приведенной таблице. Для иллюстрации возьму пример по Орловской губ. Там, в имении О. Э. Ромера, в 1891 году, урожай с десятины в пудах был: ржи—37, овса—68, картофеля—750, а рядом с этим имением у крестьян: ржи—29, овса—20, картофеля—270. Но 1891 г., как известно, был неурожайным годом. Вообще же у Ромера урожай доходил: ржи — до 118 пуд. с десятины, овса — до 122, картофеля — до 1.000 пуд.[2]. Средняя же урожайность по Европ. России: ржи — около 47 пуд. с дес., овса — столько же и картофеля — около 430 пуд.[3].

Отчего такая громадная разница в цифрах, которые только что у нас были перед глазами?

Здесь две главных причины:

---

[1] Производимая таблица заимствована из работы П. Н. Соковнина — «Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле», 1906 г., стр. 87.

[2] П. Лохтин. — Состояние сельского хоз. в России, 1901 год, стр. 189.

[3] «Полная энцикл. русского сельского хозяйства», том 12, стр. 1235.

Частновладельческая земля лучше удобрялась.

Частновладельческая земля лучше обрабатывалась.

Поговорим сперва о первом — об удобрении земли.

Если мы возьмем данные по хозяйствам владельческого и крестьянского типов по Тверской губ. за 1916 год, то там, пардва, усмотрим [1], что в хозяйствах первого типа на 100 дес. посева приходится 46,14 коров, у крестьян же только — 23,31. Но когда мы возьмем весь скот, в переводе на крупный, то получим во владельческих хозяйствах — 93,01 голов на 100 дес. посева, а у крестьян несколько больше — 96,85 голов (у крестьян перевес в лошадях — 44 головы против 26 на 100 дес. посева — и в мелком скоте). Выходит, что крестьянская земля как будто бы удобрялась и не хуже владельческой (ведь, почти 97 голов против 93). Но, на самом деле, она удобрялась несомненно хуже и вот почему: крестьяне давали скоту более слабые, нежели владельцы, корма (осока, пустошное сено, а те — очень часто клевер и пр.), и скот им давал меньше навоза; крестьяне, имея запасы кормов большею частью в обрез, 5 месяцев в году держали скот на пастбище, где он терял громадное количество (больше одной трети) навоза, а владельцы, имеющие достаточные запасы кормов, держали скот преимущественно в стойлах. В конце-концов, одно и то же количество скота частным владельцам давало на 50% больше навоза, чем крестьянам. Следовательно, владельческая земля удобрялась навозом обильнее крестьянской.

Но к более сильной дозе навозного удобрения владельцы добавляли на свои земли и удобрение другого рода. Известно, что введение в севооборот кормовых трав (клевер, люцерна, тимофеевка и др.) имеет существенное влияние на производительность почвы, обогащая ее большим количеством пожнивных остатков (то, что остается в поле после уборки урожая), богатых питательными веществами. Если мы заглянем в статистику за тот же 1916 год, то увидим, что в хозяйствах владельческого типа под травами было больше 39% всей посевной площади, а у крестьян — только 7½% [2].

---

[1] Цифры, приводимые здесь, беру из двух брошюр: «Итоги сел.-хоз. переписи 1916 г. по Тверской губ.»—один выпуск: хоз. влад. типа, другой — хоз. крестьян. типа, стр. 51 — 53 и 69 — 71.

[2] Там же, стр. 54 и 72. В такой своей постановке вопрос об удобрении связан с более рациональной системой хозяйства (кстати, под системою хозяйства мы разумеем «характер хозяйства по степени его интенсивности, соотношению в нем производства животных и растительных продуктов или возделывания кормовых и непосредственно продажных растений». — См. Ермолов. — «Организация полевого хозяйства», 1891 г., стр. 6).

Итак, вне всякого сомнения, земля частных владельцев удобрялась — я не ошибусь, если скажу — раза в два лучше крестьянской, а это обстоятельство, конечно, имело громадное значение для урожайности.

В настоящее время крестьянская земля удобряется ничуть не лучше, нежели до революции. Никаких благоприятных условий в этом отношении революция не породила.

Теперь, коротко, об улучшенной обработке владельческих земель.

Если мы обратимся к тем же «Итогам» переписи, то усмотрим там, что в хозяйствах крестьянского типа на 100 десятин посева приходится 108 работников и 44 лошади, а в хозяйствах владельческого типа на это же количество десятин — только 82 работника и 26 лошадей. Эти цифры не должны нас обманывать: при наличии лишних 26 работников и 18 лошадей на каждые 100 десятин посева все же крестьянская пашня обрабатывалась хуже владельческой. Дело в том, что в более крупных, нежели крестьянское, и в рациональнее поставленных владельческих хозяйствах просто на просто каждый работник и каждая лошадь полнее использовывались, чем в крестьянском хозяйстве, а кроме того в первых хозяйствах гораздо чаще употреблялись машины, нежели в хозяйствах второго типа, что, само собою разумеется, вело и к экономизации рабочей силы и к улучшению самой обработки земли, что опять-таки поднимало урожайность.

Что дали революционные годы в отношении улучшения обработки земли? Может быть, крестьянская земля стала обрабатываться даже хуже того, как она обрабатывалась до революции?

Что касается рабочих рук, то их в крестьянском хозяйстве больше, чем нужно. Значит, с этой стороны все обстоит благополучно. Рабочих лошадей, вообще говоря, тоже довольно [1]. Вот относительно земледельческого инвентаря (о машинах я не говорю — речь идет о самом элементарном инвентаре) дело обстоит плохо: отчасти за период войны, а в большей мере за годы революции он совсем износился, и крестьяне ощущают в нем острый недостаток — наблюдение над волостью утверждает меня в этой мысли. Да вот и некоторые красноречивые цифры. «Тверской Кооператор» (№ 10—12 за 1919 г.), цитируя «Эконом. Жизнь» (№ 32 за 1919 г.) по вопросу о предполагаемом требовании страною разного рода простого сельскохозяйственного инвентаря и о предполагаемом исполнении этого требования, дает нижеследующие цифры (в тысячах).

---

[1] Мы имеем в виду Горицкую волость, а также районы, не пострадавшие от голода или войны (империалистической и гражданской).

	Потребл. в год:	Можно дать:
Плугов	420	120
Борон	30	22
Сеялок	12	2
Кос	4.000	200

Недостаток, как видим, в 1919 году очень большой. Впрочем, вот колонки цифр, характеризующих ввоз и внутреннее производство в СССР сельско-хозяйственных машин и орудий за ряд лет:

	Стоимость в тысячах рублей по довоен. ценам:	
	Ввоз	Внутрен. производ.
1913 г.	48.906	60.508
1916 „	452	12.100
1920 „	454	2.840
1923 „	2.379	9.180
1924 „	4.077	8.900

Правда, за самое последнее время чуть ли не ежедневно читаешь в газетах о прибывающих партиях тракторов из заграницы, о поднятии внутри страны производства сельскохозяйственных машин и орудий и пр. Но наше обогащение в этой области скажется на улучшении сельского хозяйства в будущем, пусть даже в самом ближайшем будущем, но что касается до минувшего периода, то дело с мертвым инвентарем обстояло неважно. Только широкий кредит, который теперь налаживается, поможет крестьянину обновить и улучшить свой мертвый инвентарь. Без кредита дело доходило до печальных курьезов. Я сам читал в «Известиях» ВЦИК'а за 1922 год, что в Москве закрылся один из крупнейших складов американских сельско-хозяйственных машин — их никто не покупал из-за отсутствия денег, а кредита тоже не было. И в 1923—1924 году веялку, сеялку, молотилку и хороший плуг под силу было купить только очень зажиточному крестьянину (даже не середняку)...

Теперь следует поставить вопрос относительно землеустройства. Что здесь проделано в волости за революционный период?

Вот коротенькая табличка, которая характеризует Горицкую волость в части землеустроенной площади за 1922, 1923 и 1924 годы, т.-е. за три последних года, когда у нас в волости собственно говоря и положено было начало массовым земле-

устроительным работам (повторяю: в табличке даются итоговые данные за все три года):

	Отрубное пользование.	Хуторское пользование.	Общинное пользование.	Всего землеустроено.
Число хозяйств	881	18	569	1.468
%%	60%	1%	39%	100%
Площадь в дес.	8.448	224	3.371	13.043
%%	70%	2%	28%	100%

Итак, мы видим, что по Горицкой волости к началу 1925 года (беря волость уже укрупненной) землеустроительные работы разного типа коснулись свыше 60% всех хозяйств волости, захватив около 12.000 десятин земли, при чем в число этих 12 тысяч десятин входят самые разнообразные угодия, а также и неудобная земля.

Из 12 тысяч больше $^2/_3$ (8.448 десятин) приходится на отрубное землепользование. А это движение, выход на отруба, вспыхнуло у нас в волости за последний 1924 год. Следовательно, пожать плоды землеустройства волость пока еще не успела. Пахотной земли в волости в 1924 г. было 7.013 дес., из этого числа под озимым и яровым посевом 4.653 дес. — значит, ровно $^1/_3$ гуляет под паром. Только что приведенные цифры говорят о существовании трехполья в волости. Следствием движения на отруба будет многополье, которое увеличит производительность сельско-хозяйственной площади, но для нашей волости это еще лежит в будущем.

Таково, в общих чертах, положение земледелия в нашей волости.

Соответствующие данные за 1895 г. (см. табл. 34) позволяют нам составить известное суждение о положении земледелия в волости тридцать лет тому назад.

Сравнительная тяжесть обложения земли.

Попытаемся провести некоторые исторические параллели в отношении тяжести обложения крестьянской земли разного рода прямыми налогами (в число которых включаем и арендную плату за землю, в какой бы форме она ни вносилась), чтобы составить себе надлежащее понятие о реальной тяжести современного обложения земли. Все прямые налоги, падающие на те или иные угодья, мы сконцентрируем исключительно на одном роде угодий, а именно на пашне, так как существенная часть сельско-хозяйственного дохода крестьянина состоит из продуктов полеводства, и потому представляется особенно интересным выявить в исторической перспективе процентное отношение прямых налогов к валовой доходности земли.

Возьмем следующие периоды и отдельные моменты: XVI век, когда складывалась та экономическая основа, из которой впоследствии вырос юридический институт крепостного права; первую половину XVII века, когда, с одной стороны, по причине государственной разрухи, платежные силы населения достигли высокого напряжения [1], с другой же — правовые нормы крепостничества успели уже достаточно выкристаллизоваться [2], чтобы дать полную возможность землевладельцам эксплуатировать крестьянский труд; сороковые годы XIX в., когда помещичий класс в лице наиболее прозорливых своих представителей, был накануне признания кризиса барщинного хозяйства [3] и делал последнюю попытку взять у крестьянина возможно бо̀льшую часть продуктов его труда; семидесятые годы того же века, когда крестьянство предоставленное самому себе, столкнулось с капиталистическим укладом хозяйственной жизни государства; 1895 год, один из годов

---

[1] С. Веселовский. «Сошное письмо», т. I, 1915 г., стр. 39.

[2] В. О. Ключевский указ 9 марта 1607 г. (о беглых крестьянах) считает «едва ли не самым важным законом в установлении крепостного права крестьян»: см. «Происхождение крепостного права в России» в книге «Опыты и исследования», 1919 г., стр. 234.

[3] М. Н. Покровский. Русская история, т. V, стр. 37—38.

периода, когда наша отечественная промышленность делает крупные успехи, отвлекая на фабрики и заводы известный контингент земледельческого населения [1], но, в то же время субсидируемая государством, давит через последнее на крестьянское землевладение; 1915 год, как один из годов, когда уже не существовало выкупных платежей и который вместе с тем, является одним из предреволюционных годов, и, наконец, 1918—1924 г.г., когда деревня, в силу общих исторических условий, стала базисом для построения экономической политики правительств. Весь материал за все указанное время можно представить в виде нижеследующей таблицы:

Дата.	Район.	Средн. крест. запашка в дес. в трех полях.	Валовой доход с 1 дес. в руб. мирн. времени.	Прямые налоги с 1 десятины пашни в руб. мирн. времени	% налога к вал. доходу.
XVI век	Центральн.	3,75	47,6	25,05	53
Начало XVII века.	Кимрская в.	3,30	87,8	48,16	55
40-ые годы XIX в.	Рязанск. г.	6,0	50,79	12,0	24
70-ые годы XIX в.	Тверск. г.	4,43	44,09	12,72	29
1895 год.	Горицк. вол.	4,43	33,87	9,45	28
1915 год.	»	4,29	33,87	4,96	12
1918 »	»	3,62	42,03	2,18	5
1919 »	»	3,54	42,03	3,62	9
1920 »	»	3,96	61,44	8,24	13 (19)
1921 »	»	3,88	79,72	8,63	11 (21)
1922 »	»	3,84	48,34	5,58	12
1923 »	»	3,81	44,33	4,16	9
1924 »	»	3,81	87,60	7,21	8

Само собою разумеется, что в таблице, начиная с XVI века, было бы желательно дать историю обложения именно Горицкой волости. Но так как это, за отсутствием соответствующих материалов, совершенно невозможно, то я для XVI века беру Центральный район, в состав которого входила и Горицкая волость; для XVII века беру Кимрскую волость, граница которой в XVII веке лежала верстах в 25—30 от района нынешней Горицкой волости; Рязанскую губ. беру как такую, по которой имеется прекрасно разработанный материал, охватывающий ха-

[1] Так, число рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности в Евр. России, в 1886 г. было 734.971 чел. (табл. II прилож. к труду Николай—она. «Очерки нашего пореформ. общ. хоз., 1893 г.»); через 15 лет, в 1900 г., их было уже 1.512.317 чел. («Статист. ежегодн. России за 1904 г.», стр. 264—277).

рактерную эпоху 40-х годов XIX века; в дальнейшем фигурирует уже Тверская губерния и наша Горицкая волость [1].

Для правильного понимания этой таблицы необходимо сделать некоторые замечания.

По XVI в. мы находим богатый и тщательно обработанный материал в работах проф. Н. А. Рожкова [2]. Из его указаний мы вывели среднюю крестьянскую запашку. И. Лаппо [3] и В. Сергеевич [4] дают приблизительно такие же указания относительно площади крестьянской запашки на один двор, хотя нужно заметить, что Рожков [5], Милюков [6], Веселовский [7] и др. для самого начала XVI века дают сведения о крестьянской запашке более крупной, нежели та, которая стала типичной, особенно в центральном районе, в последующую часть XVI в. Валовой доход мы определяем на основании данных

---

[1] М. Я. Феноменов в своей работе «Современная деревня», часть II, изд. 1925 г., указывает (на стр. 203), что моя таблица, трактующая о сравнительной тяжести обложения земли, «безусловно составлена неправильно». Неправильно же составлена таблица, по мнению М. Я. Феноменова, потому, что данные, в ней помещенные, относятся не к одному району и что определение денег у Рожкова и Ключевского можно считать устарелым; кроме того, М. Я. Феноменов говорит: «Очень сомнительно, чтобы в XVI веке платежи были в 5 раз выше, чем в XIX веке».

К сведению М. Я. Феноменова могу сообщить, что критикуемая им таблица, до напечатания ее, была просмотрена одним из наших крупнейших историков-марксистов, проф. Н. А. Рожковым, который одобрил ее. При однообразии хозяйственных условий брать для сравнения определенные данные, относящиеся к различным районам, вполне допустимо. Что касается определения ценности денег по Рожкову, то это, отнюдь не является устарелым приемом. Напр., проф. М. Н. Покровский, являющийся, как и Рожков, одним из крупнейших историков наших дней, в своей «Русской истории», когда ему надо определить ценность рубля XVI века, ссылается именно на Рожкова (см., напр., у Покровского главу о смуте и пр.). Мне лично новые работы по метрологии и нумизматике известны — М. Я. Феноменов может познакомиться с перечислением их в моей же книге «Вспомогательные исторические дисциплины», изд. 4-е, 1924 г., стр. 340—341. Но тем не менее исчисление денег по Рожкову и Ключевскому я не нахожу устарелым. Что касается пятикратного соотношения платежей XVI в. по отношению к платежам XIX в., то такого соотношения в моей таблице совсем не имеется.

[2] В его известном труде: «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» (изд. 1899) и в статье «Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI в.» (журнал «Дела и дни», кн. I, 1920 г., стр. 40—79).

[3] И. Лаппо. «Тверской уезд. в XVI в.» (1894 г.), стр. 25.

[4] В. Сергеевич. «Древности», т. III (1911 г.), стр. 337.

[5] Н. Рожков. «Сельское хоз.», стр. 144.

[6] П. Милюков. «Спорные вопросы финансовой истории Моск. государства (1892 г.), стр. 108.

[7] Веселовский. «Сошное письмо», т. I, стр. 2, говорит, что выть была единицей обложения для натуральных повинностей, т. е. тем самым указывает, что первоначально выть была неделимой хоз. единицей мощности крестьянской семьи в смысле обработки земли.

о производительности почвы, средней цене хлеба в XVI в. и средней ценности рубля XVI в. на наши деньги [1]. Разнообразные налоги в пользу государства прямо указываются Н. Рожковым, доход же землевладельца мы приравнивали половине урожая, независимо от того, брался ли он долею урожая, посопным хлебом (посопный хлеб — одна из форм земледельческого оброка в XVI веке: брали известное количество зерна с определенной площади пашни), деньгами или же был комбинированным [2].

Запашка для первой половины XVII века по Кимрской волости выведена на основании материалов, опубликованных у Готье [3].

Валовой доход вычислен на основании той же нормы производительности почвы, что и в XVI в. [4]. Высокая доходность об'ясняется сильной дороговизной хлеба в начале XVII в. — хлеб вырос в цене в пять раз сравнительно с ценою его во второй половине XVI в. Конечно, мы сделали перевод ценности денег того времени на наши, согласно указаниям Ключевского [5]. Величина обложения исчислялась нами так: для землевладельца, который держал крестьянина в более крепких тисках, нежели в предшествующий век, мы оставляли, как и раньше, половину дохода; все остальные налоги исчислены на основании документов, цитируемых Веселовским [6].

Кака характерное явление для сороковых годов XIX в., мы выбрали имение раненбургского помещика, небезызвестного полковника Семенова [7], который выработал специальное «Положение», представляющее из себя целую систему для более успешной эксплуатации крестьянского труда. Запашку крестьянскую и урожайность мы берем у Волконского [8]. Рубль

[1] Н. Рожков. «Сельское хоз.», стр. 259, 210, 234; его же «Народн. хоз.», 77; В. Ключевский — «Русский рубль XVI—XVIII вв.» в сборнике «Опыты и исследования», стр. 183.

[2] «Сельск. хоз.», стр. 230; «Народн. хоз.», стр. 77, 78: «Сокращая долевой натуральный оброк (из хлеба половье), землевладельцы брали за то добавочные сборы посопным хлебом и деньгами, так что этими добавочными сборами вполне уравновешивалось уменьшение долевой нормы».

[3] Ю. Готье — «Замосковный край в XVII веке», изд. 1906 г., стр. 503 — 504.

[4] Н. Рожков. «Сел. хоз.», стр. 168; на стр. 259 он замечает, что производительность почвы в XVI в. была немногим выше, чем теперь; следовательно, в XVII в. она не могла резко измениться.

[5] В. Ключевский. «Русский рубль», стр. 161, 183.

[6] Ук. соч., стр. 407, прилож. пятое.

[7] Описанию имения Семенова посвящена часть работы Н. Волконского — «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве» (см. Труды Рязан. учен. архив. ком. за 1897 г., т. XII, вып. 2 и 3); о Семенове мельком упоминает и Петр Струве—«Крепостное хозяйство» (1913 г.), сноска на стр. 131.

[8] Ук. соч., вып. II, стр. 126, 145.

сороковых годов перевели на наши деньги, приняв во внимание цену ржи в 40-х годах [1] и ее современную (довоенную) цену (см. табл. 7), при чем стоимость овса считали в 75% стоимости ржи.

Стоимость всех барщинных работ Волконский определяет (с тягла) в 36 р. серебром [2]; мы и исходили из этой цифры при определении размера налога на десятину пашни, имея в виду разницу ценности рубля сороковых годов и нашего.

За период семидесятых годов XIX в. количество удобной земли, приходящиеся на один двор по Тверской губернии, мы определили по Фортунатову и Янсону [3], пашню же исчислили применительно к условиям Горицкой волости за последующий период; доходность земли мы высчитали на основании той нормы урожайости, которой мы уже пользовались, при чем цену (среднюю) хлебов за семидесятые годы взяли из труда Николая—она [4], переведя ее (средняя цена ржи и овса) на современную довоенную (табл. 7). Налоги исчислили по Янсону [5] при том же коэффициенте рубля, который только что фигурировал у нас.

Запашка за 1895 год выяснена нами на основании статистических материалов точно так же, как доходность земли и падающие на нее налоги [6].

Запашка в Горицкой волости для 1915 г. выводится по нашим таблицам (9 и 15), при чем площадь недосева, конечно, исключается из общей площади. Валовой доход с десятины исчислен нами, равно как для 1918 и 1919 г.г., на основании средней урожайности (табл. 2) и ценности (средней) различных продуктов полеводства, в том числе и волокна (табл. 7.) Укажу, что я, произведя расчет для 1918 г., распространил его, с одной стороны, на 1915 г., с другой—на 1919 г. Налоги определены

---

[1] П. Струве, ук. соч., стр. 116. Здесь мы взяли цену ржи за 1825 г. и увеличили ее по указаниям М. Н. Покровского («Русская история», т. V, стр. 43).

[2] Ук. соч., стр. 130: «Оброк был с тягла 18 р. сер.; но крепостной труд, затраченный в виде барщины, давал помещику больше, нежели 18 руб. 18 р. Семенов считал стоимость зимнего извоза тяглового, а летняя работа стоила более того».

[3] Ю. Янсон. «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (1887 г.), стр. 13 и 24; А. Фортунатов «Сельско-хоз. статист. Европ. России» (1893 г.), стр. 72—73.

[4] Николай—он. «Очерки нашего пореформ. обществ. хозяйства» (1893 г.), табл. 9.

[5] Ю. Янсон, ук. соч., стр. 22.

[6] См. «Сводный сборник статист. сведений по Тверской губ.», том XIII, вып. I, изд. 1897 г., стр. 7, 71, 72 и 155 (таблицы) и «Стат. Ежегодник Тверской губ. за 1897 г.», стр. 18, 19, 59, 51 и др.

соответствующими статистическими данными [1], при чем принято во внимание, что 10% всех удобных земель волости (без леса и выгона) ходило в аренде; арендную плату мы взяли среднюю по губернии [2].

Цифры запашки (табл. 9 и 15) и валовой доходности для 1918 г. ясны. Налоги выведены на основании цифр, указывающих расходы волости, понесенные ею в 1918 г. (табл. 29); хлеб, отчужденный в 1917 г. (табл. 25), мы считали расходом по 1918 г., так как в 1917 г. была отчуждена лишь незначительная часть предназначенных к отчуждению 8.600 пуд. (табл. 29).

Опять-таки размер запашки и доходности земли для 1919 г. ясны. Налог исчислен при помощи того же приема, как он выводился и для 1918 г., но так как в 1919 г. власть предоставила населению по твердым ценам продуктов и предметов на 5.438 р. 63 к. (табл. 28 и 29) (весь наш расчет ведется на деньги мирного времени), то мы скинули эту сумму со счета налогов, так как она является реальным уменьшением тяжести налогов; но прибавим, что и должны были сделать, раз мы вычли первую сумму 798 руб., уплаченных населением за полученные продукты. Все отчужденное у населения мы считали полностью (табл. 25), выбросив лишь розданное в пайки, так как стоимость последних есть возврат взятого.

Все расчеты для 1920 г. произведены мною по аналогии с предыдущим годом. Цифра 19, поставленная в скобках в графе «процент налога к валовому доходу», означает высоту налога для 1920 г., если бы год этот был не исключительным по своей высокой урожайности, а обычным средним годом (табл. 2).

Относительно 1921, 1922 и 1923 годов все расчеты производились по точно такому же методу, как и за предыдущие революционные годы. Если мы видим, что валовой доход с десятины пашни за 1922 и за 1923 г.г. упал, — значит, надо посмотреть табл. 2, т.-е. навести справку о высоте урожая. Если за последние два года прямые налоги с десятины пашни уменьшились, — следовательно, надо навести справку в табл. 25, и там мы увидим, что государство за последнее время берет у крестьянина меньше, чем оно брало еще недавно.

Что касается 1924 года, то здесь я должен сделать такую оговорку. Волость наша в 1924 г. укрупнилась; но на площадь запашки среднего крестьянского хозяйства этот факт влияния

[1] «Стат. ежег. по Твер. губ. за 1914—15 г.г.», стр. 44 и 48; страховые сборы брал в половинном размере против волостных, применяясь к указаниям Боголепова; см. его статью «Государственное хозяйство», стр. 25. («История России в XIX в.«, изд. бр. Гранат, т. VIII).

[2] «Стат. ежегодн. за 1914—15 г.г.», стр. 135.

не имели, и поэтому для 1924 г. я беру размер запашки предыдущего года. Но, при сравнительно скромной урожайности за 1924 (см. табл. 2), мы видим, что валовой доход, исчисленный точно таким же, конечно, способом, как и за годы более ранние (т.-е. брался высев на десятину определенной культуры, ее урожайность и посевная площадь, ею в 1924 г. занятая), увеличился вдвое—стал 87 р. 60 к. с десятины. Высота этой суммы об'ясняется тем обстоятельством, что для 1924 года я оценивал валовой доход не в рублях мирного времени, а по современным ценам. Делать расценку доходности от земледелия в ценах мирного времени до 1924 г. имело смысл, так как до 1924 г. и налоги взимались в натуральной форме; я и их расценивал тоже в ценах мирного времени. Этим способом я избегал путаницы и несоответствия цен революционного и довоенного периодов. В 1924 г. налог стал поступать в кассу государства уже исключительно деньгами; тогда сделалось необходимым перейти в оценке земледельческого дохода уже на современные цены (разница в ценах на некоторые продукты большая: напр., льняное волокно среднего сорта до войны стоило у нас в волости за пуд около 4 р. 50 коп., а в 1924 г. — около 13 руб.). Итак, и валовой доход и прямые налоги для 1924 г. исчислены не в рублях мирного времени, как это указано в соответствующих заголовках к таблице.

Небесполезно осветить происхождение некоторых цифр, фигурирующих в напечатанной выше таблице. Возьмем хотя бы цифру, выражающую налог на десятину пашни за 1920 год. Цифра эта почти только стоимость продуктов земледелия, принудительно отчужденных; ссыпка хлеба и составляет основную часть прямых налогов [1]. В 1920 г. общее количество ссыпщиков по волости было 972 чел., т.-е. 53% всех хозяйств волости принимало участие в ссыпке. По отдельным ссыпкам типичной средней ссыпкой можно считать хотя бы такую: ржи — 15½ пудов, овса — 7½ пудов, ячменя — 2½ пуда; типичной минимальной: ржи — 2½ пуда, ячменя — 5 пудов; типичной максимальной: ржи — 86 пуд., овса — 32 пуда, ячменя — 12 пуд.

Итак, налог взимался до 1924 г. в натуральной форме с продуктов сельского хозяйства. Припомним, что крестьянин в 1920 году жил исключительно доходами от своего хозяйства. Однако до войны и революции в промышленном районе (к которому принадлежит и Тверская губерния) земледелие

---

[1] С об'ективной точки зрения прямые налоги суть те, которые взимаются с доходов, это «налоги на владение», как называет их проф. И. Х. Озеров, «Основы финансовой науки», вып. I (1917 г.), стр. 253.

давало крестьянину лишь 64% его годового дохода [1]; остальные 36% получались с отхожих и местных промыслов (по Горицкой волости: плотничество, зимний извоз и т. д.). Говоря о доходе с земледелия, следует не забывать, что в некоторых губерниях, а в их числе особенно в Тверской, составные части этого дохода до революции были иными, нежели ныне (выше мы указали на степень развития до войны льноводства в губернии вообще, и в Горицкой волости, в частности).

Теперь возникает вопрос: действительно ли, в реальном значении, налог 1920 года (13%) легче налога 1895 года (28%)?

Надо ответить на этот вопрос отрицательно.

Если я только что сказал, что в промышленном районе доход от отхожих промыслов составлял до войны 36% общего дохода от крестьянского хозяйства, то в 1895 году в Горицкой волости он равнялся, пожалуй, этим 36%, а, может быть, был даже и несколько бо́льшим. Дело в том, что крестьянство Горицкой волости получило в 1895 году через местное почтовое отделение денег свыше 75 тысяч руб., что составит на 1 дес. пашни 15 руб. 13 к. [2]. Тогда весь доход и земледельческий и от промыслов на 1 дес. пашни будет равняться 49 руб., а доход от промыслов к общей сумме дохода составит 31%. Но так как деньги из отхожих промыслов не исключительно пересылались по почте, а приносились и просто в кармане, то надо думать, что отхожие промысла давали на самом деле больше 31% — повидимому, процентов 40.

Ясно, что крестьянину в 1920 г., лишившемуся 34—40% дохода от отхожих промыслов и известного дохода от культивирования промышленных растений, пожалуй труднее выплачивать свои 13%, чем в былое время 28%.

Если в конце XVI в. и в XVII в. переход от натурального хозяйства к денежному сопровождался сильным потрясением общественного организма, отличался крайней болезненностью и оказывал могущественное влияние на формы самого хозяйства [3], то и обратное явление — переход от менового хозяйства к натуральному, что наблюдалось в деревне в первый период революционного цикла — тоже протекал в формах достаточно болезненных. Дело в том, что наше крестьянское хозяйство, особенно в промышленном районе (и, в частности, в Горицкой

---

[1] «Полн. энц. русс. сел. хоз.», т. IV, стр. 1014; в соседней Московск. губ. земледелие давало крестьянину еще меньше — 45% (см. Петр Маслов. «Аграрный вопрос в России», 1906 г., стр. 346).

[2] Материалы для этих расчетов см. в «Сводн. сборн. стат. свед.», изд. 1897 г., стр. 70 (таблицы) и «Статист. ежегодник за 1897 г.», стр. 33 (Приложения ко II части).

[3] Н. Рожков. «Город и деревня в русской истории (1918 г.)», стр. 54 и сл.

волости), как это было отмечено исследователями [1], удовлетворяло главным образом лишь потребности в пище. Отсюда с логической необходимостью, вытекали крестьянские промыслы. Но, в связи с хозяйственной разрухой, с национализацией промышленности, с уничтожением свободной торговли, с крайним стеснением передвижения внутри страны, с быстрым падением ценности бумажных денег и т. д., крестьянское хозяйство все в бо̀льшей и бо̀льшей степени загонялось в рамки натуральных форм. Помимо этого, если раньше излишние рабочие силы, отрываясь от земледелия, уходили на фабрики и заводы, увеличивая общую сумму производимых в стране продуктов, то ныне известная часть этих «излишних сил» снова вернулась в деревню, но, однако, вследствие предельной производительности земли при данной системе земледелия, она бессильна приложением своего труда поднять земледельческий доход.

В 1915 году на запашке 4,29 дес. кормилось, в среднем, 5,2 чел. (табл. 15); в 1920 году на запашке в 3,54 дес. кормится тоже 5,2 чел. Но эти последние лишены всяких побочных заработков. Следовательно, бремя налогов чувствуется ими в бо̀льшей мере, нежели оно ощущалось раньше. Правда, для 1920 года не приходится говорить о высоте косвенных налогов, которые раньше брали около 21% крестьянских расходов [2], а в девятисотых годах, по отдельным губерниям, даже и больше [3]. Но зато в 1920 г. тяготы войны, разрухи, отвлечение рабочих рук [4], мобилизация лошадей и т. д. значительно перевешивают то облегчение, которое крестьянский бюджет получил благодаря уничтожению косвенных налогов.

Таким образом, утрата дохода от отхожих промыслов и культивирования промышленных растений (льна), а также увеличение едоков в волости по отношению к единице запашки,— вот что усугубляло тяжесть налогового бремени в 1920 году.

---

[1] П. Маслов. Указанное сочинение, стр. 342 и сл.; на потребит. характер крест. хозяйства указывает и С. Маслов — «Крест. хоз. (1915 г.)», стр. 105.

[2] Вычислено мною для губерний: Московск., Ярославск., Костромск., Новгородск. и Вятск. Ср. М. Покровского—«Госуд. хоз. в России», в томе VI (стр. 109 и др.), «Ист. России в XIX в.», изд. Гранат.

[3] Ср. «Опыт учета доходов и расходов в крест. хозяйстве Балашевск. уезда» (Саратов. «Зем. Неделя», 1903, сентябрь № 9).

[4] Нахлынувшее за последние годы в деревню население малоработоспособно, да и вообще война и все за ней последующее подорвали здоровье жителей волости. Об этом говорит такой факт: в мирное время амбулаторный прием, в среднем, в местной больнице был не выше 35 чел. ежедневно, в 1918 — 1922 г.г. тоже в среднем — не меньше 70; коечных больных было человек 15, в 1918—1922 г.г. каждый день занято не менее 30 кроватей.

Подобными подробными комментариями, которыми я только что снабдил цифру, выражающую налог на десятину пашни в 1920 г., можно было бы точно так же снабдить и все остальные цифры, приведенные в таблице, которой начинается настоящая глава. Но я, во избежание излишних подробностей, в отношении комментирования ограничусь именно 1920 годом, когда налоговой пресс был наиболее тяжелым для изучаемой мною волости.

Здесь же уместно дать маленькие характеристики как самих принципов [1] обложения, так и способов собирания налогов, применявшихся в течение революционного периода.

В 1918 г. господствовал принцип отчуждения так называемых излишков. Государство в этом году интересовалось только тремя продуктами: рожью, картофелем и овсом. В отношении упомянутых продуктов законодательство определяло норму годового продовольственного пайка и для людей и для скота (овес — для лошади, мука на посыпку для телят и коров и пр.). Затем принималась во внимание необходимость обсеменения. Все же излишки, которые хозяйство имело сверх пайка и семян, оно должно было отдать государству по твердой цене. Те же хозяйства, у которых против законодательной нормы оказывалась недохватка в названных продуктах или не хватало на семена, те по твердой цене (очень низкой) получали свою недохватку из волостного фонда. В результате, если мы сосчитаем в цене ржи то, что населению полагалось внести (см. табл. 25) за 1918 год, то выйдет 3.007 пуд. ржи [2]. А в мирное время (1913 г.) население волости пропивало на водке (переведем ее на рожь) почти 40.000 пуд. ржи. Государство в 1918 г. получило пустяк (если же из пустяка мы вычтем — к сожалению, подсчитать нельзя — накладные расходы, то на государственные нужды из пустяка останется крупица). Вспоминая, какие именно хозяйства в 1918 г. платили, а какие не имели излишков, я скажу, что не только бедняки и середняки, но часть зажиточных значилась без излишков. Так выходило потому, что реальный высев утаивался, настоящий урожай снижался, а власть, еще только конструировавшаяся, не имела никакой возможности выверить показания населения. Правда, сельские комиссии ходили осматривать

[1] Указания на статьи закона см. в прим. к табл. 25.

[2] В 1918 г., кроме того, что причиталось собрать за 1918 год, собирали и то, что было назначено к сбору за 1917 г., но собрано не было (не успели, так как обложение сделано почти к концу года) или почти не было. За 1917 г. с богатеев назначено было взять, по постановлению волостного схода, 8.600 пуд. ржи по цене раз в 15 ниже рыночной. Эту рожь пришлось собирать при помощи отряда красноармейцев, так как многие отвиливали от уплаты своей доли.

хлеб по амбарам, но, по правде говоря, делалось это только так, «для проформы», а кроме того в амбаре оставляли лишь часть хлеба,—остальной переносили (даже не прятали) в другое место. Излишки возили в исполком без понуждений.

В 1919 году опять собирали излишки. Но в этом году продовольственный годовой паек был сокращен приблизительно на 25% (вместо 12 пуд. ржи на человека в год — 9 пуд. и т. д.). Кроме того, организованные комитеты бедноты — правда, кое-где и не очень рьяно — работали в сторону повышения собираемого количества продуктов. В отношении родов продуктов интерес власти был уже шире (см. табл. 25). Вместо того, чтобы все излишки свозить в исполком, а там потом раздавать часть их в пайки, предписано было поступать так: из излишков, имеющихся в данной деревне, удовлетворялись на месте же годовым пайком те, у кого были недохватки. А так как часто эти недохватки были формальными, по существу же сосед, вынужденный награждать продуктом своего труда однодеревенца, прекрасно знал, что у этого однодеревенца хлеба вполне хватит до нового урожая, то по деревне пошла свара.

— Что я на тебя обязан работать? Ишь какой «голодающий»! Сам, небось, хлеб продаешь, а на чужой заришься... и т. д.

В 1918 году такой свары не было, так как круг плательщиков излишков был очень узким — это были больше богатеи. А времена были такие, что богатеи предпочитали отмалчиваться, чтобы не обращать на себя особого внимания. В 1918 г., благодаря отчасти сокращению нормы пайка, а отчасти — застращиваниям власти, грозившей большими карами за неправильные показания о высеянном (аппарата же для проверки показаний все-таки не было), — контингент плательщиков значительно расширился: излишки оказались у очень и очень многих середняков. Только кто посмелее да половчее из середняков, тот затаивал свои продовольственные ресурсы и даже норовил (что многим и удавалось) попасть в число голодающих, т. е. имеющих право на паек. Вот тут-то и пошли раздоры — ругались друг с другом, доносили друг на друга. Вмешивалась власть и имитировавший голодающего попадал в кутузку, но «голодающий», сидя в кутузке, не оставался в долгу у тех, кого он считал виновником своих злоключений — выкладывал о них что-нибудь любопытное для власти (часто, правда, вздор или ложь). В результате создалась в деревне атмосфера недоброжелательства, сосед стал бояться соседа. Тошно стало жить в деревне.

Государство в 1919 г. получило с волости больше, нежели в предыдущем году.

1920 год был, как известно, самым тяжелым для государства: разгар гражданской войны, почти угасшая промышленность, транспорт без топлива. Положение было близкое к параличу. Государство уже не могло довольствоваться, до известной степени, случайными излишками. Ему необходимы были твердые, точно определенные ресурсы для того, чтобы жить и бороться за свое существование. В отношении сбора налогов принцип излишков отошел в прошлое — его заменил принцип разверстки. Центр, подсчитав, сколько, по его мнению, можно собрать со всей страны разного рода взиманий (у нас в волости этих взиманий было 17 родов — см. табл. 25), разбивал или разверстывал все это по губерниям; губернии, сообразуясь с экономическим положением своих уездов,—по уездам: те — по волостям, а эти — по отдельным селениям. В селениях же сход домохозяев определял, кому из домохозяев и сколько надо было платить. Так как все были связаны общей ответственностью, круговой порукой и никакой скидки с определенного в разверстку не полагалось, то сходы эти были чрезвычайно шумливы, иногда даже кончались дракой: всякому хотелось заплатить возможно меньше, но тогда сосед должен был платить больше. Учитывали друг друга до тонкостей — если ты, напр., держал собаку, то тебе это ставили на вид, говорили: «ты можешь собаку кормить, значит — ты и заплатить больше моего можешь». И, я не шутя говорю, в деревне совсем перевелись собаки.

Контингент плательщиков заключал в себе 53% всех хозяйств волости. Но это не значит, что не платило 47% наиболее бедных. Нередко более состоятельный совсем не платил, а платил тот, кто был победнее да потише. Так называемых «горланов» часто выручало их горло — наваливали налог на менее состоятельных. Но в основной своей массе плательщики были все же зажиточные, а неплательщики — бедные.

Разверстка выполнялась не всегда в срок и аккуратно. Волостным милиционерам все время приходилось напоминать и грозить запаздывающим. Наша волость уплатила почти все, что с нее причиталось — в недоимке было совсем немного.

В 1921 году последовал декрет (от 21 апреля 1921 г.), где, между прочим, говорилось: «Размер налога определяется для каждого хозяйства в отдельности и исчисляется по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве и урожаю в данной местности». Круговая порука пала — это одно уже очень всех развязало. Однако, по родам отдельных взиманий, наша волость (с трудовой и гужевой повинностью) выплачивала 15 категорий разного рода продуктов (см. табл. 25). Так как деревня не имела отчетливого представления о том, сколько и чего

именно надо платить, то эта многочисленность уплат и подчас очень мелких (напр., 5 шт. яиц с хозяйства, пол или треть куры и пр.) производила угнетающее впечатление на психику плательщиков: казалось, что налогов бесконечная цепь и никогда их не выплатишь. К выплате натурального налога было привлечено уже не 53% всех домохозяев волости, как в 1920 г., а 87% и, следовательно, — бо́льшее количество пашни. Хотя вся волость в 1921 г. заплатила натурналога больше (см. табл. 25 и 29), нежели в 1920 году, но на каждую десятину пашни, по причинам только что указанным, его пало меньше (см. табл. 32). В выплате налога приняли участие уже и бедные хозяйства, если они только имели посев.

Налог сдавался учрежденным заготовительным конторам, которые не находились в ведении волисполкома, а зависели от уезда и губернии. Аппарат по сбору натурналога был чрезвычайно громоздким. Осенью 1921 года, на тверском губернском с'езде советов, во время прений по какому-то вопросу, зашла речь о том, какая именно часть налога тратится на организацию его сбора, хранение собранного, транспортировку и т. д. Пессимисты утверждали, что из всего собранного налога государство на свои нужды получит только 25%, оптимисты говорили — 75%. Я не знаю кто был прав, но во всяком случае и 25%, потраченные на организацию сбора налога,—не маленький процент.

В 1922 году собирался тот же продналог, но исчислялся он в ржаных единицах (по особой таблице эквивалентов), при чем существовавшее раньше большое количество разного рода взиманий исчезло. Каждый мог платить налог тем продуктом, которым ему было удобнее (по той же таблице эквивалентов). Я в своей табл. 25 считал налог только в ржаных единицах. За своевременную выплату налога полагалась скидка в 20%. Наша волость получила эту скидку, так как внесла налог безнедоимочно и в срок. С единицы пашни пришлось заплатить бо́льшую долю валового дохода, чем в 1921 году — товарищ-урожай подвел. Налог каждый домохозяин отвозил в уездный город за 45 верст.

В 1923 году был введен (декретом от 10 мая 1923 г.), вместо продналога, единый сельско-хозяйственный налог. Обложение сельского хозяйства всякого рода дополнительными, кроме об'явленного налога, сборами было воспрещено законом под страхом уголовной ответственности. Налог исчислялся в ржаных единицах, но его можно было уплатить и деньгами (или хлебным займом, который в нашей волости получил широкое распространение в 1923 году). В этом году, несмотря на еще более низкий урожай, чем тот, какой был в предыдущем

году, доля валового урожая, пошедшая на выплату налога, была меньше нежели в 1922 г.

Хотя налог 1923 года и назывался единым, но «единство» его не очень-то выдерживалось — главным образом, по причине падающей ценности бывших до твердой валюты денежных знаков. Поэтому, где он брался деньгами, где хлебом. Иногда, кроме «единого» налога, приходилось допускать разного рода иные сборы по волости. И вот, 30 апреля 1924 г. вводится, в условиях уже твердой валюты, знаки которой широко распространились и в провинции, вводится на этот раз действительно единый сельско-хозяйственный налог, при чем при обложении учитывается пахотно-сенокосная площадь, количество скота в хозяйстве и приходящееся на данное хозяйство число едоков. За разного рода улучшения в хозяйстве, а также и за прогрессивный тип хозяйства (кооперативное, коллективное хозяйство и пр.) полагались скидки с налога. Были и еще некоторые льготы: для семей красноармейцев, для инвалидов и пр. Осенью, при определении суммы налога, учитывалась степень урожайности в волости. Надбавка на местные нужды включалась уже в налог до его разбивки по отдельным домохозяевам.

Чтобы показать соотношение к общей сумме налога скидок и надбавок на местные нужды, я приведу здесь цифры для Горицкой (но укрупненной уже) волости за 1924 год:

общая сумма налога		52.658 руб. 66 коп.
скидка на поощрение животноводства	3.617 руб. 18 коп.	
скидка на маломощность хозяйств	4.309 » 94 »	7.927 » 12 »
сумма налога без скидок		44.731 руб. 54 коп
надбавка на местные нужды		6.706 руб. 88 коп.
всего по волости		51.438 руб. 42 коп

Любопытно отметить, что на 1 января 1925 года налог по волости был уже выполнен на 70%.

Само собою разумеется, что налоговый закон от 30 апреля 1924 года представляет собою колоссальнейший шаг по сравнению с имевшими место в течение революционного периода системами обложения. Но, однако, и нынешний закон о налоге недостаточно гибок, чтобы наисправедливейшим образом распределять налоговое бремя среди сельского населения. Предстоит большая реформа сельско-хозяйственного налога. Как, в конце-концов, будет эта реформа проведена, мы пока не знаем. Компетентные люди о реформе налога высказываются в печати, например, в таких словах (цитирую по «Известиям» от 30 января 1925 г.):

«Намечающаяся в нынешнем году коренная реформа с.-х. налога представляет чрезвычайно крупное значение для всего крестьянского населения. Общие контуры реформы уже достаточно твердо наметились, и на местных совещаниях основные положения реформы встретили полную поддержку. Управляющий отделом с.-х. налога НКФ СССР, т. М. О. Лифшиц, в беседе с нашим сотрудником, говоря о предстоящей реформе, отмечает прежде всего стремления Наркомфина снизить общую тяжесть обложения крестьянства.

— Мы ставим своей задачей выявить и подвергнуть обложению полную совокупность дохода крестьянского хозяйства, выраженную в рублях. Этот общий облагаемый доход складывается из дохода от земли, лугов и всякого рода скота по твердым нормам доходности, устанавливаемым в центре для каждого уезда или округа на каждый об'ект обложения. Таким путем мы рассчитываем выявить для обложения до 85 проц. доходов крестьянского хозяйства. Но, кроме дохода от сельского хозяйства, обложению будут подлежать и неземледельческие источники доходов. Учет этих доходов, конечно, может быть сделан местными, волостными или районными, налоговыми комиссиями для каждого крестьянского хозяйства индивидуально. В этом общем виде каждому домохозяину будет вручаться окладной лист; по показанному крестьянином доходу и по единой общесоюзной табличке ставок налога, выраженных в копейках с рубля дохода, исчисляется весь налог.

— Какие льготы предоставляются крестьянской бедноте?

— По ныне действующему закону мы применяем льготы для бедноты по чисто-внешним признакам, в зависимости от размера обеспеченности крестьянина землей и скотом. Но эти признаки для суждения о платежеспособности крестьянства недостаточны. Теперь же, с переходом к общему обложению доходов в рублях, можно будет установить определенный необлагаемый минимум дохода. Таким образом, крестьянская беднота и малодоходные хозяйства попадут в группу с необлагаемым минимумом. Вместо каких-либо скидок или льгот, устанавливаемых более или менее по усмотрению, мы будем иметь место с совершенно закономерным принципом, что хозяйства с низким доходом обложению не подлежат.

— Какой размер обложения предполагается ввести?

— Мы намечаем прогрессивное обложение от 2 проц. до 16 проц. с суммы выявленного дохода, но этот размер обложения только для государственного налога, к нему дополняется надбавка на местный бюджет в размере 50 проц. Таким образом, общая сумма налога будет составлять от 3 до 24 проц. суммы дохода отдельного хозяйства. Эта надбавка, которая

для всего союза в текущем году составляла 90 милл. и из которой только 45 милл. пошли на волостные нужды, теперь целиком предназначается для волостного бюджета.

Должен сказать, что эти основные положения реформы с.-х. налога являются еще предварительными. Есть еще много спорных вопросов, требующих детальной проработки. В этом направлении производится очень интенсивная работа, и мы примем все меры к тому, чтобы новый закон был опубликован ранней весной до начала с.-х. работ».

Как наметилось после работы сессии Центрального Исполнительн. Комитета СССР (сессия заседала в марте 1925 г.), сельско-хоз. налог уменьшится приблизительно на 40%, при чем плательщикам уже ранней весной будет известна сумма причитающегося с них налога (при расчете налога будут исходить из средней урожайности для данного района). Если урожай окажется ниже среднего, осенью будет сделана соответствующая скидка. Некоторые тяготы с бедняцкой и слабосильной части деревни будут сняты.

На этом я и закончу настоящий очерк.

Перспективы крестьянского хозяйства.

Мне хотелось бы сказать несколько слов относительно тех перспектив, которые открываются перед крестьянским хозяйством моей родной волости. Само собою разумеется, что в этой области судьбы моих земляков связаны самыми тесными узами с судьбами сельского хозяйства СССР. Следовательно, приходится — конечно, очень бегло (принимая во внимание размер и цель настоящей книги) — коснуться общих перспектив крестьянского хозяйства в стране.

Предварительно отмечу, что русское крестьянское хозяйство в отношении его общественного значения до сих пор почти не изучалось, хотя $^4/_5$ населения нашей страны занималось и занимается именно ведением крестьянского хозяйства. О назревшей потребности организовать в СССР специальное научное учреждение для изучения не только крестьянского хозяйства в узком смысле этого слова, но и вообще современной деревни во всей совокупности условий ее существования, я говорю в краткой записке «Об организации в СССР специального научного Института по изучению современной деревни», напечатанной в приложениях к настоящей книге.

Социализм без знания строить нельзя — это без устали подчеркивал покойный В. И. Ленин. Когда мы, в процессе изучения нашего крестьянского хозяйства, подойдем к нему вплотную, то натолкнемся, наверное, на ряд интереснейших моментов, сопоставление и подробное обсуждение которых и поможет нам выбрать из многих дорог, лежащих перед русским крестьянским хозяйством, путь наиболее для него выгодный и пригодный. Что отдельные моменты могут быть действительно любопытными, продемонстрирую это на примерах углубленного изучения крестьянского хозяйства проф. В. Брдликом [1], недавно опубликованного в его работе «Хозяйственные и социологические основы земельной реформы в Чехо-Словацкой Республике» [2].

---

[1] Брдлик—профессор Чешской Высшей Технической Школы в Праге.

[2] Работы этой на русском языке нет. Она печаталась, начиная с 1922 года, в чехо-словацком журнале «Земледельческий архив».

Проф. Брдлик, обследовавший самым тщательным образом около 1.000 хозяйств за период 1909—1913 года, указывает на общественное значение различных типов земледельческих хозяйств, измеряя эту роль их разнообразными способами. Я здесь мимоходом отмечу результаты только двух его подходов.

Говоря о производительности земли, проф. Брдлик выявляет далеко не одинаковые суммы общего народно-хозяйственного дохода [1], получаемого с одной и той же единицы площади, в хозяйствах мелких и крупных [2].

Так, производительность земли в зависимости от площади участка будет:

	В хозяйствах с площадью в гектарах:			
	2—5	5—20	20—100	Свыше 100 гект.
Получено на 1 гектар земледельческой площади общего народно-хозяйств. дохода в кронах	420	233	305	265

Приведенные цифры ясно указывают на всю выгоду для государства мелких крестьянских хозяйств по сравнению с хозяйствами крупными, капиталистическими. Высокая валовая продуктивность мелких хозяйств обусловливается, конечно, тем большим количеством труда, который затрачивается в них на единицу площади. Но этот факт ведет к понижению производительности труда, что и видно из нижеприводимой тиблички:

	В хозяйствах с площадью в гектарах:			
	2—5	5—20	20—100	свыше 100 гект.
На 1 работника получается продуктов в кронах	933	1.670	1.891	2.400

Последняя табличка говорит, что производительность труда растет вместе с увеличением хозяйства.

Сопоставление только двух приведенных табличек из числа большего количества их, имеющегося в работе проф. Брдлика, способно навести нас на многие интересные мысли, связанные

[1] Проф. Брдлик, под общим народно-хозяйственным доходом понимает «доход всех лиц, прямо или косвенно получающих его от сельского хозяйства; он слагается из дохода предпринимателя, управляющего, служащего, рабочего, ремесленника, кредитора, врача, юриста, до известной меры и торговца средствами сел.-хозяйственного производства или с.-х. продуктами, а также из дохода государства, общины и остальных участников в податях и всех общественных сборах, взимаемых с сельского хозяйства».

[2] Площадь проф. Брдликом указывается в гектарах. Один гектар = $^{9}/_{10}$ нашей десятины (если точно, то = 0,915 дес.); доход исчислен в кронах, которая равна нашим довоенным 40 коп. (если брать точно, то = 39$^{3}/_{8}$ коп.). Доход исчисляется проф. Брдликом в довоенных кронах.

с существованием и грядущими судьбами крестьянского хозяйства.

Свое маленькое отступление в сторону я позволил себе, чтобы резче подчеркнуть мысль о безотложной необходимости приняться и нам, в СССР, за самое подробное и всестороннее изучение нашего крестьянского хозяйства.

Теперь перейду к его перспективам.

Мне кажется, что основным стержнем Октябрьского переворота является земельный голод крестьянства, составляющего, как я уже говорил, $^4/_5$ всего населения страны. В октябре 1917 г. деревня отобрала у 100.000 российских помещиков 50 миллионов десятин. В некоторых губерниях, как, например, в Саратовской, крестьянские земли увеличились вдвое, а вообще, в пределах всей страны, земельная обеспеченность одного работника повысилась с 8½ десятины (дореволюционная норма) до 11¼ десятин (здесь, конечно, и удобная и неудобная земля). Крестьянству необходимо было округлить свой земельный фонд — и оно этого достигло.

Но взять землю—это еще полдела или даже меньше. «Землю есть не будешь»,—говорят крестьяне. Нужны известные условия, чтобы земля стала действительно большим и ценным приобретением. Условия эти, в главном, сводятся к следующим: обеспеченность сельского хозяйства живой человеческой силой, инвентарем (живым и мертвым) и надлежащей организацией, стоящей на высоте современных общественных достижений.

Если мы возьмем не нашу Горицкую волость, а всю страну, то будем иметь в своем распоряжении такие данные, характеризующие как раз два из тех моментов, о которых мы только что говорили:

	на 100 десятин посева приходится:	
	до войны	в 1923—24 гг.
взрослых работников (мужчин и женщин)	45 челов.	88 челов.
рабочего скота	30 голов [1]	25 голов,
сох	9,2 штук.	8,9 штук.
плугов	8,7 „	10,8 „
борон	23,3 „	20,0 „

Мы видим, что из указанных условий, единственным благоприятным для современного периода по сравнению с довоенным является обеспечение сельского хозяйства рабочей силой — здесь мы наблюдаем даже перенасыщение деревни работниками, что будет изжито, когда наша фабрично-заводская промышленность развернется надлежащим образом. Что касается рабо-

[1] Эта цифра относится к 1916 г.

чего скота, то уменьшение его на 17% по сравнению с предреволюционным периодом, конечно, является фактом отрицательного характера. С мертвым инвентарем тоже дело обстоит неважно, тем более, что имеющийся инвентарь изношен до последней степени. Правда, за 1924 г. в страну ввезено несколько тысяч тракторов, а в 1925 г. предположено ввезти из за границы еще 4.000 тракторов и увеличить внутреннее производство их до 5.000 в год [1]. Но это дело, пока что, новое, только нала-

[1] Приведем здесь некоторые сведения о тракторах. Тракторы системы «Фордсон», ввозящиеся к нам, начали строиться в Америке (на заводах знаменитого миллиардера Форда, бывшего когда-то бедным слесарем) в самом начале войны. В 1917—18 годах Америка переправила в Англию 5.000 тракторов, так как в Англии, в виду недостатка рабочих рук, некому было возделывать поля, а подвозить продовольствие извне мешали немецкие подводные лодки. В самих Соединенных Штатах тракторы появились впервые на рынке в 1918 году по цене 750 долларов за штуку (около 1.500 руб. на деньги мирного времени; 1 доллар = 1 руб. 94⅓ коп.). Впоследствии цена их упала до 395 долларов (790 руб.; в «Известиях» от 30 января 1925 г. указано, что тракторы русского производства будут стоить, в зависимости от типа их, от 2 до 8 тысяч рублей; разница с ценою их в Америке громадная) и ныне она продолжает падать. Стоимость распашки трактором одной десятины, принимая во внимание расход на изнашивание трактора, на его топливо и на рабочую силу, обходится американцу (в Америке земля измеряется не десятинами, а акрами и стоимость выражается в долларах и центах, но я перевожу все на русские единицы измерения) в 2 рубля, у нас же вспашка одной десятины обходилась до войны 4 рубля (теперь, конечно, дороже). Кроме того, при работе трактором распашка производится в 4 раза скорее, а физическая сила нужна только для управления трактором.

Генри Форд в своей книге «Моя жизнь, мои достижения» (издание 4-е, 1925 г.) пишет (стр. 273): «Старинный способ обработки земли готов стать романтическим воспоминанием. Это не значит, что отныне на ферме будет нечего делать. Работа не может быть выключена из всякой действительно продуктивной жизни. Но механически приводимое в действие хозяйство порождает то следствие, что убийственная, переутомляющая работа исчезает из фермской жизни. Механически оборудованное хозяйство снимает ношу с людей, чтобы взвалить ее на сталь и железо. Мы находимся еще только в начале этого развития. Автомобиль революционизировал современную фермерскую жизнь не в качестве средства передвижения, а как источник движущейся силы. Сельское хозяйство должно стать чем-то бо́льшим, чем сельское ремесло. Оно должно превратиться в предприятие для производства продовольствия. Когда же оно действительно превратится в деловое предприятие, фактически работа на средней ферме будет исполняться в 24 дня в году. Остальные дни можно будет посвящать другой деятельности».

В заключение замечу, что Америка производит сейчас ежегодно свыше 1.000.000 тракторов, стоимость их все время идет на понижение, и, кроме того, один и тот же трактор должен не только пахать, но и быть годным ко всякого рода иной работы: боронить, сеять, жать, молотить, молоть зерно, пилить лес, выкорчевывать пни и т. д. И он ко всем этим работам уже пригоден.

живается. Если мы вспомним, что в настоящее время на полях Соединенных Штатов Северной Америки работает 800.000 тракторов (800 тысяч!), в то время, как в СССР в 1924 г. их работало 4.850 штук, а для подвоза грузов в сельском хозяйстве за океаном употребляются грузовые автомобили, то, проводя вот эту параллель, мы поймем, что с инвентаризацией сельского хозяйства дело обстоит слабо! Следует сказать, что в самом начале 1924 года правительство, с целью дать возможность широким слоям беднейшего крестьянства обновить свой инвентарь или получить новый, издало декрет (11 января 1924 г.) о снижении цен на сельско-хозяйственные машины и орудия и о предоставлении рассрочки даже до четырех лет. Это повысило потребление инвентаря, — так, напр., организации: Госсельсклад, Сельскосоюз и Центросоюз за 1922—23 хозяйственный год продали инвентаря на 8½ милл. руб., а за 1923—24 год — на 21½ милл. руб. Но вот, в начале 1925 года в газетах о машиноснабжении деревни появились вести тревожного характера. «Известия» (от 28 января 1925 г.) пишут:

«По данным Сельскосоюза, кон'юнктура с.-х. машиноснабжения на текущий год выяснилась окончательно. Отпускные цены на с.-х. машины русского производства для госпромышленности утверждены Наркомвнешторгом с повышением на 9 проц. против прошлогодних. Торговые накидки для всех ступеней торгующих организаций определены в 12 проц. В общем, цены машин русского производства для потребления повышены против прошлогодних на 21—25 проц. вследствие отмены дотации и повышения отпускных цен».

А через несколько дней (4 февраля с. г.) тов. А. Яковлев бьет в «Правде» (московской) вполне основательную тревогу. Его статья «О ценах на с.-х. машины» заканчивается так:

«Если в условиях бюджета нынешнего года нельзя добиться абсолютного понижения цен с.-х. машин против прошлогодних, то ни в коем случае нельзя допускать повышения цен на средства производства сельского населения против прошлого года в то время, когда цены на предметы потребления в среднем за истекший год снижены на 30 проц. Это затормозит процесс развития сельского хозяйства так же, как и его индустриализацию и механизацию».

Выше я упомянул о тракторизации Штатов Северной Америки. Это повело к удешевлению американского хлеба [1]. И

[1] Хлеб подешевел, с одной стороны, вследствие механизации сельско-хозяйственного труда (тракторы, автомобили и пр.), а, с другой стороны, благодаря сокращению рабочего скота, вытесняемого машиною: так, количество лошадей в Америке в 1916 году было 21½ миллиона, а

если мы еще до войны успешно конкурировали с американским хлебом, занимая по вывозу хлеба первое место в мире (до войны на одну душу населения страны мы вывозили хлеба 4 пуд. 13 фунтов ежегодно), то за последнее десятилетие мы успели утратить это первое место (вывоз за 1923 год — 36 фунтов на душу, а в 1924 г. — еще меньше). Отсюда вытекает необходимость зерно на рынок не выпускать зерном, а давать его рынку в виде более дорогого продукта — напр., в виде свинины, спирта и пр. Значит, встает вопрос о расширении нашего животноводства [1], некоторых производств, связанных с сельским хозяйством и т. д.

Затронем теперь иной ряд моментов. Скажем несколько слов об организации крестьянского хозяйства, принимая во внимание существующую в СССР общественно-политическую обстановку.

В этой общественно-политической обстановке самыми серьезными фактами являются два: экономическое расслоение крестьянства и принадлежность политической власти в стране классу трудящихся (рабочим и крестьянам).

В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России», написанном еще в 1896 году, говорил (цитирую по третьему тому полного собр. сочинений): «Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную симостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков. Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело этой, специфически свойственной капиталисти-

---

в 1923 г. — только 18½ миллионов. Экономия хлебного корма выбрасывается на рынок и тоже понижает цену зернового хлеба.

[1] Наше крестьянство и в 1924 г. уже успело значительно поднять свое животноводство. На рынок было выброшено много мяса и живого скота. Но какие же были цены мяса на рынках? В Москве, в октябре—декабре 1924 г., мясо доходило в туше до 2 руб. за пуд (пять коп. фунт), а на деревенских базарах мясо продавали и по 3 коп. фунт. За границу в 1924 г. вывезли мяса совсем пустяки: 15.000 пуд. малосольной свинины, 1.000 голов живых свиней и 600 вагонов битой и живой птицы (до войны мы вывозили ежегодно в среднем мяса 1.250.000 пудов). Такой слабый вывоз об'ясняется пошлинами на мясо (теперь они сняты) и неподготовленностью соответствующих организаций к экспортировке мяса. За 1924 г. крестьянство потеряло колоссальную сумму, продавая мясо за гроши. На 1925 год Наркомзем вывоз мяса определяет в количестве до 2 миллионов пудов и 1.300 вагонов битой птицы.

ческому строю, противоречивой формы, т.-е. которая бы не выражала борьбы и розни интересов, не означала плюс для одних и минус для других».

Итак, В. И. Ленин указывает, что крестьянство по своему составу не однородно, что оно заключает в себе ряд экономических слоев, интересы которых не только не одинаковы, но иногда даже и враждебны. Так было до революции. Однако и революция, стерев лишь наиболее острые углы во взаимоотношениях этих различных экономических слоев в нашем крестьянстве, не сделала крестьянство однородным. И ныне мы можем ясно видеть, что крестьянская масса складывается из четырех групп: маломощных (или бедняков), середняков, зажиточных и богатых (эти, в большинстве случаев, являются кулаками).

Считаю необходимым пояснить, что именно разумеется под только что названными группами.

Маломощное или бедняцкое хозяйство обычно имеет избыток рабочей силы и едоков по сравнению с площадью пашни, которая находится в распоряжении этих хозяйств. Живого и мертвого инвентаря очень часто не хватает для ведения хозяйства и приходится арендовать то лошадь, то плуг и пр. (за деньги или чаще — за отработку). Излишек рабочей силы распределяется в сфере местных и отхожих промыслов. Земля нередко сдается в аренду более зажиточным домохозяевам. Арендная плата и получки от промыслов и есть главный доход маломощных хозяйств. Само собой разумеется, что если в средней России данный тип хозяйства имеет не более 2 десятин посева, то на Юге-Востоке маломощные хозяйства обеспечены вдвое большим количеством земли. Этот тип хозяйств мало устойчив: пожар, падеж скота или неурожай часто ликвидируют эти хозяйства, а владельцы их становятся самыми настоящими пролетариями.

Среднее хозяйство в большинстве случаев обеспечено землей и инвентарем соответственно земельной площади, а последняя обычно достаточна для прокормления семьи середняка. Промыслами эти хозяйства занимаются в меньшей мере, нежели маломощные хозяйства — центр тяжести их в земледелии. Хотя середняцкие хозяйства—сравнительно устойчивый тип, но все же часть их эволюционирует, переходя отчасти в разряд маломощных, а отчасти в следующую, высшую группу.

Зажиточные хозяйства в полной мере обеспечены всем необходимым для ведения замеледельческого хозяйства. Хозяйства эти производят излишки хлеба, скота, молочных продуктов и пр. Поэтому зажиточные хозяйства имеют тесную связь с рынком. Хозяйства эти пользуются наемным трудом. Но

дальнейшему экономическому росту зажиточных хозяйств мешали и мешают разделы — хозяйства дробятся, переходя или в низшую группу или с трудом удерживаясь в той же группе. Известный процент зажиточных хозяйств переходит в следующий экономический класс — в разряд кулацких хозяйств.

Кулацкие хозяйства — это хозяйства многоземельные, с сильным инвентарем, даже с крупными машинами. Эти хозяйства часто имеют и торговые и промышленные предприятия, широко пользуются наемным трудом. При дальнейшем развитии эти хозяйства ликвидируются, перенося применение своих капиталов в город, так как в деревне им уже тесно.

До революции весь склад наших общественно-политических отношений сводился к тому, чтобы поддерживать зажиточную часть деревни. Положение бедняка было «хоть ложись да помирай», а середняк в результате каторжного летнего труда и усиленного занятия промыслами зимою, едва-едва сводил концы с концами. Первые годы революции (до нэп'а) произвели некоторое «поравнение» в деревне (главным образом в средней и выше лежащей полосе страны; на Юге, вследствие временного засилья там белогвардейцев, «поравнение» прошло очень слабо) — зажиточная часть деревни, а кулаки в особенности попрятались в угол, молча и злобно выжидая, «что будет дальше». Дальше пришел нэп и, как заявил тов. Зиновьев на XIII с'езде РКП (б): «в результате нэп'а деревня расслаивается» опять.

На какие же экономические группы распадалось наше крестьянство за последние годы? На этот вопрос можно было бы ответить рядом таблиц (характеристика групп по посевности, по скоту и пр.). Но я, не желая усложнять дела, ограничусь сравнительно простой табличкой, в которой учтен ряд признаков. Табличка дает сведения за два последних года по РСФСР [1]:

	% хозяйств. 1923 г.	1924 г.
беспосевных	5	4
маломощных	63	60
средних	23	26
зажиточных	9	10
	100%	100%

В таблице этой кулацкие хозяйства не выделены из зажиточных. Само собою разумеется, что группу середняцких хозяйств можно было бы повысить, а процент маломощных умень-

[1] Цифры таблички, составленной по свежим и строго проверенным материалам, получены мною из Центрального Статистического Управления.

шить, если подойти к распределению хозяйств по группам с менее строгими требованиями. Так, например, в отчетных данных о сборе продналога по 49 губерниям за 1922—23 год указывается для 1923 года:

маломощн. хозяйств (или бедняцких) . . .	52%
средних	39%
зажиточных	9%
	100%

Я привожу все-таки ту таблицу, которую привел, так как за нею преимущество более строго выверенных и более свежих данных. Полагаю, что лучше иметь только 26% середняков, а не 40 и не 50 процентов, но настоящих, крепких середняков, действительно существующих в деревне и не являющихся плодом кабинетной фантазии.

Так обстоит дело с соотношением экономических классов в деревне.

Теперь перейдем в иную область — в политическую. Налог и линия поведения Народного Комиссариата Земледелия— это для деревни самое важное. Справедливый с точки зрения трудящегося налог и четко-классовая линия поведения Наркомзема, зорко охраняющего интересы того же трудящегося — вот что деревни нужно в первую голову. Все ли благополучно на этом фронте?

С пристальным вниманием изучая все те явления, которые имели место за эти годы в пределах моей родной волости, я могу засвидетельствовать (и знающие люди согласятся со мной), что налоговая политика и линия поведения органов важнейшего для крестьян комиссариата — Комиссариата Народного Земледелия, поскольку эта политика и эта линия поведения Наркомзема преломлялась в реальной деревенской действительности, именно за самые последние годы (в «нэповские» времена), — они чрезвычайно слабо окрашены в цвет поддержки беднейших и середняцких хозяйств, защиты их от более сильных зажиточных хозяйств. Но если таковы наши налоговая политика и линия поведения Наркомзема, то общий тон советского законодательства и внутренней политики не дают возможности деревенской верхушке в значительной мере расширять свое хозяйство и окончательно добивать мелкое крестьянское хозяйство. Получается, в полном смысле этого слова, какой-то заколдованный круг: зажиточные хозяйства могут копить свою экономическую мощь только до известного предела; они могут наносить урон беднейшим хозяйствам тоже только до известного предела, а последние могут сходить на-нет опять-таки до известного предела. Вот

эти-то условия, этот «известный предел», мешающий мелкому хозяйству умирать, а зажиточному—развернуться во всю кулацкую ширь, они одинаково невыгодны и для государства, и для зажиточных, и для бедняков деревни: бедняки непроизводительно затрачивают массу энергии для того, чтобы поддержать свое безнадежно падающее хозяйство; зажиточные из кожи лезут вон, чтобы как-нибудь изловчиться и, несмотря на диктатуру пролетариата, выражаясь грубо, слопать мелкое хозяйство; государство же при подобном положении вещей имеет на руках скверно поставленное крестьянское хозяйство и определенное психологическое настроение живых людей, составляющих крестьянские массы: бедняцкий угол молча чешет в затылке, середняки недоумевают, не зная хвалить или хаять советскую власть, а из зажиточного,—и, я скажу, из зажиточно-кулацкого угла, — оттуда нет-нет, да и услышишь похвалу существующему строю. Выходит, как констатировал еще Гамлет — «что-то гнило в царстве датском» или, другими словами, для деревни совершенно необходима резкая отчетливость классовой линии и в налоговой политике и во всей деятельности Наркомзема.

Эти строки были написаны мною в начале 1924 года. Через несколько месяцев, в мае, открылся XIII с'езд РКП (б), на котором тов. Зиновьев, давая с'езду политический отчет от имени Центрального Комитета партии, говоря о работе в деревне, отметил некоторую как бы заброшенность деревни. Он сказал: «Мы деревню мало знаем. Надо ясно видеть, что тут у нас нет специального рычага ни по партийной линии, ни по советской линии, который бы нас непосредственно связывал с деревней. И мы узнаем о деревне только по косвенным данным. Уделять больше внимания деревне абсолютно необходимо».

И все мы прекрасно знаем, что, начиная с XIII с'езда РКП (б), наша общественно-политическая жизнь страны проходит под лозунгом «лицом к деревне». За короткий срок сделано уже многое хотя бы в отношении организации работы советско-партийно-общественного аппарата в деревне, работы чрезвычайно трудной и очень ответственной. Факт устремления особого внимания к нуждам деревни является для крестьянства условием политически-благоприятным.

Итак, я коротко коснулся всех тех моментов, которые являются определяющими положение крестьянского хозяйства.

Если согласиться, что задача крестьянского трудового хозяйства — это доставление средств существования семье, ведущей это хозяйство, путем самого полного и самого совершенного использования рабочей силы семьи и всех имею-

щихся в ее распоряжении средств производства (земля, постройка, скот и т. д.), то что же следует делать деревне при наличии всех тех условий, в которых она находится?

В ответ на поставленный вопрос надо самым решительным образом заявить: до революции крестьянское хозяйство находилось в скверном положении; в настоящее время оно тоже далеко от блестящего состояния — дыхание революции должно коснуться самых корней крестьянского хозяйства, и тогда оно изменит свой облик. Революция в смысле изменения основ и форм крестьянского хозяйства, надо признаться, почти еще не докатилась до деревни.

Но что же делать конкретно?

Необходимо укрупнить крестьянское хозяйство.

Это выгодно сделать по многим и многим соображениям.

Например:

1) в более или менее крупном хозяйстве возможны такие агрономические мероприятия, способствующие поднятию производительности хозяйства, которые совсем немыслимы в карликовом хозяйстве (взять хотя бы многополье — на 1—1½ дес. заводить его нецелесообразно);

2) машинизация сельского хозяйства, облегчающая труд человека, в подавляющем большинстве случаев может иметь место только при наличии крупных хозяйств (напр., трактор);

3) в крупном хозяйстве получается большая экономия на полном использовании как живого, так и мертвого инвентаря (крестьянин, имеющий и 4, и 3, и меньшее количество десятин, должен держать лошадь, в то время как она могла бы выдержать нагрузку до 10 десятин; и выходит, что в мелком хозяйстве не лошадь обслуживает крестьянина, а, наоборот, — крестьянин обслуживает свою лошадь).

Пунктов, доказывающих выгодность ведения крупного хозяйства перед мелким, можно было бы привести и еще великое множество, но это в мои задачи не входит и поэтому я ограничусь тремя, уже приведенными.

Как же укрупнить крестьянские хозяйства?

Путем их коллективизации.

Коллективизировать крестьянские хозяйства — это совсем не значит стричь их под одну гребенку, загонять, например, всех в коммуну (хочешь не хочешь, а иди). Наша обширная страна так пестра по своим хозяйственным условиям и реальному соотношению сил между различными экономическими группами крестьянства, что вариантов коллективизирования крестьянских хозяйств может быть немало. В области коллективизации деревне должно предоставить свободу, — по крайней мере до известной степени.

Вот у нас в волости, в дер. Дитятево, крестьяне «нарушили» один из праздников (так называемую «временную», 10 ноября — перестали варить пиво и звать гостей на этот день) и на деньги, которые были бы пропиты в этот день деревней, купили всей деревней веялку. Деревенская веялка—это уже шаг (правда, первый и робкий) к коллективизации. Веялка сыграет в Дитятеве роль прекрасного организатора крестьянства. Она опытом своей работы красноречиво докажет деревне, что выгодно сделать и второй и третий шаг в сторону совместного об'единения в деревенском хозяйничании.

А вот коммуна у нас в волости сейчас, пожалуй, не пошла бы, если бы даже правительство и поманило крестьян на коммуну какими-либо льготами. Не привилась бы коммуна потому, что у волости на глазах зародилась, жила (и—прибавлю—процветала) и погибла одна такая коммуна [1]. Дело бы так. Решили целых пять семей работать и жить вместе. Сложили все свое имущество, работали плечо в плечо, ели из одного котла. Все шло прекрасно, запашка выросла, обработка земли улучшилась, урожайность поднялась. Держалась коммуна четыре года, а вот в 1923 г. распалась. И не думайте, что коммуна держалась 4 года только потому, что жила каким-нибудь старым помещичьим добром, а когда эти ресурсы подошли к концу, то и коммуна кончилась. Нет, мои коммунары-земляки жили не чужим добром, а своим трудом. Коммуна существовала несколько лет и даже процветала — следовательно, экономические предпосылки для коллективного производства были. Но не было психологических предпосылок для коллективного потребления—и коммуна рассыпалась. Начался распад с бабьих ссор, с горшка каши, у одного детей больше, ему больше и надо, а работает он столько же, сколько и другие и т. д. В конце концов, ссоры перешли в открытую и острую вражду между семьями, составлявшими коммуну, и коммунары разошлись — больше им и делать ничего не оставалось.

Если мы возьмем всю страну (без Украины), то увидим, что дело с разнообразными типами сельско-хозяйственных коллективов (коммуны, артели, товарищества) обстояло и обстоит так:

в 1918 г. было коллективов	912
» 1919 » » »	6.186
» 1920 » » »	10.500
» 1921 » » »	15.079
» 1922 » » »	13.373
» 1923 » » »	13.091
» 1924 » » »	13.849

[1] Говорю о коммуне около с. Суток, недалеко от Гориц.

Коллективы эти об'единяют около 700.000 душ едоков и имеют в своем распоряжении приблизительно 1.600.000 десятин земли. Кроме того, на Украине существует около 5½ тысяч коллективов. Мы видим, что наибольшее число коллективов существовало в 1921 году — тогда был голод, правительственная помощь и привилегии для коллективов. Как только это все отпало—число коллективов несколько растаяло.

Но отвечают ли имеющиеся коллективы своему назначению? Ленин говорил о сельско-хозяйственных коммунах: «Крестьянину, который является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего». Так вот: можно ли назвать эти 14.000 коллективов (а с Украиною почти 20.000) революционным рычагом, сдвигающим хозяйство деревни с его косных, прадедовских позиций?

Из многочисленных сообщений повседневной печати и из литературы мы знаем, что многие и многие из этих коллективов попросту являются «дворянскими гнездами» в деревне. Бывшие помещики, подобрав подходящую публику, часто из своих бывших служащих, и придумав звонкие названия: «Обновленный Труд», «Новая Заря» и т. д. получали свои именья в качестве «трудовых земледельцев», получали их, конечно, от местных органов земельного управления, состав служащих которых в некоторых губерниях густо насыщен дворянско-помещичьим элементом [1]. Иногда коллективы эти организовываются с какими-либо спекулятивными целями, а иногда только для того, чтобы получить скидку по налогу. Коллективы наши нуждаются в основательной чистке, так как далеко не редко фактом своего существования они наглядно показывают, что можно опоганить даже самое хорошее начинание.

Само собою разумеется, что, если коллективное хозяйство не является фиктивным, если дело у него идет во всех отношениях ладно, то подобное коллективное хозяйство следует всячески поддержать — и морально и материально (предоставлением дешевого кредита, некоторой скидки по налогу и т. д.).

Следовательно, там где можно пускай крестьянин идет к коллективизации через любой тип коллективного хозяйства: или через товарищество по общественной обработке земли, когда люди сообща обрабатывают только одну какую-то земельную площадь; или через более сложную форму — артель, когда люди в процессе производства об'единяют не только свой

[1] В марте 1925 г. опубликован декрет о выселении всех бывших помещиков из их бывших имений, которые они под тем или иным предлогом за собою сохранили. Таким образом, остатки «дворянских гнезд» будут окончательно разорены.

труд, но и инвентарь, получая однако продукт труда сообразно количеству вложенного в общее дело труда; или, наконец, через самую высшую форму, через коммуну, где люди об'единяются не только в производственном, но и в потребительском отношениях и делят продукт своего общего труда сообразно потребностям каждого члена коммуны.

Имеются у нас в стране такие районы, где население хорошо кооперировано — например, Шунгенский район с его картофельной кооперацией. Кооперации и следует широко развернуть свою работу, об'единяя крестьянство хотя бы в области сбыта последним продукта своего труда. Безусловно, от об'единения в области сбыта крестьянство перейдет и к об'единению в области производства — выгоды и хозяйственная логика толкнет его на этот путь.

Было бы, думается, чрезвычайно полезно если бы в каждой волости—сперва в одном, а затем в другом, третьем и четвертом месте, где-нибудь в районе больших сел и деревень — Сельскосоюз или иной кооперативный центр организовал кооперативно-коллективные хозяйства. Участники таких хозяйств отнюдь не бросают свои прежние хозяйства — массового крестьянина трудно раскачать все сразу взять да и бросить и пуститься в область новых и не всегда понятных для него исканий. В кооперативных хозяйствах (земледельческих, молочных и иного типа) применяется и улучшенное землепользование и лучшая обработка земли и продукта, а главное — машинизация труда. Если труд можно электрифицировать, он электрифицируется. Агрономы и всякого рода другие инструктора, тесно связанные с кооперативными организациями, все время руководят и деятельно наблюдают эти кооперативно-коллективные хозяйства. Таким образом, не бросая своего индивидуального хозяйства, крестьянин приобретает опыт ведения коллективного хозяйства. Но, надо одно — с самого же начала поставить дело на практическую, коммерческую ногу. Надо, чтобы крестьянин не умом и сердцем, а карманом почувствовал, что коллективное хозяйство штука выгодная. И вот, если карман посоветует деревне коллективизироваться, она это сделает охотно и быстро, без всякой особой пропаганды.

Само собою разумеется, что результатов нельзя ждать ни завтра, ни через год, а, может быть, и через два не дождешься. Веками осевший сельско-хозяйственный быт перевернешь не скоро. Но рано или поздно результаты эти скажутся, и они будут прочными.

Когда в стране будет околлективизировано значительное количество хозяйств, тогда мы сможем сказать, что настоя-

щая революционная волна докатилась и до деревни. И только тогда, взятая ныне крестьянами земля, будет ими и использована действительно в интересах трудящихся и на благо рабоче-крестьянскому государству.

Вот те общие перспективы, которые открываются перед крестьянским хозяйством СССР.

Этот фон определяет и перспективы, стоящие в частности перед Горицкой волостью, которая в некоторых отношениях находится в более благоприятных условиях, нежели вся страна. Например, со скотом в волости вполне благополучно (см. табл. 33). Остальные моменты (живая человеческая сила и мертвый инвентарь) параллельны тому, что характерно в этой области и для страны. Что касается экономических групп среди крестьянства Горицкой волости, то они вполне выявятся для нас из нижеследующей таблицы:

Обеспеченность 1 едока пахотно-сенокосной землею в 1924 г.	Число хозяйств.	В них едоков.	Едоков только в рабочем возрасте.	Площадь посева.	Количество лошадей.	Количество крупного рогат. скота.
» до 1/4 десятины . . .	145	621	269	36	30	115
от 1/4 дес. » 1/2 » . . .	425	2.361	1.042	507	259	542
» 1/2 » » 1 » . . .	1.337	7.289	3,469	2.810	1.098	2.088
» 1 » » 11/2 » . . .	380	1.575	841	981	328	602
» 11/2 » » 2 » . . .	82	266	147	221	67	119
» 2 » » 3 » . . .	33	65	39	78	20	40
» 3 и выше	3	5	2	9	3	4
Всего . .	2.405	12.182	5.809	4.642	1.805	3.510

Первые две группы — маломощные, третья — середняки, четвертая и пятая — зажиточные, шестая и седьмая — богатые[1]. Если мы произведем соответствующие исчисления, то получим следующую любопытную табличку:

[1] Разбивка произведена применительно к данному выше определению групп, хотя должно заметить, что у нас в волости наемным трудом зажиточные хозяйства пользуются далеко не всегда. Последнюю же группу я назвал не кулацкой, а просто богатой, так как вследствие слабого развития у нас промыслов и торговли обладание торговыми и промышленными предприятиями не характерно для группы точно так же, как и обладание крупными машинами; некоторые из этих хозяйств прибегают к найму рабочей силы.

	Хозяйства.	Посевная площадь.	Работники.	Весь скот.
Маломощные	23%	12%	22%	18%
Середняки	55 »	60 »	60 »	60 »
Зажиточные	20 »	26 »	17 »	21 »
Богатые	2 »	2 »	1 »	1 »
	100%	100%	100%	100%

Последняя табличка говорит нам, что Горицкая волость—середняцкая. Но это данные для 1924 года. А какой ее физиономия была в предыдущие годы и перед самой революцией? Она была точно такой же середняцкой, как и в настоящее время. Дело в том, что никакой сколько-нибудь значительной земельной площади от частных владельцев, революцией ликвидированных, в распоряжение крестьян не попало. Частновладельческой некрестьянской земли было по волости, как я уже упоминал в главе «Земледелие», около 8½ тыс. десятин, но она почти вся под лесом, болотами и отчасти под сенокосом. И земля эта чуть ли не целиком перешла в государственный земельный фонд. Отдельные селения по волости в отношении обеспечения землею каждого едока были далеко не одинаковы: например, д. Сорокино богата землею, а моя родная деревня, Марфино, бедна землею. Но поравнения землею отдельных селений по числу едоков в них за весь период революции в волости произведено не было. В недрах каждого селения волости земля переделялась за много лет до войны; поэтому наделение землею едоков в том или ином хозяйстве одного и того же селения было неодинаковым. Только теперь, можно сказать за последний 1924 год, в связи с тягою крестьян на отруба, происходит земельное поравнение по волости, но этот процесс еще не закончился. Таким образом, лишь с небольшой долей ошибки, можно сказать, что перегруппировка экономических слоев в Горицкой волости только-только началась теперь.

Думается, что настоящий период — период перелома в истории крестьянского хозяйства, как всей страны, так и Горицкой волости. Поживем, увидим...

Питание.

Вопрос о питании населения — один из важных моментов в истории экономического быта волости. Это положение в доказательствах не нуждается и служит достаточным оправданием для выделения этого вопроса в особую главу настоящего исследования.

Материалов по изучению массового потребления, непосредственно относящихся к России, накопилось не мало. Проф. А. В. Чаянов дает в своем библиографическом указателе[1] 186 названий отдельных работ. Чуть ли не половина этих работ находится в тесной связи с обследованием крестьянских и рабочих бюджетов.

Говоря о питании, следует помнить, что одно дело быть сытым, а другое питаться правильно. Широкие слои населения этому вопросу совершенно не уделяют внимания, а государство стало изучать вопрос о правильности питания только в последние, революционные годы.

Скудное или нездоровое питание, как известно, очень вредно отражается на здоровьи населения — распространяется ряд таких болезней, как цинга, тиф и проч. Ясно, что число смертей стоит в тесной связи с питанием населения: чем хуже люди питаются, тем они становятся слабее, а чем слабее—тем больше шансов, что они заболеют, и, захворав, не смогут перенести болезни. Неправильное питание в значительной мере влияет и на детскую смертность: в России вообще на каждую тысячу родившихся умирало, не дожив до одного года, около 300 младенцев, в то время как в Швеции до одного года умирало только 130 из тысячи. Если взять Тверскую губ. и подсчитать среди умерших крестьян детей до одного года, то получим такие цифры: из каждой тысячи покойников в 1915 г. детей до одного года было 362, в 1916 г.—329 и т. д. Смертность высокая.

Но та страна, население которой плохо питается, не только имеет повышенную смертность — она теряет в течение года и

---

[1] Этот указатель напечатан приложением первым в брошюре С. А. Клепикова—«Питание русского крестьянства», ч. I, 1920 г., стр. 39.

много миллионов рабочих дней, падающих на прогулы от болезни рабочего населения.

В отношении питания человек подобен машине. Как машина для своей работы нуждается в топливе, так и наш организм, — не только в процессе работы, но и в процессе жизни,— нуждается в пище. Пища дает человеку энергию, необходимую и для существования, в простейшем смысле этого слова, и для работы. Энергия, доставляемая пищей, измеряется тепловыми единицами, называемыми калориями.

Человек в течение суток расходует разное количество энергии — в зависимости от его возраста и напряженности работы (умеренный труд, тяжелый, очень тяжелый). Следовательно, и калорий, идущих на восстановление потраченной энергии, разные организмы, поставленные в неодинаковые условия, требуют не одно и то же число.

Но для организма человека надо не только известное количество калорий, надо, чтобы и подбор пищи для него не был односторонним: если человек будет питаться только одним хлебом, или только одним мясом, или только маслом, то, несмотря на то, что будет вводить в организм достаточное количество калорий, он все же заболеет. Дело в том, что в пище имеются разные виды питательных веществ, и главных из этих видов три: это — белки, жиры и углеводы. Белки преимущественно идут на образование вещества нашего тела, а жиры и углеводы требуются при работе.

Рассматривая вопрос о питании, я буду освещать его с точки зрения сохранения сил и энергии населения, или, иначе — с точки зрения нормального питания, т.-е. «такого подбора пищи, при котором все расходы тела, как бы они ни были своеобразны и оригинальны, правильно пополняются, и организм поэтому находится в полном материальном и энергетическом равновесии» [1].

Основные питательные начала, заключенные в разного рода пище, как животного, так и растительного происхождения,—это, как было уже указано, белки, жиры и углеводы. Вещества эти, «кроме доставления свободной энергии, имеют для человеческого организма и органическое, конструктивное значение — они могут заменять друг друга в очень узких пределах; благодаря этому пищевое потребление человека должно содержать все три упомянутых продукта в известном, более или менее постоянном соотношении между собой» [2]. Энергия же,

---

[1] Проф. Б. И. Словцов—«Пищевые раскладки», изд. 2-е, 1919 г., стр. 1.

[2] Предисловие проф. А. В. Чаянова, стр. IX, к ук. соч. С. А. Клепикова.

которая освобождается при распаде питательных веществ в нашем организме, измеряется калориями, а им соответствует определенное количество механической работы [1]. Таким образом, по количеству и роду потребляемой известным организмом пищи мы можем определить количество соответствующих этой пище калорий и их механических эквивалентов. И, наоборот, по этим последним величинам можно судить о количестве затраченного на них пищевого материала. Приведенные положения служат ученым базой для построения пищевых норм, для выяснения соотношений питательных начал и для общего учета освобождающейся при распаде питательных веществ энергии [2].

Основанием для изучения массового потребления служат записи потребленного продовольствия за определенный период времени (желательно за полный год) известной группой (желательно — однородной по составу и возможно большей по числу). Я подобных записей по волости не вел; да и вести их, за исключением единичных случаев, полагаю, было бы в настоящее время невозможно в виду остро-отрицательного отношения массового крестьянина ко всякого рода учетам, производящимся за последние годы в хозяйственной сфере его жизни.

В данной главе попытаемся выяснить, — конечно, очень и очень приблизительно, — насколько питание населения волости соответствует теоретическим нормам питания вообще [3], и фактическим нормам питания сельского населения России, в частности [4]. Из всего революционного цикла мы возьмем только один год — 1920, год высокой урожайности хлебов.

Для нашей цели нам необходимо знать состав населения волости по числу, полу и возрасту — это мы знаем [5]; еще надо знать количество потребленных населением волости продуктов — этого мы в точности знать не можем, так как, как уже упоминали, записей по учету израсходованных на продовольствование продуктов не вели. Но мы можем высчитать количество питательных продуктов, полученных населе-

[1] Калория—единица измерения теплоты: она выражает то количество теплоты, которое требуется для повышения температуры одного килограмма (2,4 фунта) воды на 1 градус Цельсия. Одной калории соответствует такое количество механической работы, которое необходимо для поднятия того же килограмма воды на высоту 425 метров. Обе эти нормальные величины образуют собою одну общую величину в 425 килограммометров. Эта-то величина и называется в науке «механическим эквивалентом теплоты».

[2] См. табл. 17.

[3] Там же.

[4] То же, табл. 24.

[5] См. табл. 16.

нием волости от своего хозяйства в течение 1920 г. [1]. Предположим, что все эти продукты, за вычетом семян и того, что отчуждено в пользу государства, были всецело употреблены населением на свое продовольствование. Произведя некоторые расчеты, мы получим среднюю норму питания по волости. Но эта норма, само собою разумеется, будет теоретическим максимумом. Поведем наши поиски в несколько ином направлении. Укажем, что хотя алкоголизм не выкачивает в настоящее время ни одного рубля из крестьянского бюджета [2], что хотя отсутствие свободной торговли [3] до чрезвычайности сузило местный рынок, вталкивая потребление продуктов сельского хозяйства (в том числе и пищевых продуктов) в пределы каждого данного хозяйства, и что хотя чрезвычайно быстрое падение ценности денег и громоздкость акта товарообмена безусловно, на-ряду с другими причинами, и способствовали развитию натуральных форм хозяйства, стремящегося к самоудовлетворению своего собственного спроса,— но, несмотря на все изложенное, современное крестьянское хозяйство ощущает существенную потребность в разнообразных продуктах и предметах, производство которых лежит вне крестьянского хозяйства. А так как отхожие промыслы, игравшие в мирное время немаловажную роль в бюджете деревени, пали [4], то неотложные потребности каждому домохозяину приходится удовлетворять, ликвидируя известную часть своего натурального дохода, затрачивая и доход, реализирующийся в форме пищевых продуктов. В главе о среднем хозяйстве волости был дан бюджет такого хозяйства за 1920 г. Из этого бюджета видно, что именно и в каком количестве ликвидирует среднее хозяйство, чтобы получить извне все для себя необходимое. Так, как описываемая волость является волостью с подавляющим числом средних хозяйств (на это указано в своем месте), то предположим, что каждое хозяйство для удовлетворения своих неотложных нужд продаст или обменяет одно и то же количество одних и тех же пище-

---

[1] На основании данных таблиц 2, 8, 9 и пр. — все это высчитано в табл. 19.

[2] До войны средняя крестьянская семья в России, тратя ежегодно 101 р. 20 к. на покупку товаров, обложенных акцизом, 77 р. 07 к. тратила на покупку водки, чая и сахара; на водку шла бо̀льшая часть последней суммы (см. ст. М. И. Боголепова—«Государственное хозяйство», «История России в XIX в», изд. бр. Гранат, том VIII, стр. 37).

[3] Следует помнить, что речь идет о 1920 г., когда нэп еще не родился.

[4] Пали под влиянием общей хозяйственной разрухи (многие фабрики и заводы закрылись и проч.), пали под влиянием стеснения свободы передвижения и т. д.

вых продуктов. Мы знаем, что число тех или иных различных комбинаций с запасами продовольствия равняется, повидимому, числу хозяйств в волости. Но в общей массе разнообразных хозяйственных вариаций индивидуальные черты отдельных комбинаций сгладятся, и наше предположение оправдается с некоторыми ограничениями, то-есть по всей волости картофеля, может быть, будет продано несколько меньше или больше того количества, которое мы получим для волости на основании данных по среднему хозяйству, но зато поступит в продажу ячмень и т. д. Одним словом, нащупывая приблизительную среднюю норму питания населения волости, мы можем примириться с неточностью нашего метода.

Итак, выкинув из валового дохода семена, все отчужденное в пользу государства и все проданное, и произведя известный расчет, мы получим минимальную норму питания по волости, которая тоже является нормой теоретической. Но действительная средняя норма, как нам кажется, будет лежать в пределах между теоретическим максимумом и минимумом и, несомненно, ближе к последнему.

Таким образом, мы получим представление о питании крестьян Горицкой волости и сможем сопоставить его с теоретическими и фактическими нормами, являющимися следствием определенных исследований.

Вся работа по изложенному плану проделана в наших таблицах [1]. Оказывается, что средней максимальной суточной нормой для одного человека без различия возраста будет (в граммах) [2]:

1.903 гр. пищи или: белков—74, жиров—33, углеводов—473; или в переводе на калории—2.553.

Средняя же минимальная суточная норма для одного человека тоже без различия возраста будет (тоже в граммах) [3]:

1.543 гр. пищи или: белков—61, жиров—22, углеводов — 436 или в переводе на калории—2.245.

Спрашивается: хорошо или плохо питается «средний» человек Горицкой волости? Если мы взглянем на соответствующую таблицу [4], то увидим, что наш «средний» человек питается не хуже, чем питался такой же «средний» всероссийский человек; последний, по исследованиям Марреса, имел калорийную обеспеченность в 2.308 кал. при 105 гр.

---

[1] См. таблицы: 17, 18, 19, 20 и сл.
[2] То же, табл. 22.
[3] См. табл. 23.
[4] Табл. 24.

белка, 41 жиров и 364 углеводов. У нас, правда, углеводов значительно больше, но в пище сельского населения, употребляющего, главным образом, растительную пищу, где углеводы преобладают в значительной степени, углеводов вообще много — это обстоятельство не раз отмечалось исследователями [1]. Наша средняя норма сравнительно недалека и от средней теоретической нормы [2], где белков — 95 гр., жиров — 54, углевод.—233, а всего калорий—2.413. Теперь, чтобы получить данные о питании в отношении калорийной обеспеченности взрослого трудоспособного крестьянина волости будем рассуждать так: в 1920 г. в волости было 9.676 чел. населения и 1.836 хозяйств — следовательно, средний состав семьи равняется 5,3 человека. Взглянув на табл. 16, мы видим, что трудоспособных в волости было 4.182 чел., нетрудоспособных — 4.883 и полутрудоспособных — 611; последнюю группу ради упрощения дела, разобьем пополам между двумя первыми. На каждое хозяйство у нас придется: 2,4 чел. трудоспособных и 2,8 чел. нетрудоспособных. На одну семью в 5,3 приходится в сутки 13.531 калория (2.553 × 5,3) Если положить на одного нетрудоспособного 2.040 калорий (см. табл. 16), то на 2,8 чел. придется 5.712 калорий, а на долю каждого из трудоспособных останется 3.258 калорий в день. Итак, взрослый и трудоспособный крестьянин волости имел в 1920 году 3.258 калорий в сутки.

Центральное Статистическое Управление указывает, на основании своих вычислений, калорийную обеспеченность одного взрослого едока Тверской губ. в 1920 году в 3.372 калории — цифра, почти совпадающая с моей.

Сравнивая мою цифру (3.258 калорий) с соответствующими цифрами таблицы 24, мы видим, что питание волости в 1920 г. было в общем не хуже довоенного, известного нам по ряду специальных исследований.

---

[1] Ф. А. Щербина, ук. соч., стр. 167; Б. И. Словцов, ук. соч., стр. 23 и др.

[2] См. табл. 17. — Среднее, выведенное в этой таблице, мы считаем за научно установленную среднюю норму питания человека вообще; если мы взглянем на табл. 16 и сопоставим ее в рубрике «наименование» с табл 17 по той же рубрике, то увидим полное соответствие в «стариках» и «детях»; «мужчина трудосп.» приравнивается нами к «сильно работающему мужчине» (летняя очень сильная напряженность сглаживается небольшим об'емом зимней работы; в годовом же среднем мужской организм можно обозначить как «сильно работающий»); «женщина»—«умеренно раб. женщине», «подростки» — к «средне раб. организму»; последнее вполне правильное обозначение (для Кимрского и соседних уездов), так как в Горицкой волости мальчики пашут с 14-ти летнего возраста.

Как питалась волость после 1920 г.? Так как налоговой пресс (см. табл. 32) ослабевал постепенно, то думаю, что мои земляки питались не хуже, а лучше, нежели в 1920 году. После 1920 года наихудшим годом по питанию был, пожалуй, 1923 г., когда расхождение в ценах на продукты промышленности и сельского хозяйства достигло больших размеров (знаменитые «ножницы» осенью 1923 года) и крестьянству волости (как и всему остальному крестьянству страны) пришлось бросить на рынок особенно большое количество хлеба и скота, чтобы добыть необходимые предметы городской промышленности. Выбрасывание на рынок бóльшего против обычного количества хлеба и скота, конечно, ослабило продовольственную базу волости. В 1924 году, в связи с выравниванием цен на продукты сельского хозяйства и промышленности («ножницы» сжимаются), питание волости повернуло в сторону улучшения его.

Итоги.

В предыдущем своем изложении, в связи с теми вопросами, которые затрагивались мною, я осторожно сделал несколько возможных обобщений. В настоящей главе я попытаюсь все плюсы и минусы, которые получило население изучаемой мною волости за весь революционный период в сфере своей хозяйственной жизни, представить в денежных знаках. Ряд же следующих глав, большею частью таких же коротеньких, как и предыдущие, будет посвящен беглым очеркам разнородного быта советской деревни, наблюдаемого мною попутно при обследовании экономики моей родной волости.

Собирая и обрабатывая все те материалы, с которыми я столкнулся в процессе моей работы, я, по мере сил своих, старался быть строго об'ективным и, по моему мнению, добросовестно учел все те прибыли и убытки населения волости за революционный период, какие только можно было учесть и изобразить цифрой. Но прошу помнить: я учитывал цифрой лишь то, что ею можно учесть, оценивал рублем то, что рублем можно оценить. Имеется, конечно, в быте волости, в психике ее населения нечто такое, что никакой математикой не зацепишь. Вот, например, крестьяне говорят: «мы уже теперь не те, что были раньше». Какие они «не те», это тоже можно, понятно, попытаться изобразить, но уже не цифрой, не рублем—во всяком случае, пока что, не цифрой и не рублем.

Из предосторожности, чтобы ни в каком случае не преуменьшить материальных выгод крестьянства за описываемые годы, я сделал следующее:

1) Официальные сведения, полученные мною из разных источников (Губ. и Уездн. Статистическ. Бюро, волостной исполком) и взаимно выверенные, указывают в 1919 г. 36% недосева. Не имея возможности собственными наблюдениями проверить указанную цифру, но зная местные условия (36% недосева — бессмыслица для 1919 г.), я, по примеру 1918 г. (табл. 9), посчитал и для 1919 г. только 10% недосева, увеличив, таким образом, запашку 1919 г. сразу на 26%, что,

конечно, значительно уменьшило (так как валовой доход от земледелия поднялся) тяжесть обложения крестьянской земли в 1919 г. (табл. 32).

2) Для 1920 г. (на основании моих наблюдений) я исключил площадь недосева в 33% (табл. 9 и 19), что повело опять-таки к соответствующему уменьшению тяжести налогов на землю в 1920 г. (табл. 32).

3) Оперируя с урожайностью, следовало бы исходить из средних цифр, которые находятся вне зависимости от случайных явлений (недорода или исключительно хорошего урожая). Но я исходил из реальной урожайности и, если она для 1918 и 1919 годов была для волости близка к средней поуездной норме (табл. 2), я брал эту норму; как только в 1920, 1921 и в 1924 годах урожайность по волости значительно или хотя бы немного превысила общую среднюю поуездную норму, выведенную на основании долголетнего наблюдения над урожайностью, — все расчеты для 1920, 1921 и 1924 годов я вел, имея в виду высокую урожайность этих лет; когда урожайность за два предпоследних года упала (табл. 2), я учел этот факт.

Итак, что же рассказывают цифры? Выгодна или, наоборот, невыгодна для моих земляков, с точки зрения грубого, материального расчета, текущая революция за тот ее период, который уже отошел в прошлое? [1].

Развернем таблицу 29.

Мы видим, что левая часть таблицы содержит погодное исчисление прибыли населения волости, а правая — его убытков. Если внимательно прочесть примечания к указанной таблице, то станет совершенно ясно происхождение всех тех многочисленных цифр, которые фигурируют в таблице. Поэтому, снова пускаться здесь в об'яснения по поводу цифр таблицы 29 я не буду.

В параллель к отмеченному в начале главы подчеркну, что, отнюдь не желая преуменьшать выгод крестьянства за описываемые годы, я, в равной мере, не стремился затушевывать и потери населения за тот же изучаемый период и потому:

1) подсчитал потери от утраты отхожих промыслов (табл. 29);

2) показал убыток населения по вкладам в местной ссудо-сберегательной кассе, которых оно лишилось (табл. 29) и

3) точно (по возможности) оценил стоимость разнообразных взиманий, взысканных с населения за все эти годы.

---

[1] Прошу помнить, что речь идет не о всей стране, а только об одной волости.

Что же получилось по таблице 29 в результате наших бухгалтерских выкладок? Прибыль или убыток?

Убыток.

За весь семилетний период, за 1918—1924 годы, убыток этот определен мною суммою —

699.347 руб. 44 коп. (в довоенных деньгах).

Или средний убыток за каждый год —

99.906 руб. 78 коп.

На одно крестьянское хозяйство в год приходится в среднем —

54 руб. 27 коп.

А на одну душу в течение года падает —

11 руб. 04 коп.

Итак, несомненный убыток. Убыток, доказываемый, как говорится, с цифрами в руках.

Но был ли этот убыток, на самом деле, в реальной жизни?

Этот вопрос я должен был задать самому себе после того, как подвел свои цифровые итоги. Дело в том, что, наблюдая все эти годы свою волость, имея ее все время перед глазами, я, по совести говоря, не мог уловить в реальном крестьянском житье-бытье черт постепенного, упорного, переходящего из года в год обеднения. В городах процесс разорения жителей, особенно за время начальной стадии нашей революции, бил в глаза: горожане продавали свое «движимое и недвижимое» вплоть до самого необходимого. Мы это видели на каждом шагу ежедневно. Волость же наша успела за революцию очень и очень обстроиться (табл. 30 и 31), — а при наличии обеднения о новых постройках не думают; со скотом дело обстоит (табл. 33) даже несколько лучше, чем в дореволюционное время, — опять-таки, когда крестьянин разоряется, то он ведет корову со двора, а не во двор и т. д.

В чем же дело? По цифрам убыток, а на поверку выходит, что его вроде как и нет?!

Об'яснение простое. Я точно знаю — знаю, потому что сам вижу, знаю со слов, из откровенных рассказов моих земляков, что продажа хлеба в первое время (так до осени 1922 года) по сравнительно высоким ценам (сравнительно с ценою городской продукции), а когда хлеб сдешевел, то широкое производство самогонки (дешевый хлеб и картофель превращаются в дорогой продукт), массовое, хищническое истребление леса на продажу [1], — все это, за весь революционный период, составило значительную по сумме доходную статью. Но какой именно цифрой выразить этот доход, этого

[1] О самогонке и лесе см. ниже—в бытовых очерках.

я не знаю: по характеру своему доходы эти — доходы особого рода и учесть их, словить в сеть цифр совершенно невозможно. Вот эти-то доходы, несомненно, снимают значительную часть дефицита по волости, а может быть, и совсем его покрывают. Так что, в конце концов, можно констатировать, что, при общем подытоживании всего минувшего революционного периода, принимая во внимание и доходы, которые, в силу особых обстоятельств, учесть невозможно, крестьянство материально от революции не проиграло[1].

Само собою разумеется, что доходы от ворованного леса, от противозаконного производства самогонки и от спекулятивной продажи продуктов сельского хозяйства не могут считаться нормальными средствами (с моральной стороны я не обсуждаю совсем этих доходов) для поддержания, а тем более для под'ема, крестьянского хозяйства. Поэтому-то, в предыдущем изложении, я и высказываю некоторые мысли о мерах для урегулирования вопроса о крестьянском хозяйстве. Теперь, по моему мнению, подошло время, когда крестьянское хозяйство всем своим состоянием, молчаливо, но внушительно заявляет революционному правительству требование о революционизировании основ и главных взаимоотношений в пределах хозяйственной жизни деревни. Деревня ждет...

В заключение главы отмечу следующее, что непременно и твердо надо запомнить: подсчитывая убытки населения волости за революционный период, я отправлялся от условий мирного времени; но между революционной эпохой и «добрым, старым временем» стоят необычайно жестокие для народного хозяйства годы — годы тяжелой, разорительной для страны войны. И эти годы, конечно, придавили хозяйство деревни тяжелой стопою — трудно предполагать, чтобы это положение могло кем-либо оспариваться. Следовательно, и моя родная волость, переступая за порог революции, имела за спиною черную тень отрицательных для ее хозяйства последствий войны. И вот, приняв в соображение только что сказанное, мне и думается, что моим землякам революция помогла ликвидировать черную тень империалистической войны.

---

[1] Я совсем не считал в прибылях волости 8.482 десятины земли частных владельцев не-крестьян (о ней мы мельком упоминали в главе о земледелии), которые отчасти вошли в пользование крестьян (сенокосы и некоторая площадь лесов), а отчасти нет (состоят в государств. фонде). Не считал этой крупной прибыли потому, что весь этот фонд очень текуч, все время его составные части (как у крестьян, так и у государства) меняются, и точных цифр для выражения составных частей нет.

Торговля, кооперация и промыслы.

Горицкая волость — один из 35 торговых районов губернии [1]. В мирное время в Горицах восемь раз в год бывала ярмарка с годовым оборотом в один миллион рублей. На этих базарах приезжими купцами скупались продукты сельского хозяйства, вывозимые населением Горицкой волости из ближайших местностей в количестве: ржи и ржаной муки до 3.500 пуд., овса—5.000, льняного семени—5.000, льняного волокна — 85.000, масла льняного — 300, масла коровьего — 1.000, яиц — 500.000 штук, грибов белых — 150 пуд., обуви кожаной и валяной — 2.500 пар, овчин — 2.000 штук, колес— 100 скатов, дровней — 2.000 штук и т. д. Самой крупной статьей базарной торговли, как видно, являлся лен [2].

В селе Горицах было десятка полтора лавок, пять-шесть трактиров «с крепкими напитками», пивная, частная аптека и даже вездесущее агентство «компании Зингер». Была и лавка Горицкого потребительского общества.

Торговали горицкие купцы вплоть до периода «национализации» торговли. В результате «национализации» осталось у нас два торговых заведения: трактир «от совета», где проезжие могли получать кипяток («советские чаи»: морковь, цикорий и пр. появились позже) и лавка об-ва потребителей, где в 1919 и 1920 г.г. отпускались населению волости разные товары по твердым ценам (табл. 28).

Вся та торговлишка, которая на территории волости все-таки велась и в период самой свирепой национализации, ушла, если можно к ней применить этот термин, в подполье, т.-е. перешла на нелегальное положение.

В эпоху военного коммунизма торговали хлебом и топленым маслом — это были главные статьи. Возили эти продукты и за 75 в. — в Тверь, и за 45 в. — в Кимры и

---

[1] Такое обозначение имеется на новейшей карте губернии, исполненной под редакцией Г. Т. Милова.

[2] «Статистическо-эконом. обследование грунт. дорог Тверской губ.», вып. VIII, стр. 18. Указанные продукты доставлял на базары весь торговый район, тяготевший к Горицам, а не одна волость.

в Корчеву: продавали и в самой волости несчастным голодным горожанам, приезжавшим и пешком приходившим за продуктами. Нелегальная торговля велась в обстановке военного характера: в различных пунктах волости были разбросаны засады из чинов милиции и красноармейцев. Попадешься — все отберут. На почве подобного «отбирания» было много злоупотреблений: продукты чаще присваивались членами заградительных отрядов и только изредка сдавались в исполком[1]. Из боязни быть привлеченным к ответственности за спекуляцию, никто из подвергнувшихся такой своеобразной реквизиции не рисковал, конечно, жаловаться на злоупотребления отрядов. Если злоупотребления и открывались, то открывались случайно. Провезти из волости в Тверь пуда два ржи, меры две-три картошки и фунтов десять масла было подвигом, о котором потом рассказывалось с гордостью. Некоторые ловкие люди, не боявшиеся рискованных приключений или же умевшие «ладить» с начальством, здорово разжились за эти времена. Но таких ловких людей было не так уж много. Другие же горе-спекулянты, которые обменивали свои произведения на необходимые для них продукты города, порядочно, вдоволь надрожались за эти времена. Ныне, в долгие зимние вечера, много занимательных и трагических историй рассказывается из этой героической эпохи.

Если мы возьмем наше единое потребительское общество, то до октября 1922 года оно ничем не выявляло свою активность и инициативу в коммерческой области. До осени 1922 года оно было только распределительным органом государства, и его служащие получали жалованье из государственного кошелька (6 человек, общее их содержание за год, в переводе на хлеб, 50 пудов). С конца 1922 года начинают развиваться торговые обороты общества — закупается товаров на 15 миллионов руб. (дензнаки 1922 года); из них на 10 продается.

С 1923 года Горицкое потребобщество встает уже на твердую коммерческую ногу — обороты по лавке общества:

За 1923 год	48.177 руб. 55 коп. золот.	
„ 1924 „	102.794 „ 75 „ „	

Мало-по-малу общество начинает обрастать отдельными предприятиями: открывается отделение лавки (в с. Русилове),

[1] О подобных отрядах А. Гурвич писал в «Известиях» ВЦИК-а (от 31 декабря 1918 г., № 288): «Работали эти отряды как попало, руководством их действий служило единоличное желание их начальников. Подавляющее большинство этих отрядов состояло из самого неблагонадежного и темного элемента».

бараночная (в Горицах, с августа 1923 г.), чайная (в Горицах, с марта 1924 г.), булочная (в Горицах, с сентября 1924 г.); намечается открытие мануфактурного магазина и еще двух отделений лавки (в Быкове и Сутоках).

С октября 1923 года общество открыло кредитный отдел для кредитования населения, из 18% годовых, на покрытие тех или иных сельско-хозяйственных нужд крестьян. Деятельность отдела выразилась в следующих цифрах (кредитовали на срок не свыше одного года):

С 1 октября 1923 г. по 1 Октября 1924 года

Заявлений о выдаче ссуд подано	296	на сумму	17.566 р.
„ „ „ „ удовлетворено	166	„ „	8.207 „

Интересно познакомиться с числом членов общества, начиная с 1916 г., когда оно было впервые в Горицах организовано:

В 1916 году было членов	589 человек
„ 1917 „ „ „	695 „
„ 1918—1922 поголовное членство населения волости в принудительном порядке.	
„ 1922 году было членов	54 чел.
„ 1923 „ „ „	197 „
„ 1924 „ „ „	446 „

Помимо потребобщества в Горицах, с сентября 1921 года, организовалось кредитное сельско-хозяйственное товарищество, главные операции которого сводятся к закупке у населения льняного волокна и в снабжении крестьян сельско-хозяйственным инвентарем; с 1923 года т-во начало выдавать семенную ссуду.

Товарищество об'единяло:

В 1921 году	134 члена
„ 1922 „	566 „
„ 1923 „	566 „
„ 1924 „	616 „

Следует заметить, что и в потребобществе и в товариществе члены почти одни и те же лица.

Любопытное обследование экономического положения своих членов произведено товариществом за 1924 год:

а) % членов по количеству пашни [1]:

[1] Здесь имеется в виду именно вся пашня, а не один посев.

а) % членов по количеству пашни:

до 1 десятины на хозяйство	4,4 %
„ 2 „	10,1 „
„ 3 „	21,7 „
„ 4 „	26,0 „
„ 5 „	17,4 „
„ 6 „	9,0 „
„ 7 „	3,7 „
свыше 7 „	3,6 „
сведений нет	4,1 „
	100 %

б) % членов по количеству рабочего скота:

безлошадных	9 %
с 1 лошад.	84 „
„ 2 „	2,5 „
свыше 2 лош.	0,3 „
сведений нет	4,2 „
	100 %

в) % членов по количеству крупного скота:

без скота	1 %
с 1 голов.	42,2 „
„ 2 „	45,0 „
„ 3 „	5,7 „
свыше 3 „	1,9 „
сведений нет	4,2 „
	100 %

Таким образом мы видим, что кооперация в пределах нашей волости опирается главным образом на середняцкие слои населения. Это вполне естественно, так как Горицкую волость, вообще, можно назвать середняцкой волостью—бедняцких и зажиточных хозяйств у нас сравнительно немного.

Льняного волокна т-во заготовляет до 1.500 пуд. в год. В 1923 году прибыль т-ва выражалась в сумме 1.162 рубля, а в 1924 году она почти удвоилась.

Идея электрификации проникла и в нашу волость. Как раз товарищество загорелось мыслью, использовав энергию воды р. Медведицы, электрифицировать мельницу и дать свет 27 селениям. Привезли инженера из Москвы, составили смету — надо не меньше 100.000 руб. Так как с кредитом сейчас дело обстоит туго, а с населения больших денег тоже не соберешь, то порешили пока что от подачи световой энергии отказаться, а установить на Медведице турбину, при помощи которой и молоть зерно. Это предприятие обойдется тысяч

в 15. Как только немного разбогатеем, то заставим турбину давать и электросвет — эта нагрузка технической сметой предусмотрена. В начале марта 1925 г. представитель товарищества поехал в Москву договариваться с Электростроем об окончательной смете.

Населения в волости в 1924 году было свыше 12.000 человек, а об'единено в кооперацию из них только 600 человек или 5%. Если взять только одно трудоспособное население (мужчин и женщин), которого всего 5.814 чел., то получим кооперированных 10% (действительно, в члены кооперативных об'единений записываются только взрослые и трудоспособные). Если предположим (а это почти совпадает с настоящим положением дела), что в кооперацию записывается не больше одного человека от каждого отдельного хозяйства — хозяйств же в волости в 1924 году было 2.400, — то мы будем иметь около 25% хозяйств, втянутых в кооперацию. Цифра сносная.

Дело с кооперированием населения пойдет, конечно, гораздо успешнее, когда будут изжиты некоторые минусы в деле кооперации, минусы как общего, так и чисто местного характера. Упомянем о некоторых из них.

Кооперативные верхи все еще не научились дешево покупать товары и поэтому низовая кооперация продает их дорого — почти по такой же цене, как и частный торговец (некоторые товары дешевле у частных торговцев, другие — дешевле в кооперации). Если иногда верхи и приобретают товары за недорогую цену, то накладные расходы увеличивают эту цену в несколько раз. Верхи часто присылают в деревню совсем неподходящие товары: напр., в Горицы были присланы шпингалеты к рамам такого размера, которые идут только в городе при наличии там больших окон. Эти шпингалеты не единственный пример неудачного подбора товаров. Думается, что такому разгильдяйству пора положить конец. Верхи почти не предоставляют кредита низам. Если иногда и дается кредит, то на одну — две недели, много — на месяц. Товар приходится больше покупать за наличный расчет, а так как наличных средств мало, то не приходится иметь запаса товаров — продал и перебой в торговле, надо ждать нового подвоза.

Так как резкой, бьющей в глаза разницы в ценах на товары между кооперативной и частными лавками нет, то население волости относится к деятельности кооперации довольно прохладно.

Крестьяне, когда речь заходит об увеличении членских взносов, говорят:

— Все с нас, да с нас. И на школу давай, и на «каперацию» давай...

На общих собраниях бывает незначительное меньшинство членов, при чем собравшиеся занимаются отнюдь не деловой критикой ведения дела правлением, а разного рода пересудами.

Разговорился я как-то с одним толковым крестьянином про местную кооперацию. Он указал мне ряд из'янов в постановке дела.

Спрашиваю его:

— Что же, на общем собрании вы отметили все это?

— Нет, конечно.

— Почему?

— Очень просто почему. Я, как и некоторые другие крестьяне, работаю на нашу кооперацию — вожу товар из города. Платят ничего, хорошо. Если будешь критику наводить, могут работы не дать. А нам без заработка нельзя. У нас и члены ревизионной комиссии товар возят, деньги зарабатывают. Ну какие же они ревизоры после этого. Просто — зависимые люди...

Но все же общее впечатление от работы горицкой кооперации благоприятное. Дело, видимо, ладится...

Когда в стране стали появляться тресты, эта новинка завелась и у нас, в Горицах. В конце 1922 и в начале 1923 г. сразу, словно из-под земли, вырастают в селе целых 4 «треста». Настоящих трестов, конечно, не было, а были самые обыкновенные деревенские лавочки, некоторые из них принадлежали одному лицу, другие — группе лиц, но эти лавочки все называли по модному — «трестами». Скоро половина этих «трестов» лопнула.

Во всяком случае, нэп, возвещенный в Советской России весною 1921 года, у нас в волости, в смысле открытия лавок, трактиров и пр., начал развертываться только в 1923 году.

В 1924 году в Горицах все же продолжали существовать две частных лавки. Причины, позволяющие торговцам конкурировать с кооперацией, несмотря на сравнительно большое обложение их, сводятся, по моему мнению, к следующим:

а) лучше смотрят за делом («свой глаз — алмаз, а чужой — стеклышко»);

б) аппарат меньше и поэтому накладные расходы небольшие;

в) пользуются более широким кредитом у оптовиков, нежели низовая кооперация у своих верхов;

г) отпускают населению товары в кредит, чего кооперация почти не делает (только в совершенно исключительных случаях);

д) держат наиболее ходкий товар и

е) некоторые из зажиточных крестьян ссужают торговцев деньгами, при чем в качестве процентов торговцы оказывают своим банкирам разного рода услуги в городе, куда они часто ездят за товаром (в г. Тверь — 75 верст от Гориц).

Любопытна для характеристики легальной торговли статистика почты. Известно, что рекламы, образчики товаров, проспекты и т. д. посылались обычно бандеролью — и бандеролей волость получила:

в 1913 году	1728
„ 1918 „	1092
„ 1920 „	63
„ 1922 „	нет
„ 1923 „	106

Торговые центры с 1923 г. уже нащупывают волость как район сбыта своих товаров и шлют нам свои рекламы, возвещающие о возобновлении той или иной фирмою «своей прежней деятельности».

Но с провозглашением нэпа нелегальная торговля в волости не умерла. И теперь и в 1922 году «потихоньку» от властей торгуют лесом (бревна, тес) и самогонкой. В материальном отношении это очень важные статьи торговли. Благодаря, напр., самогонке, многие, как говорится, «поправились».

Что касается современных местных промыслов, то, помимо земледелия, в волости три деревни, расположенные на островах, среди озер, занимаются, как основным промыслом, рыболовством; в шести деревнях развит летний отхожий промысел — пастушничество. В мирное время лишний элемент населения рассеивался по фабрикам и заводам Москвы и Ленинграда. Часть основного мужского населения весною и осенью обычно уходила плотничать по соседним волостям. Были еще валяла — валеные сапоги валяли, дубильщики и пр. Работали водяная и ветряная мельницы.

Теперь, в начале 1925 года, все эти промысла, обслуживающие деревенские нужды, продолжают существовать. Некоторые из них, по условиям момента, переходили за истекшие годы на положение нелегальных промыслов: напр., одно время у нас было запрещено дубление овчин (не знаю почему), но так как полушубки шить крестьянам надо, то (спрос родит предложение) дубление совершалось нелегально.

Любопытна история с нашими мельницами и с помолом вообще. В период национализации горицкой «промышлен-

ности и торговли» были национализированы и мельницы. Бывшие владельцы их продолжали работать на мельницах, но уже в качестве «спецов», на жалованьи. Помольщики же должны были платить казне с каждого пуда зерна, привезенного на мельницу, 4 фунта [1]. Многие крестьяне находили для себя невыгодным молоть хлеб на мельнице и мололи его дома, в ручные жернова (очень трудная работа). Но потом, вдруг, потребовали у всех пред'явления квитанций об уплате помольного сбора — ручным жерновам была об'явлена война. По толкованию местной власти выходило, что мелешь ты на казенной мельнице свой хлеб или нет, а четырехфунтовку все-таки подай. И многие заплатили, хотя многие и увернулись. С 1921 года мельницы были сданы в аренду (их же прежним владельцам), и за помол стали брать по 3 ф. с пуда (экономия для волости за 1921 год, например, свыше чем в 4.500 пудов).

В 1924 г. в Горицах открылась паровая мельница. Ее хозяева — два брата, из которых один бывший горицкий врач, оказавшийся больше на своем месте в качестве мельника, нежели врача — в больнице.

За последние два года мужское население волости стало было уходить на сторону (см. табл. 15), но за 1923—1924 года некоторые из ушедших вернулись обратно — устроились было, да «сократили». Значит, опять в деревню.

Вот как обстоит у нас дело с торговлей, кооперацией и с промыслами...

---

[1] См. «Сборник декретов и распоряжений правительства по продовольств. делу», кн. 4, стр. 258 — циркуляр Наркомпрода за № 29.

Первые этапы революции.

В то время как в Петрограде, в конце февраля 1917 года, грянул первый удар революционного грома, возвестивший начало длинной вереницы действительно величайших не только в русской, но и в мировой истории событий; когда в Петрограде царские министры, вчерашние властители страны, свозились на грузовых автомобилях в Таврический дворец; когда улицы и площади столицы захлестывали волны радостно манифестирующего народа, — любопытно, что происходило в это же самое время в нашем глухом провинциальном углу, лежащем в полусотне верст от ближайшей железнодорожной станции?

Около первого марта среди населения волости прошел слух, что и в Питере и в Москве «бунтуют». Но дня через два, не зная толком, как развертываются события в столицах, деревня говорила уже не о бунте, а определенно — о революции. Из уст в уста, словно пароль, передавалась одна короткая фраза:

— Революция пришла...

Само слово «революция», такое неспокойное, манящее и обещающее, будоражило население, как-то наэлектризовывало его.

Новая серия известий рассказывала уже не о Москве и Петрограде, а о ближайших к нам пунктах — о Твери и о Корчеве (уездный город):

— В Твери убит губернатор фон-Бюнтинг...

— В Корчеве сменили старую власть...

6 марта в Горицах, впервые после 1906 года, задорно затрепыхался над толпою крестьян красный флаг. Собравшаяся толпа жаждала деятельности. Выкрикивались предложения:

— Арестовать старшину...

— Выбрать новую волостную власть...

— Братцы, споем, как пели в шестом году...

Последнее предложение встретило самое горячее сочувствие. Решили сейчас же спеть «про марсельезу». Но вы-

шла остановка — никто не знал ни слов, ни мотива революционной песни. Дело в том, что молодежь и средний возраст, живавшие на фабриках и заводах и привозившие оттуда в деревню, вместе с новыми идеями, и песни о свободе, все они были мобилизованы. Однако, случай выручил:

— Вон идет о. Виталий. Спросим у него.

Отец Виталий (его уже теперь нет в волости), молодой священник, недавно оставивший семинарскую скамью, был человеком либерального настроения, что, конечно, знали крестьяне — поэтому-то они и обратились к нему.

— Ну, отец Виталий, уважь: запой нам «про марсельезу».

— Ишь вы чего просите. А подтягивать будете?

— Уж постараемся как-нибудь. Запевай!

В это время к толпе подошли кое-кто из учителей и разная другая сельская публика. Марсельеза, которую затянул священник, была подхвачена еще десятком человек, знавших ее. Толпа же без слов гудела, как пришлось, мотив. А так как настроение у всех было праздничное, то и марсельеза вышла великолепной — недовольных ею не было.

Арестовать старшину не пришлось — он куда-то исчез. Выбирать новую власть пока не стали — послали делегатов в уезд с наказом точно узнать про «все дела» и возвращаться скорее.

Делегаты вернулись через сутки с небольшим и оповестили всех, чтобы на 10 марта собирались в Горицы — приедет оратор из уезда и все расскажет.

10 марта в селе собралось народу столько, сколько не бывало даже в самые большие ярмарки. Представитель из уездного города действительно прибыл, оповестил собравшихся о том, что произошло в стране за две последних недели, выяснил, как мог, смысл революционных событий и предложил от имени уездного временного исполнительного комитета избрать таковой же комитет для волости.

К 15 марта был избран на волостном сходе исполнительный комитет, а председателем его выбрали священника, запевавшего марсельезу. Кроме священника, в комитете были: учитель из местных крестьян и еще девять человек — в большинстве своем крестьяне-середняки и человека два из более зажиточных.

Старшина, который уже к этому времени появился в волости, но арестован не был, так как горячая минута прошла, сдал комитету дела бывшего волостного правления.

Деятельность исполнительного комитета выразилась, кроме повседневной текущей работы, в сборе хлеба и денег на нужды войны (свыше 1.000 пуд. хлеба и около 800 р. деньгами), в не-

котором пополнении волостной библиотеки и в организации выборов, на основании изданного временным правительством закона [1], в волостное земство.

Волостное земство окончательно сконструировалось к 30 сентября 1917 года, когда и приняло все дела от временного волостного исполнительного комитета.

Председателем волостной управы был один из крестьян, входивших в состав исполнит. комитета. Через год этот человек сделался коммунистом, а в 1921 г. он был исключен из партии. Два других члена управы принадлежали к крестьянам-середнякам.

Формально волостное земство существовало у нас до 12 января 1918 г., когда состоялось последнее очередное собрание горицкого земства, постановившее, по заслушании доклада своего председателя о положении дел в губернии: «поручить местной волостной управе немедленно организовать местный совет крестьянских депутатов и выбранному последним, исполнительному комитету, совместно с ревизионной комиссией, сдать все имущество и все дела волостного земства» (цитата из протокола).

Фактически же уже с ноября — декабря 1917 года наши земцы были бессильны и в отношении ведения работы и в смысле проявления своей власти. Руководящее значение в волости приобрели группы, сочувствующие большевикам.

Если с марта крестьянство волости шло за социалистами-революционерами — одни более или менее сознательно, а другие просто зачарованные словами «земля и воля», то с ноября—декабря, когда деревня стала довольно густо насыщаться солдатами из фронтовых и тыловых частей, принесших с собою лозунг «долой войну», — симпатии подавляющего большинства населения волости, которое не видело никакого смысла в войне, устало терять своих близких, жаждало свидания с оторванными военными событиями членами своих семей и, наконец, мечтало о том, чтобы поправить при помощи рук, занятых войною, развалившееся хозяйство, — симпатии всего этого населения были на стороне большевиков, бросивших этот лозунг «долой войну».

Сторонники большевиков стали собирать волостные собрания, которые, в сущности, и решали всякого рода вопросы, выдвигаемые жизнью. Земство же осталось в стороне, вне всякой связи с населением волости. В волостной земской управе шла лишь номинальная, бумажная работа: подготовлялись,

[1] Временн. полож. о волостн. земстве было утверждено правительством 21 мая 1917 г.

по поручению уездной земской управы, разного рода доклады, в проведение которых в жизнь мало кто верил.

Еще до ликвидации волостного земства состоялись выборы в Учредительное Собрание. По губернии у нас было целых восемь списков, но в центре борьбы было только два списка: общий список социал-революц. и губернского крестьянского с'езда (с'езд был в октябре 1917 г., до переворота) — № 3 и список большевиков — № 5. От всей Тверской губернии прошли в Учред. Собрание 3 соц.-рев. и 5 большевиков (совпадение с нумерацией списков!) — девятое место осталось вакантным, так как никакой список не имел необходимого числа голосов для получения целого места. У нас в волости соотношение поданных голосов было приблизительно таким же, как и в губернии: ⅜ за с.-р. и ⅝ за большевиков.

12 января 1918 г., как я уже сказал, волостное земство перестало существовать [2].

В январе же сорганизовался совет крестьянских депутатов, который, в лице Исполнит. Комитета, и принял 3 февраля все дела от волостной земской управы.

Председателем первого Исполнительного Комитета совета крестьянских депутатов был избран крестьянин-середняк, впоследствии, в 1919 г., принявший участие в дезертирском восстании, которое у нас было. Один из четырех членов скоро вступил в партию большевиков и в настоящее время он работает в Твери.

Исполком, помимо обыденной работы, свое главное внимание до осени 1918 года уделял двум вопросам: борьбе со спекуляцией торговцев и взиманию одновременного чрезвычайного налога с торговцев и спекулянтов (так называемая «контрибуция»).

К решению первого вопроса подходили довольно осторожно. Была создана специальная комиссия из 25 лиц, куда вошли представители от всех сельских обществ волости. Этой комиссии поручено было выяснить наличность мануфактурных товаров у всех торговцев волости и выработать определенные цены на эти товары. Комиссия выполнила свое задание, определив, что торговцы могут набавлять на свои товары 15% свыше тех цен, которые указаны в счете на товары. Но скоро оказалось, что некоторые торговцы спрятали часть своих запасов от учета комиссии; другие стали представлять фальшивые счета на товары, и, таким образом, регулирование цен не было достигнуто. Укрытые запасы были обнаружены во

---

[2] Корчевская уездн. земск. управа прекратила свое существование в конце января 1918 г., а губернск. управа—в марте 1918 г.

время обысков, дутые счета расшифрованы путем справок у оптовиков, и, в результате, у одних торговцев товар был отобран безвозмедно, а у других — с выплатою за него по твердым ценам.

Так была национализирована (и реквизирована) торговля нашей волости.

Кого обложить «контрибуцией» и на какую сумму — этим вопросом тоже занималась специальная комиссия. Был составлен список всех наших волостных «буржуев» — их, считая торговцев и очень зажиточных крестьян кулацкого типа, оказалось 50 человек. Максимум обложения был 15.000 руб., а минимум 100 р.[1]. Но действительно удалось собрать с каждого отдельного «буржуя» максимум 6.000 руб., а минимум—100 р. Общая сумма сбора — 45.770 руб. (намечено же было 97.800 руб.), при чем около 10.000 руб. было потрачено на суточные отряду красной гвардии, при помощи которой собирали «контрибуцию» — от добровольной уплаты «буржуи» отвиливали.

Во второй половине 1918 г. снова собирали «контрибуцию», при чем к выплате ее было привлечено, кроме торговцев и кулаков, и зажиточное крестьянство. К концу года собрали свыше 900.000 рублей.

С 1919 года работа волисполкома уже протекала более или менее нормально, если не считать восстания дезертиров, о котором я мимоходом уже упомянул и которое тоже составляло небольшой «этап» для нашей волости.

Как известно, в 1919 году по стране прокатилась волна больших и маленьких дезертирских восстаний. Подобное восстание «маленького» типа было и в Горицкой волости. Разразилось оно в начале июля месяца (по нов. ст.).

К июню в волости накопилось около 500 человек дезертиров, т.-е., в среднем, на каждую деревню приходилось по шести дезертиров. Уездный военный комиссар предложил дезертирам явиться в село, чтобы просто «зарегистрироваться», обещав им недельный срок для добровольной явки. К сожалению, комиссар не сдержал своего обещания и сделал неудачную попытку арестовать явившихся.

После от'езда комиссара с небольшим числом задержанных дезертиров, оставшиеся дезертиры, решив, повидимому, что «семь бед — один ответ», попытались «взять власть в свои руки». Главари, связавшись с двумя соседними волостями,

[1] «Контрибуция» собиралась до конца июня 1918 г. Стоимость хлеба (пуд ржи) в 1918 г. была 350 р. — средняя годовая цена. Но, чтобы судить о реальном размере «контрибуции», надо взять цену за первое полугодие, т.-е. 150 руб. за пуд.

об'явили мобилизацию не только всех дезертиров, но и всех демобилизованных до 43 лет. Правда, последние на мобилизацию не откликнулись, а значительная часть дезертиров, убедившись, что заваривается недобрая каша, быстро попряталась по лесам, будучи, таким образом, вдвойне дезертирами, так как дезертировали и от дезертирской мобилизации. Из тех, кто не успел скрыться, была составлена команда, на обязанности которой лежало «сразиться», если это понадобится.

Состоялись выборы нового волисполкома. Председателем этого исполкома был избран бывший горицкий лавочник-мануфактурщик, владелец одного из десятка каменных домов в селе — И. В. Шохин, ныне уже покойный.

Через два-три дня дезертирская республика была упразднена прибывшим отрядом красноармейцев человек в 35. Во время обстрела села двое было убито — не из числа дезертиров, а случайные люди. Руководители восстания, в числе пяти человек, были арестованы, и двое из них, по приговору губчеки, расстреляны. Больше никто не пострадал. Новый председатель, избранный с нарушением ст. 64 конституции (нетрудовой элемент), был исключен из числа членов исполкома, но никаким репрессиям не подвергся.

Во время дезертирского восстания я жил в пределах волости и все, что я описываю, все это происходило на моих глазах.

В дальнейшем никаких особых «заворошек» в нашей волости не было. Дело шло приблизительно так, как оно складывалось и в сотнях других волостей Тверской губернии, территория которой, как известно, не служила ни театром военных столкновений с белогвардейцами, ни ареной для каких-либо иных бедствий, вроде голода в Поволжье и пр.

Вот наши первые революционные (а также и контр-революционные) этапы.

Управление волостью.

Во главе управления волостью до февральской революции стояло волостное правление, возглавляемое старшиною. Старшину, хозяина волости, имевшего право даже сажать своих земляков в административном порядке под арест, выбирал для волости земский начальник из числа тех двух кандидатов, которых намечал на эту должность волостной сход— сход всех домохозяев волости. По примеру своей волости я знаю, что в старшины всегда попадали крестьяне из числа самых зажиточных в волости. Если иногда на сходе замечалась тенденция наметить кандидата не из богатых, а из наиболее достойных, то деревенская верхушка знала, как запугать сход:

— Его выбрать хотите? Он умен, хаять нельзя. Да вот беда, — малосостоятелен. А если он растратит волостные-то суммы, с него, ведь, взятки гладки — за него всей волостью недостачу пополнять надо! . .

Этот аргумент всегда действовал самым убедительным образом, и старшиною становился тот, кого выдвигали богатеи.

Правой рукою старшины было наемное лицо — волостной писарь. Так как волостное правление должно было вести немало разного рода книг, то значение волостного писаря, обычно человека компетентного в делопроизводстве, сильно чувствовалось в управлении волостью [1].

Волость распадалась на сельские общества, во главе которых стояли сельские старосты, ответственные перед сходами сельских обществ, их избиравших. Наша волость делилась на 13 обществ, а каждое из них об'единяло по несколько соседних деревень. На обязанности старост лежало собирать оброк и иные сборы, осведомлять свое общество о распоряжениях начальства и волостного правления, касающихся крестьян и пр.

---

[1] Сравни: С М. Блеклов, «Крестьянское общественное управление» (т. 5 «История России в XIX в.» изд. бр. Гранат) и Свод Зак. Росс. Имп., т. II—общее учрежд. губерн. и т. IX—законы о состояниях.

Каждая отдельная деревня имела своего десятского, должность которого исправлялась поочередно всеми домохозяевами данного селения. Десятский созывал по мере надобности деревенский сход для обсуждения разного рода мирских дел (наем пастуха, дележка сенокоса, починка дороги и пр.), водил, по поручению правления, арестованных в город и т. д.

Такой, в коротких словах, была конструкция административного самоуправления волости.

Но это самоуправление в сущности говоря было простой фикцией. По положению от 12 июля 1889 года, действовавшему до самой революции, действительным и полновластным господином волости был земский начальник. «О крестьянском самоуправлении земский начальник с полным основанием может сказать: самоуправление — это я»: такой внушительной рисовал эту фигуру в свое время В. М. Гессен[1]. Земскому начальнику принадлежала широкая административная и судебная власть и даже, по ст. 39 положен. о земск. нач., на него было возложено попечение о нравственном преуспеянии крестьян.

Февральская революция «порешила» в волости «старый порядок». Вместо волостного правления появился временный исполнительный комитет, а сельские старосты были переименованы в комиссаров. В нашей волости, по моим наблюдениям, февральская революция дала власть интеллигентско-середняцкому, а отчасти зажиточному (но богатеи уже отошли в сторону) элементу.

Затем, осенью 1917 года, в период агонии временного правительства, появилось на свет божий хилое волостное земство. Хилым я его называю потому, что судьба его была печальной: оно погибло, не успевши расцвесть.

Выборы волостного земства протекали вяло, без интереса к ним, так как деревня стояла уже в преддверии Октябрьского переворота — ходили слухи об июльском восстании большевиков в Петрограде, жаждали скорейшего мира и пр. Настроения деревни были таковы, что волостное земство не жило, а влачило свое существование. И это жалкое существование продолжалось около 4 месяцев — до января 1918 года.

С января стал функционировать волостной совет крестьянских и рабочих депутатов во главе с исполнительным комитетом.

---

[1] Его статья: «Основы правопорядка» (см. т. I сбор. «Нужды деревни» и пр., 1904 г., стр. 53).

Главные законоположения, обрисовывающие строй волости после октябрьского переворота как с общественной, так и с государственной стороны распубликованы в ряде статей «Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» [1]. При ознакомлении со всеми подлежащими законоположениями выявляется следующее: 1) нормирование общественно-государственной роли волостных советов шло по направлению от провозглашения самой широкой автономии в вопросах местного характера («власть на местах») к обращению волостных советов в служебно-исполнительный орган центральной власти [2]; 2) включение в сферу принудительного отчуждения (до 1922 года) все бóльшего количества и все в бóльшем разнообразии продуктов сельского хозяйства и труда населения волости (см. табл. 25) усложняло внутреннюю структуру волостного исполкома: так, в 1918 г. волостной исполком состоял из трех членов, которым помогало еще трое служащих (в каждой деревне был организован комитет бедноты); в 1919 г. — всех технических сил с членами исполкома было уже 20 человек (в каждой деревне — сельский совет с председателем); в 1920 г. — 25 чел. [3], причем отделов в исполкоме было 12: административный, продовольственный, земельный, народного образования, социального обеспечения, труда, по борьбе с дезертирством, военный комиссариат, бухгалтерия, гражданский стол, налоговой подотдел и подотдел по оказанию помощи семьям красноармейцев (на местах); 16 сельских советов, об'единяющих каждый до 1.000 человек населения, со своими исполкомами—из председателя, его товарища и секретаря [4]; затем, с упрощением налоговой системы, с исчезновением дезертирства, с ликвидацией гражданской войны и пр., начинается и упрощение конструкции волисполкома — сокращаются штаты и отделы: в 1923 году, вместе с членами исполкома, у нас в исполкоме работает всего 8 человек; то же и в 1924 г.

В 1924 году в законодательстве о вик'ах замечается новая тенденция — придать только что названному органу, помимо

---

[1] За 1918 г. «Собрание узаконений» № 12, ст. 179—об организ местн. самоуправл.; № 43, ст. 524—об орган. деревенск. бедноты; № 51, ст. 582—конституция РСФСР; № 86, ст. 901 — порядок перевыборов волостных и сельских советов; за 1920 г.: № 11, ст. 68—положение о сельских советах; № 20, ст. 108—положение об исполн. вол. комитетах и т. д.

[2] Особенно ярок был последний лейтмотив в законоположениях о волости от 1920 года.

[3] В 1920 году всего советских служащих в нашей волости было, считая больницу, почтов. отделение и пр., до 120 чел.

[4] Местные выборные содержатся населением вскладчину; служащие исполкома получают жалованье от правительства.

административно-исполнительных функций, хозяйственные и социально-культурные (законоположение от 16 октября 1924 г.). Это особенно важно для вик'а, а возможным осуществить такое мероприятие станет при проведении твердого волостного бюджета, когда в распоряжении вик'а будут определенные суммы, заранее известные по своему об'ему и назначению. Как все это будет на самом деле, покажет, повидимому, нынешний 1925 год.

Любопытно знать, кто же по своему социальному положению и политическим симпатиям руководил нашей волостью в течение всех этих шести лет?

Подробный ответ (погодные цифры) дает моя 35-ая таблица. Из нее мы усматриваем, подводя итог за весь период, что коренных крестьян в составе исполкома было только 31% всего состава, из сохранивших связь с деревней и до революции—18% и 51% — из горожан, попавших в свои когда-то родные места благодаря революционной буре. Партийных, членов РКП (представителей других партий совсем не было), — 54% и 46% — это беспартийные.

Почему коренных крестьян-домохозяев только 31%?

Крестьянина-домохозяина работа в волисполкоме привлекать не может, главным образом, по двум основаниям: 1) сильно развившаяся система централизации ведет к бюрократизации местных выборных служб, следствием чего является стеснение общественной инициативы избранников населения, членов волисполкома — работа в волисполкоме приобретает чиновничий, казенный характер; 2) члены волисполкома получают чрезвычайно скромное жалованье, а работы, в среднем (с ходьбою), не меньше 8 часов в день, — крестьянин же расценивает свое время, особенно в страдную пору, очень дорого.

Волость — это, в сущности говоря, опорная база всего советского строительства. Но с этой базой у нас обстоит не только далеко, а прямо совсем неблагополучно. Что это на самом деле так, — подтверждают приводимые ниже выдержки из разных статей, помещенных в «Известиях» за один только май 1923 года. Эти статьи, несмотря на то, что с мая 1923 г. прошло почти уже два года, и до сих пор не утратили своей злободневности.

Вот кусочек из статьи С. Тагера «Работа волисполкомов»: «Являются ли волисполкомы инициативными творческими советскими ячейками или только исполнительными? Указание на этот счет дает нам один из волисполкомов Касимовского уезда, Рязанской губернии, и свидетельство его подтверждается всей массой протоколов: «Самое главное вни-

мание обращалось на проведение в жизнь всевозможных распоряжений высших органов, а также на проведение всевозможных налоговых кампаний». Коротко и нехорошо. Не хорошо потому, что при нарастающем темпе хозяйственного и культурного строительства в деревне чрезвычайно важно, чтобы она проявляла через свои органы управления максимальную самодеятельность, а не только шла на помочах у уездного центра».

Вот выдержка из ст. М. Болдырева «Как укрепить волостной аппарат»: «Волисполком в данное время превращен исключительно в административный центр, выполняющий задания вышестоящих органов. Отношения с населением у него сложились только в форме — «все давай». Фактически волисполком никаких запросов и нужд населения не обслуживает. Есть такие волостные исполкомы, где мы имеем целиком беспартийных членов, мало или совсем не сведующих в вопросах советского строительства, и пьяного секретаря из бывших волостных писарей. Нечего и говорить, что опыт 5-летней работы они совсем не усвоили. А какое влияние проводит такой волисполком? Может ли быть население довольно таким исполкомом? Наш госаппарат нуждается в притоке из партии опытных работников; тем более это надо сказать про первичные ячейки Соввласти. Там безлюдье ощущается прямо-таки болезненно. Чтобы восполнить пробел в волости, надо бросить работников с уездным опытом и практикой. Но еще хуже дело обстояло со средствами; низовой аппарат почти не снабжался. Все это были подачки, при чем несвоевременные и неполные. Он пробивался до сих пор в невероятно тяжелых условиях и вынужден был устанавливать свои налоги и сборы. Были поборы и просто кормежки по дворам. Нечего скрывать, в черном теле мы держали такой важный аппарат, и тут грех и беда наша общая. Все мало-мальски ценные, самодеятельные работники вынуждены были бежать из волости, а оставшиеся в таких условиях быстро разлагались. Начинали брать взятки и потакать самогонщикам. Такова, в общих чертах, картина состояния нашего волостного аппарата».

Цитирую ст. Г. Нерадова «Волостной работник должен быть обеспечен»: «Ни для кого не секрет, что работа нашего низового аппарата в смысле обеспечения его живых работников протекает крайне ненормально. Естественно поэтому, что в волости частенько встречаются серьезные злоупотребления. Пензенская «Трудовая Правда» указывает на случаи, когда налоговые поступления как в натуральной, так и в денежной форме растрачивались. А так как налоги приходилось все-таки сдавать

в финотдел полностью, то для пополнения растрат в волости производили дополнительные сборы. Крестьяне, плохо разбираясь в инструкциях и декретах или в большинстве совершенно их не зная, безропотно исполняют требование об уплате дополнительного обложения. В волости укоренился также другой советский бич — взятка. Более всего обидно, что по волостной власти крестьяне судят о Советской власти вообще. Конечно, с злоупотреблениями необходимо бороться суровейшим образом путем беспощадных рапрессий. Но в то же время нельзя упускать из виду, что причина этих злоупотреблений часто коренится в полной необеспеченности волостных работников. Не взирая на совершенно определенное решение IX С'езда Советов о содержании всех трех членов волисполкома за государственный счет, чуть ли не до последнего времени оплачивался только один председатель. Лишь к концу 1922 г. начали оплачивать и остальных членов волисполкома, но по такой низкой ставке, которая фактически не дает возможности работникам существовать. Мы знаем, какую тяжелую работу ведут волостные работники, обслуживающие население огромного района. Они не знают отдыха ни днем, ни ночью. И при такой безумной трате энергии и сил жалованья, которое получает из государственных средств волостной работник, еле хватает ему на хлеб. Такое положение чрезвычайно унижает волработника, особенно в глазах волостных кулаков» [1].

Подобных цитат я мог бы подобрать целый букет, но и приведенные достаточно красноречиво подтверждают действительное неблагополучие дела с волостным аппаратом [2]. Мое

---

[1] В московской «Правде» от 13 февраля 1925 г. распубликовано нижеследующее постановление Союзного Совнаркома (привожу выдержку):

«В целях укрепления низового советского аппарата Союзный Совнарком постановил установить на 1924—25 бюджетный год для работников низового советского аппарата, содержимых на местные средства, следующие средние помесячные ставки зарплаты, в зависимости от тарифного пояса, к которому относится данная местность: председателю волисполкома: I пояса—54 руб., II пояса—49 р., III пояса—45 руб., IV пояса—42 руб., V пояса—38 руб.; члену волисполкома, ведущему земельные дела: I пояса—42 руб., II—38 руб., III—35 руб., IV—32 р. и V пояса—29 р.; секретарю волисполкома: I пояса—42 р., II—38 р., III—35 р., IV—32 р. и V—29 р.; волостному культурно-просветительному работнику: I пояса—36 р., II—33 р., III—30 р., IV—28 р. и V—25 р.; волостному финансовому работнику: I пояса—36 руб., II—33 руб., III—30 руб., IV—28 руб. и V пояса—25 рублей; нарсудье, начальнику районной милиции (в укрупненных волостях) или старшему милиционеру в неукрупненных волостях: I пояса—48 руб., II—44 р., III—40 р., IV—37 руб. и V пояса—33 р. Данные ставки для Украинской и Белорусской Союзных Республик, Уральской области и Северо-Кавказского края повышаются на 50%».

[2] См. авторитетное и подробное обследование низового аппарата, произведенное представителями Центральной Контрольной Комиссии и

личное наблюдение (правда, пристальное и в течение целых семи лет) только одного волостного аппарата Горицкой волости дает мне возможность богато расцветить приведенные выше цитаты разнобразными фактами из житья-бытья нашей волости, но дело сейчас не в этом. В данный момент необходимо указать, как связать волисполкомы с широкими крестьянскими массами — ведь тесная связь волисполкомов с населением и дает в общем то компактное единое целое, которое и будет сильным государственным целым.

Средство простое: нужно, чтобы на выборную службу в волисполкомы шли настоящие, живые люди и — крайне желательно — из числа коренных крестьян данной волости.

Но живые люди не любят дышать воздухом, пропитанным формализмом, хотя бы и советским, — следовательно, надо расширить сферу реальной автономии волости в области местных дел, т.-е. дать поле деятельности для свободной инициативы членов волисполкома: кроме того, живой человек хочет есть — надо его надлежащим образом обеспечить; а крестьянин-домохозяин только тогда сможет, хотя бы на время, отойти от своего хозяйства для службы в волисполкоме, когда он увидит, что эта служба настолько хорошо оплачивается, что никакого ущерба его работа в волисполкоме собственному его хозяйству не принесет.

Народн. Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции. Материалы обследования опубликованы в книге: «Волисполкомы и сельсоветы», изд. 1924 г., Москва.

Самогонка в деревне.

В последний год до войны, в 1913 г., из лавок Тверской губернии было продано 1.598.286 ведер вина, что составляет $^2/_3$ ведра на душу, считая даже и младенцев. Следовательно, каждый гражданин, без различия пола и возраста, заплатил в 1913 году в казну за водку 5 руб. 27 коп. По нашей волости население заплатило в 1913 г. за водку (жителей тогда было 7.173 чел.) 37.801 руб. 71 коп., или, в переводе на рожь (цена ей в 1913 году была 95 коп. за пуд) — 39.686 пудов (а продналог с нашей волости, например, за 1922 год, в ржаных единицах — 34.031 пуд. 39 фун.; любопытно сопоставить эту цифру с расходом на водку). Но, помимо водки, деревня пила и самодельное пиво (заводское пиво, хотя у нас в волости было 5 мест его продажи, мы не будем учитывать — крестьянин пил его редко, оно было продуктом потребления местной интеллигенции и деревенских богатеев). Пиво варилось, как и посейчас варится, в праздники: на пасхальной неделе, на масленице и еще, самое меньшее, раза три в год (а в иной деревне — и 4 и 5) — в престольные (праздник по приходу) и в другие праздники. На каждое хозяйство в расход на пиво (солод, хмель) надо класть на одну варку 2 пуда ржи, а на весь год (пять варок) — 10 пуд. Таким образом, в 1913 г. у нас в волости (было 1.137 хозяйств) в течение года тратилось на пиво 11.370 пуд. ржи. А всего в жертву «зеленому змию» в 1913 г. было принесено всей волостью 51.056 пуд. ржи.

Сейчас мы учли лишь то, что можно было учесть. Но всякие упущения в хозяйстве, происходящие вследствие пьянства крестьянина, — их трудно вывести в рубле. А деревенские пожары, которые вспыхивали от окурка или спички, брошенных куда попало пьяным человеком? А сколько в деревнях было драк — редкий праздник обходился без драки; а уж если дрались, то дрались жестоко, с остервенением, увечили друг друга, иногда и убивали. Ну, да всего не перечтешь, что делалось под влиянием «зеленого змия»...

Наступила война 1914 г. Казенки закрыли, водка исчезла из обихода деревни. Правда, в протоколе местного волостного

земского собрания от 30 ноября 1917 г. читаю: «распитие крепких напитков в чайных лавках воспретить, о чем известить содержателей чайных, с отобранием от них подписок». Эти крепкие напитки, распивавшиеся по чайным, были: денатурат, политура и пр., но они расценивались дорого, да их было и мало — так что можно смело пройти мимо этого явления, не учитывая его. Деревня в период войны перешла на пиво. Сперва без водки праздник был не в праздник:

— Эх, не хватает чего-то—поговаривали наши крестьяне.

Грянула революция. Сперва февральская, а потом октябрьская, — а казенки все не открывали. Деревня стала уже основательно забывать водку. И в деревне стало как-то тише: вывелись пьяные драки, уменьшилось количество пожаров, с женами стали обходиться лучше. А почти 40 тысяч пудов ржи, которые раньше шли на покупку водки, находили себе лучшее применение.

Так в нашей волости дело обстояло до 1921 года.

С начала 1921-го года стали поговаривать, что в соседних волостях «гонят» самогонку. Кое-кто во время разных поездок и на праздниках уже успел ее попробовать. Делились впечатлениями:

— Дух нехороший, но пить все же можно.

— Ну, а раз пить можно, то надо и нам заняться! — порешили наиболее сметливые.

Проведали, как это «дело делается». Приспособили котлы, трубки и, кто в бане, кто на гумне, открыли «заводы» — сперва исключительно «для собственного потребления». Под большим секретом угощали друг друга. Самогонка очень нравилась, и «дело» стало быстро развиваться.

К этому времени, т.-е. в 1921 году, кимряки, известные на всю Россию сапожники, как раз стали оправляться после той общей хозяйственной разрухи, которая придавила и их в 1918—20 г.г.

В 1918—20 годах кимряки, бывало, ездили по нашим деревням со своими сапогами, вымаливая за пару обыкновенных мужских сапог пуда 3—4 ржи (были случаи — отдавали и за 1½ пуда). Понемногу они встали на ноги, закипела работа, заработки их увеличились. Не кимряки уже ездили с сапогами, а за ними к ним надо было приезжать. Цена сапог стала быстро расти, и к августу 1923 г. пара сапог расценивалась уже в среднем в 15 пуд. ржи.

Но сапожники всегда славились своей исключительной любовью к «зеленому змию», — а кимряки в особенности. И поэтому, как только «дела поправились», кимряки снова стали ревностными поклонниками, несколько забытого в пер-

вые годы революции, любезного их сердцу «змия». А раз имеются «потребители», то всегда найдутся и «поставщики». «Спрос родит предложение». И в нашей Горицкой волости самогонные заводы стали расти, как дождевики в ненастную пору.

Вот в каких выражениях описывает местный доморощенный поэт-крестьянин (в своей поэме «История самогонки») переход от «собственного потребления» самогонки к продаже ее «на сторону» — Настасья, жена Назара, говорит своему мужу, указывая на «продукт»:

— Свез бы в город продавать.
— «Знаешь ты: за это строго!»
— У тебя знакомых много,
Можешь только им продать, —
Никому не увидать! —
Так советует она,
Благоверная жена.
— «Ох, Настасья, я боюсь!
Вдруг да с нею попадусь?»
— Чай, за первый раз не строго.
Ну, отдашь, будя, немного!
Поезжай же, говорю,
Я еще тут заварю...
Назар долго колебался,
Наконец-то он собрался:
Самогонку захватил,
В Кимрах продал,
Кое-что купил.
Самогонка там в цене,
Угодил Назар жене —
Привез ситцу ей на юбку.
— Ну, спасибо, молодец,
Что послушал наконец.
Ну, вот, видишь! А боялся!
Я гнала, — ты упирался.
Коль нашел хороший сбыт, —
Так Настасья говорит, —
То вози-ка самогонку
Раз в неделю, потихоньку.
Начинай-ка посмелей!
А Назар ответил ей:
— «Эх, жаль, поздно я хватился!
Кабы раньше потрудился —
Чай бы пили с сахарком
Поутру и вечерком!».

Продавать самогонку очень выгодно. Гонят ее из плохой картошки, с добавлением небольшого количества муки и солода. Впрочем, приведем расчет: если взять 1½ меры картофеля, 8 ф. муки, и 6 ф. солода и прибавить дрожжей (дрожжи свои, пивные), то можно, сделав то, что надо, выгнать

15 бут. среднего качества самогонки. Все упомянутые продукты стоили в июле 1923 г. 100 милл. руб., а 15 бут. самогонки — 900 миллионов. В прошлом, конечно, цены были другие, но соотношение между затраченным «капиталом» и прибылью оставалось, приблизительно, то же самое.

Итак, «дело» закипело. Гнали и на продажу и для себя. Сколько за это время переработано в волости картофеля и хлеба на самогонку, учесть, конечно, невозможно. Надо сказать, что в 1922 году, в эпоху расцвета у нас «самогонного дела», самогонку гнали почти в каждом хозяйстве волости. Среди «заводчиков» надо различать три категории. Одни гнали изредка и, главным образом, «для себя», т.-е. для того, чтобы самим выпить и в деревенский праздник попотчевать своих гостей. Другие гнали почти исключительно на продажу. Среди этих «коммерсантов» имеется группа зажиточных крестьян, которая производит и продает самогонку с целью обогащения. Про таких слышишь:

— Он разбогател от самогонки! Чего у него нет? Все есть.

Другая часть «коммерсантов» гонит и продает самогонку «по нужде».

Вот пример. Местный народный судья разбирал «самогонное» дело. Обвиняемая — вдова красноармейца, на руках у которой четверо детей. Судья спрашивает:

— Гнали для себя или на продажу? [1]

— Куда, родной, для себя! На что она нам? Вот налог надо платит, соли купить не на что. Заработать на стороне негде, да и работать некому: как от детишек уйдешь?

И перед судьей развертывается картина действительной и большой нужды, помочь которой не знаешь чем и как.

Спрашиваю у судьи:

— Как же, оправдали вы бабу?

— Оправдать нельзя. Приговорил ее к условному наказанию. Об'яснил, что если в течение 3 лет попадется еще раз, то будет отбывать наказание по двум приговорам.

Случаев вроде только что описанного у нас в волости немало.

— Податься некуда, — говорят крестьяне.

Действительно, раньше промышляли льном, а теперь это дело упало — революция застопорила вывоз волокна за границу (в 1914 г. в волости под льном было 740 десятин, а в 1924 г. в волости после ее укрупнения — всего лишь около 540 дес.). Раньше у нас ходили на отхожие промысла — на

---

[1] Если гонят для себя, то ответственность по закону слабее, нежели в том случае, когда гонят на продажу.

фабрики и заводы, высылая в деревню часть заработков, а теперь многие наши фабричные и заводские поневоле сидят дома (в 1913 году волость получила по почте денег 159.298 рублей, а за 1924 г. только 14.638 р., при чем надо учесть ценность рубля 1913 года [рожь—95 к. за пуд] и ценность рубля 1924 г. [цена ржи в среднем за год—1 р. 35 к. за пуд]).

Относительно запрещения гнать самогонку слышатся такие рассуждения.

— Производство самогонки стоит дешевле пива. Почему же ее запрещают гнать даже и для своего употребления, а пиво варить разрешают?

— Мы пьем, — нас преследуют, а власть пьет — ей ничего . . .

Нужно сказать, что под термин «власть» для крестьянина подходят все, кто занимает в волости те или иные должности: тут и члены волостного исполкома, и служащие исполкома, и лесничий, и врач и др. — одним словом, все советские служащие волости.

Мне рисуют картину, как пьянствуют некоторые советские служащие. Действительно, скверно. Оставив в стороне нормы закона, преследующие выделку и распитие самогонки, будем судить, как говорится, «по человечески»:

— Можно выпивать?

— Можно.

— А пить?

— Тоже можно.

— А напиваться?

— Если это тебе нравится, то и напиваться можно. Выпивай, пей, напивайся — это твое частное дело.

— Чего же нельзя?

— Нельзя спиваться, т.-е. пить до такой степени, когда пьянство твое наносит уже ущерб тем обязанностям, какие ты, как гражданин Республики, выполняешь. Если ты земледелец и из-за пьянства во время не вспашешь и не засеешь поля — это уже плохо. Если ты врач, и самогонка заставляет тебя забыть, когда надо посетить твою больницу — это уже стыдно. Если ты лесничий, и когда к тебе мужик приходит похлопотать о лесе на подрубку сарая, а ты, любитель самогонки, спрашиваешь у него: не принес ли он самогонки — это уже преступно.

К глубокому сожалению, в деревне не столько среди крестьян, сколько среди интеллигенции и полуинтеллигенции наблюдается непомерное пьянство (мы, конечно, не имеем в виду всех советских служащих буквально). До известной степени это пьянство (оно не только в нашей волости, я наблюдал его и в других губерниях) — продукт военных и ре-

волюционных передряг. Известно, что чем интеллигентнее натура, тем более тонкой и более хрупкой нервной системой она обладает. Интеллигенции пришлось, начиная с 1914 г., многое пережить, события были необыкновенные, из ряду вон выходящие — не даром и война и наша революция называются великими. И вот, нервы многих и очень многих не выдержали. Чтобы продолжать жить, надо было подбадривать истрепанные нервы. Таким подбадривающим средством и является алкоголь, хотя бы и в виде самогонки. Один врач, перенесший все ужасы фронта, а с 1919 года ведя полуголодное существование со своей семьей, принявшийся за энергичную организацию лечебного дела в уезде, теперь сильно пьющий, так мне прямо и заявил:

— Спиваюсь. Знаю, что спиваюсь. Чувствую, что нехорошо — и семья, и здоровье плохое. Но поделать ничего не могу — физиологическая потребность...[1].

Все же не мешает отнестись к себе построже — на то ты и интеллигент. Тогда, может быть, и не всякое пьянство явится непременно физиологической потребностью. Кое-что, а может быть и немало, возможно будет об'яснить и личной распущенностью. А физиологическая потребность, как мы это и отметили, будет здесь играть роль лишь «до известной степени»...

«Рекорд высоты» для «зеленого змия» по нашей волости падает на 1922 год. Тогда пили не только в нарочитые праздники, пили и в будни (конечно, не летом — в сенокос, а зимою). Стали пить женщины и даже дети.

Разговариваю с ребятишками, из которых самому старшему не более 10 лет:

— Ну, как, ребята, самогонку пьете?

Кто, оказывается, «только раз попробовал», а кто — и не раз и не два.

— Он, — указывает мне на шестилетнего карапуза, — как нахлещется, так в драку со всеми лезет!

— Кто же ему дает пить?

— В гостях подносят.

— А отец что же?

— Отец ничего. Отец сам ее уважает...

Праздники под влиянием самогонки стали шумливыми. Дерутся парни, дерутся мужики. Про одного рассказывают, что он в пьяном виде бьет отца и мать. Другой, когда пьян,

[1] Эти строки я писал полтора года назад. Теперь начало 1925 г. Врач, о котором здесь идет речь, окончательно сошел на-нет — спился, отставлен от места. Жаль, он был хорошим человеком и дельным работником...

выгоняет из избы, несмотря на зимнюю стужу, всю семью, и последняя ночует у соседа и т. д. . .

С «зеленым змием» энергично борются. Милиция составляет многочисленные протоколы и отбирает «аппараты», суд штрафует «заводчиков». Служащие милиции даже материально заинтересованы в этой борьбе: они получают известную прибавку к своему жалованью из штрафных за самогонку сумм. Сперва (в 1922 г.), когда борьба с самогонкой была ударной задачей, штрафы были очень крупными: доходили до стоимости лошади. Под влиянием крупных штрафов «самогонка сократилась», как поведал мне один «спец» по этому делу, добавив:

— Теперь ее гонят уже осторожненько: или те, кто до денег жаден, или у кого нужда велика. Все остальные бросили — разве кое-кто и то на большой праздник.

— Ну, а кто же чаще попадается: те, кто до денег жаден, или другие?

— Другие. Жадные-то, наспециализировались. У них везде «рука».

Однако, «ударность» борьбы миновала, и самогонка опять стала расползаться. Теперь она стала вполне бытовым явлением: напр., справить праздник без самогонки как-то «неловко»: гости «осудят» . . .

Милиция, я сказал, борется с «зеленым змием». Но, ведь, и чины милиции «люди-человеки», иногда и они «изнемогают» в борьбе, и, смотришь, кто-нибудь летит за четвертной, посланный чином милиции, в «известное место», где всегда «есть». Поэт, которого я цитировал выше, так кончает свою поэму о самогонке (поэма довольно длинная):

А те, кто с ней борьбу ведут,
Те так же аппетитно пьют —
Ее уничтожители,
Ее же потребители . . .

Спрашиваю судью:

— Вот вы судите совместно с народными заседателями. Как они относятся к таким делам? Проявляется у них энергичное желание бороться с этим злом?

— Слабо. Наверное, сами по этой части не без греха. Обычный размер штрафа по самогонному делу, на который соглашаются заседатели, 5—8 руб. золотом. Максимум, но это исключение, 25 руб. золотом.

В 1924 г., как единственный случай, был штраф в 200 р. На такую сумму был оштрафован священник из с. Русилова (нашей волости), у которого нашли некоторое количество само-

гонки. Обвиняемый указывал на то, что он, производя перестройку, нанял для этого плотников. Последние же, среди других условий (заработная плата, какого рода харчи и пр.), потребовали, чтобы им в течение периода работы подносили и самогонки. Таким образом самогонка, по словам священника, была изготовлена для плотников...

Как отнеслось население к введению «русской горькой»?

По-разному.

Некоторые, особенно из числа трезвенников, рассуждают так:

«Коммунисты говорили, что они никогда не согласны спаивать народ, а вот теперь «русскую горькую» выпустили— сперва на 20, теперь на 30, а — толкуют — скоро и на 40 градусов будет. В «горькой» есть алкоголь, а алкоголь затемняет ум человека. Значит, к крестьянской темноте прибавили еще плюс. В газетах пишут, что мы с алкоголем должны бороться путем агитации. Но зачем же было выпускать «горькую», а потом бороться с нею? И царское правительство много раз писало, что оно учредило монополию, чтобы бороться с пьянством. Нехорошо это».

Реальные политики говорят другое:

«Заграничные народы образованнее нас, а в книжках пишут, что они пьют больше нашего. Даже вот недавно я на листочке от календаря читал, сколько приходится спиртного на каждого англичанина, на норвежца и на других. Прямо — ужас. Нас тоже трезвенниками не сделаешь. Так попросту и без затей: давай хорошую водку по полтиннику бутылка. Государство пользуйся и мужик получай удовольствие»!

Вытеснит ли «горькая», при нынешней ее довольно высокой цене, самогонку из деревни?

На этот вопрос один крестьянин отвечает так:

«Горькая за бутылку под 2 рубля, а самогон под шесть гривен, да и крепче. Пить «горькую» — разоренье. Приходится, по бедности нашей, за самогон держаться»...

Подводя итог сказанному, приходишь к такому выводу: самогонка — зло, но зло это имеет и экономические корни: отсутствие отхожих промыслов в довоенном масштабе и удешевление хлеба, наблюдающееся за последние два года. В силу этого самогонка поневоле служит материальным, и необходимым материальным подспорьем для многих хозяйств волости. «Горькая» вследствие своей дороговизны пока не может в деревне конкурировать с самогонкой.

Работа созидания.

В качестве бытописателя моей родной волости я должен упомянуть здесь о некоторых фактах созидательной работы, проделанной в период революции отдельными представителями местной интеллигенции. Интеллигенты, о которых я буду говорить, все люди беспартийные, к клике политиканствующих (ругающих Советскую власть или к ней подлизывающихся) не принадлежат. Все они — обыкновенные, скромные люди, отличающиеся от многих из своих собратьев-интеллигентов лишь наличностью ясного и глубокого понимания своего — скажу прямо — профессионального долга (из дальнейшего вы убедитесь, что это совсем не узко), не затемненного злобою к «этим коммунистам» и не отодвинутого на задний план отчаянием маленьких людей, растерявшихся перед лицом грандиозных событий.

Пример первый — наша больница. Ее история за последние двенадцать лет дает ряд иллюстраций на тему о том, как хорошо может итти работа, если ее ведут люди, преданные своему делу, и как она идет из рук вон плохо, если руководители относятся к своим обязанностям без интереса. И, что и является самым любопытным, так именно и происходило, независимо от неблагоприятных внешних условий.

Вот маленькая табличка:

Дата.	Количество амбулаторн. больных.	Число дней проведенн. коечн. больными в течение года в больнице.	Среднее количество коечн. больных на каждый день.
1912	12.393	8.915	23
1916	9.780	230	0,7
1917	10.322	952	2,6
1918	16.262	9.637	27
1919	16.715	15.026	42
1920	19.142	17.001	47
1921	16.874	18.118	50
1922	9.176	757	2
1923	10 570	4.962	12
1924	13.110	5.337	13

1912 г. — на-лицо хороший и, главное, добросовестный врач, и работа идет. Но врач этот незадолго до войны покинул больницу.

1916 и 1917 годы — врач без малейшего интереса к делу. И не только падает работа в больнице, но и сама больница, как учреждение, опускается — инвентарь куда-то исчезает и пр.

С самого конца 1917 года (с октября) и до начала 1922 г. (до конца февраля) в больнице работают энергичные врачи — сперва один, потом два (последний — первые полтора года на одно жалованье со своим товарищем). Период с 1918 по 1922 г. — самое тяжелое, самое трудное время, но тем не менее больница буквально оживает. Благодаря заботливости врачей появляется и обстановка для операционной, и инструментарий, и белье, и инвентарь. За всем этим много-много раз по осенней слякоти и зимней стуже, на крестьянских клячах таскались врачи за 75 верст (в один конец), в губернский город и вылавливали вещи из того фонда, который создался при ликвидации госпиталей Всер. Зем. Союза (их было около 60 в губернии), при чем подчас сами и запаковывали и грузили на подводы больничное добро. Больница обставилась, работа закипела. Особенно больница прославилась по всему округу своей хирургической работой — более или менее серьезных операций (под наркозом) за 4½ года было сделано свыше 1.000. Иногда за отмеченный период больница стояла вот-вот накануне закрытия: не было продовольствия, не было медикаментов, не было топлива (хотя кругом леса). Но — «хотеть — это мочь», сказал кто-то. И неистощимая энергия врачей брала верх над острой нуждой — медикаменты выцарапывались у здравотдела, продовольствие появлялось, дрова подвозились.

Вот незабываемый для нашей волости пример того, как много, несмотря на всеобщую кругом разруху, может сделать энергия только двух человек, двух женщин (оба врача — женщины).

Однако, по семейным обстоятельствам, в начале 1922 года, оба врача покидают службу в Горицкой больнице [1].

Поступает новый врач, и мы видим по цифрам, что темп работы меняется. Об операциях уже и не слышно. В 1922 г., при новом враче, впервые после ряда тяжелых лет, больница

[1] Одного из этих двух врачей — Софии Михайловны Дамберг, всю свою жизнь посвятившей служению деревне (характерно: частной практикой она никогда не занималась) и науке, уже нет в живых — она трагически погибла в Ленинграде 15 декабря 1924 года. Умирает человек, но вечно живет труд его, отданный им на пользу общества...

закрывается — больных, видите ли, нечем кормить (словно эти моменты не вставали десятки раз перед прежними врачами). Больные, имевшие несчастие попасть в больницу при новом враче, остаются там без помощи и проч. Даже печать обратила внимание на возмутительные порядки, воцарившиеся в нашей больнице (см. «Тверскую Правду», от 10 августа 1923 г.). Хотя больничное дело разрушалось в нашей волости на глазах у партийной ячейки, но она, по каким-то неведомым для обыкновенных смертных причинам, относилась ко всему этому совершенно спокойно. Наконец, врач сам, повидимому, понял, что врачевание ему пора кончить. Он оставил службу врача и открыл в Горицах же паровую мельницу, где и поныне преспокойно занимается мукомольным делом. Здесь он оказался больше на месте, нежели в больнице. Фамилия этого замечательного человека — Игнатьев.

Осенью 1924 года к нам приехал другой врач, и работа как-будто бы налаживается по хорошему. Цифры за 1924 г. подтверждают это.

Да, много интеллигент может сделать хорошего и очень много нехорошего!..

Вот еще факт созидательной работы, но на этот раз без элементов разрушения.

В течение 1922—23 годов в нашей волости построена новая прекрасная ветеринарная лечебница. Не думайте, что были кредиты от губернии, горячая помощь со стороны волисполкома и пр. — при подобных условиях строить нехитро. Нет, кредитов никаких не было, волисполком относился к данному делу очень формально и даже — прохладно (к стыду своему!), а, тем не менее, лечебница новенькая, крытая железом, красивой архитектуры стоит у нас в селе. Лечебницу создала энергия ветеринарного врача [1], сумевшего убедить крестьян дать лес и дать бо̀льшую часть необходимых средств (остальное доплатило государство).

Легко написать слово «убедить», а на деле убедить крестьянина дать в добровольном порядке средства на какое-либо даже и очень полезное для населения предприятие страшно трудно. Нижеописываемая история созидания у нас школы 2-ой ступени подтвердит это.

Задумал один наш учитель из местных крестьян построить в волости школу 2-ой ступени, при которой было бы общежитие для учащихся и достаточное количество земли, доходы с которой, при обработке ее силами учащих и уча-

[1] Этого врача нет уже в волости — перешел на другое место в наш уезд. Имя врача — С. Д. Никольский.

щихся, и доставляли бы средства на покрытие главных расходов по школе.

Еще в 1920 году приступил он к осуществлению задуманного. Сразу же выяснилось, что местная власть может помочь только одним — отвести на сруб делянку леса. Толкнулся к крестьянам. Заразил их своим энтузиазмом. Те решили:

— Обязательно поставим училище!

Но крестьянина надо знать. На сходе, в массе, он соглашается на многое и принимает на себя самые разнообразные обязательства, но когда дело доходит до исполнения обещанного — то . . . то тут и получается запятая.

Пришло время в лес ехать, деревья валить да возить. Начались разговоры:

— Делать — так всем, а здесь наших и полдеревни нет!

— А раз остальных нет, так мы-то что за дураки!

И так далее в этом роде.

С величайшим трудом, упрашивая, усовещевая, помогая сам, учитель кое-как заготовил необходимый материал и подвез его к тому куску земли, который он отвел под школу из своих земельных владений (учитель выделен на хутор).

Надо строить, а средств нет. Пошел учитель по волости с подписным листом собирать хлеб на постройку.

Многие упирались. Пришлось долго уговаривать, прибегая, смотря по человеку, к разнообразным аргументам — напр., хотя бы к таким:

— Раньше у нас по волости монахи на Афон собирали — ты подавал?

— Подавал.

— Но ты ведь на Афон, наверное, не собирался? Зачем же подавал?

— Для души.

— Вот и тут подпиши для души. Школа — это тот же Афон, от многого человека спасает . . .

Подписать-то подписались, но из обещанного доставили одну четвертую часть.

Расшевеливая и крестьян, и местный волисполком, и уездный отдел народного образования, после многих волнений и неимоверно тяжелого физического труда, учитель наш, тов. И. С. Гусев, к концу 1924 года достиг таких результатов. На его хуторе «Зеленый шум» стоит несколько новеньких построек, в которых уже открыта первая в нашем уезде школа крестьянской молодежи, посещаемая 40 подростками. Но пока для учащихся нет общежития, они живут в соседней деревне

(в полверсте — д. Вереинка). Несколько слов об этой школе я сказал уже в главе о просвещении.

Любопытно указать, что тов. Гусев, помимо земельной площади, отведенной им на своем хуторе под школу, кроме большого количества физического труда, затраченного на копанье разного рода канав, постройку и т. д., пожертвовал за эти годы из своего личного имущества на школу: 105 пуд. ржи, 70 фун. меду, шубу за 20 руб., поддевку за 15 руб., австрийскую шинель за 5 руб., другую шубу за 25 руб., овцу с 3 ягнятами, еще 10 пуд. хлеба, осеннее пальто, тужурку и брюки, молотильный барабан и пр. Не следует думать, что все это пожертвовано от большого избытка. Здесь не избыток, а горячее желание отдать многое, чтобы достигнуть поставленной цели.

Если бы к энтузиазму тов. Гусева местные партийные и советские органы приложили свою хотя бы скромную помощь, то школа была бы уже давно и достроена и оборудована...

Как факт созидательной работы, надо отметить педагогическую работу в Балдеевской школе, каковая работа выделяется на общем фоне работы педагогов нашей волости, но о ней я говорю в главе о просвещении волости.

Вот коротенький очерк той созидательной (даже и в материальном смысле слова) работы, которая имела место в нашей волости за эти годы и велась интеллигенцией волости — вернее, отдельными ее представителями.

Архивы.

Зайдешь в исполком, возьмешь в руки какую-нибудь приготовленную к «исходу» бумажку, заглянешь на оборотную сторону и скажешь:

— А это что здесь?

— Архивы спасают, — бросит на ходу служащий волисполкома.

Попадешь в больницу на амбулаторный прием, посмотришь, на чем фельдшер «записывает» больных — и тоже не утерпишь, спросишь:

— Старыми запасами живете?

Тот же короткий ответ:

— Архивы спасают...

Архивы «спасают» не только волисполком и больницу, но и суд и ряд других учреждений волости.

В 1917 году чистая бумага в волости была. В 1918 году ее было уже меньше. С 1919 года она почти исчезла, попадалась редко и стоила дорого. Не знаю, как волисполкому, но местной больнице уездный здравотдел запретил тратить суммы на покупку чистой бумаги для записывания больных, для завертывания порошков и пр.; разрешено было покупать самое минимальное количество для канцелярских нужд.

И в ход пошли архивы.

В делах нашего волисполкома я нашел опись, в которой обозначено, что архив бывшего волостного правления, перед самой революцией, заключал в себе разные «дела» с 1862 г. От всех этих «дел» теперь осталась только опись. Точно также уничтожен архив страхового агентства и иных учреждений.

Я лично сознаю всю важность хранения архивных документов, но обвинять своих земляков в вандализме не решусь: они, действительно, были в безвыходном положении — бумаги нет, а бесчисленное количество «бумажек» писать надо было. Деревня — не город, деревня писать лишнего не любит, в увлечении «бумажками» волостные советские работники неповинны, но жизнь, в лице многочисленных учреждений,

из которых бо́льшая часть была создана революцией, все же требовала немалого «бумажного производства». Ну, архивы и «спасали».

Вот теперь, когда бумага и в деревне появилась в изобильном количестве и учреждения снабжаются сравнительно достаточными суммами на ее приобретение — теперь настало время решительно пресечь «спасательные» функции старых архивов.

Жалко, когда гибнут старые архивы — хотя бы и очень скромные, заурядно-провинциальные. Но уже совсем плохо, когда бесцеремонно обращаются с архивами революционного периода. Революционная эпоха — исключительно важная по своему историческому значению, и все документы, относящиеся к данной эпохе, почти не подвергнувшиеся еще научной обработке, нуждаются в сугубо-бережном к себе отношении. Вспоминаются слова М. Н. Покровского, произнесенные им в первом заседании 1-ой Всероссийской конференции архивных деятелей (29 сентября 1921 г.): «Задача архивного ведомства заключается не только в сохранении старых, но и в собирании новых документов. В этом отношении было сделано очень мало. Необходимо проявить особую энергию к собиранию документов, которые являются документами по истории революции» [1]. Хотя имеются соответствующие декреты и инструкции, предписывающие советским учреждениям и порядок и способ хранения документов, но, тем не менее, на местах происходит колоссальная растрата документов и именно тех, которые характеризуют нашу революционную эпоху. Вот, для иллюстрации, два первых попавшихся факта из моей «практики» (а я знаю немало случаев, подобных нижеописанным).

В 1921 году, с мандатом за подписью члена коллегии Наркомзема, я обратился в Тверской губпродком с просьбою дать мне справку о количестве полученных с населения Тверской губернии натуральных налогов за 1918 и 1919 годы. Искали-искали то «дело», где имеются необходимые мне цифры, — «дело» куда-то бесследно сгинуло. И искали, скажу прямо, на совесть, но — никаких концов.

В 1923 году я не мог получить по уезду целого ряда крупных цифровых данных не за какой-либо отдаленный период, а за 1920 и 1921 годы. Мотив простой: произошло слияние уездов, учреждения переезжали, и куда «провалились» материалы, о которых я наводил справку, решительно никто не знал.

[1] «Архивное дело», вып. 2, 1923 г., стр. 105.

По всей Советской России фактов, вроде указанных здесь, наверное, тысячи. Но им пора положить конец. Повторяю: все документы последних лет, как почти совершенно необработанные наукою, представляют собою исключительную ценность для науки, а, следовательно, и для страны. Небрежное хранение архивов должно быть приравнено к тягчайшему виду должностных преступлений, а, может быть, даже и к преступлениям государственным. Если мне скажут, что нужны не репрессии, а люди, которые понимают историческую важность архивов, что у нас всегда таких людей было мало и т. д., то я заранее согласен, что все это, действительно, так, и вместо угрозы наказанием лучше дать в каждое учреждение опытного и научно-подготовленного архивного работника. Но сколько их нужно для всей России?! Где вы возьмете этот контингент вот сейчас, в данный момент?! Такого готового контингента архивных работников у нас нет, а архивы — и, главным образом, архивы текущего периода — гибнут, можно сказать, ежедневно. В качестве экстренной меры борьбы с крупным злом я и предлагаю усиление репрессий за ненадлежащее обращение с теми сокровищами, которые, пройдя через горнило науки, могли бы быть использованными как теперь — нами, так и после — нашими потомками . . .

Хлебный заем.

1922 год...

Облигации хлебного займа среди крестьян нашей волости почти не были распространены — их имели единичные домохозяева. К хлебному займу в первое время его появления существовало даже некоторое недоверие.

Толковали.

— Что за заем?.. Хлебный!.. Никогда таких займов не бывало...

— Хлеб у нас сейчас по 4½ миллиона за пуд, а «они»[1] предлагают покупать пуд по облигации за 3.800.000 рублей. Ишь, умники, — нашли дураков!..

— Коммунисты хитрые, тут какая-нибудь проделка...

— Прямое надувательство!..

Наступила осень. Пришло время везти продналог. Те, у кого были облигации займа, пред'явили их при сдаче продналога вместо хлеба. Облигации взяли.

Тогда заговорили:

— Берут! Вот у Семена взяли, он сам сказывал.

— И у Ивана — из Гориц, тоже взяли.

— Братцы, выходит, мы прогадали?! Нельзя-ли дело поправить — ведь рожь то уж 8 «лимонов»[2], да ее еще по грязи надо в Кимры 50 верст тащить!..

Распространились слухи, что в Твери и в Москве еще можно купить облигации хлебного займа. Ловкие люди, желающие заработать на перепродаже займа, отправились и в Тверь и в Москву. Назад они вернулись быстро и, действительно, привезли небольшое количество облигаций, которые, с большой надбавкою, тут же в два-три дня и распродали.

---

[1] «Они» — это, конечно, коммунисты. Этот термин встречается не только в деревне, но и в городах: проезжая в Ленинграде трамваем мимо Марсова поля, ныне поля Жертв Революции, превращенного в течение лета 1923 года в один из красивейших скверов Европы, я часто слышал: «А все таки «они» хорошо сделали то!» Иногда спросишь: Кто «они» то? Отвечают: «Да—коммунисты».

[2] В деревне «миллион» часто называли «лимоном».

К ним приставали:

— Есть еще?

— Нет, все.

— Что же мало везли?

Они огрызались:

— А вы думаете, очень легко доставать-то было?! Посмотрели бы, какие хвосты-то стоят! И то приехали бы с пустыми руками, — да ладно нашлось «знакомство» к банковскому кассиру, кое что зацепили...

Наше потребительское общество своевременно подписалось на 500 пудов займа. В декабре получило хлеб, продало его и получило на этой операции хороший барыш.

— Вот, не прогадали, — с завистью говорили крестьяне о «потребилке»...

1923 год...

Еще с весны прошел слух, что и в этом году будет хлебный заем. Наша Тверская губерния отнесена к третьему району — значит, цена облигаций займа самая высокая. Когда облигации были еще по 28 руб. (в мае 1923 г.; цена указана в дензнаках 1923 г.), они к нам в волость не попали. Прислали их в первых числах июня, — казенная цена была уже по 40 руб. за пуд.

Крестьяне, узнав о присылке облигаций, бросились в село, чтобы купить их. Сразу образовались большие очереди. Удовлетворены были немногие.

Спрашиваю:

— Ну, как: купил по 40?

— Разве купишь? Расхватали все, кто был поближе. Служащие советские много взяли. Некоторые проворные ребята забрали облигаций пудов на 60—80, а им и пятой части не надо.

— Значит, не достал?

— Достать-то — достал. Пришлось заплатить вместо 40 по 50 рубликов — да и то едва упросил, да бутылочкой самогонки «подмаслил»...

В одной деревне председатель волисполкома (тов. Н. С. Хорев) накрыл мошенника, продававшего крестьянам тоже «заем». Этот сметливый парень раздобыл откуда-то старую квитанционную книжку тверского отделения государственного банка и, обирая деньги, проставлял на квитанциях полученную сумму и «пуды», присовокупляя:

— Когда придет время сдавать продналог, — пред'яви мою квитанцию.

Эта проделка, конечно, свидетельствует о популярности хлебного займа среди моих земляков.

Немного спустя к нам прислали уже достаточное количество облигаций, и крестьянский спрос на них был удовлетворен.

В нашей волости в 1923 г. было продано 4½ тысячи пудов займа. Но многие, несомненно, купили облигации за пределами волости — главным образом, в Кимрах, где наш район обычно совершает свои торговые операции: продает хлеб, масло, яйца, самогонку, «тихонько» спиленные бревна, из которых в Кимрах возведено, однако, свыше 300 построек, и пр. Думается, что волость имеет облигаций займа — так, пудов тысяч на 8, которыми покрывается около $^1/_3$ продналога за 1923 год.

В чьи руки попали в волости облигации займа? На этот вопрос можно ответить только на основании личных наблюдений, расспросов и пр. Мое впечатление такое: облигации попали в руки наиболее зажиточной части крестьянства. Беднейшее крестьянство не имело средств для их приобретения.

1924 год...

Заем, выпущенный в 1924 году, получил слабое распространение в волости, хотя приманкою для населения и служил ряд ценных выигрышей, которые могли получить счастливые люди из числа держателей займа. Причина слабой просачиваемости займа 1924 года в толщу крестьянского населения волости ясна: в 1924 году уже широко распространились денежные знаки твердой валюты и сохранять деньги от падения курса в облигациях займа уже не имело смысла, вкладывать же в заем свою свободную денежную наличность население было не в состоянии в виду отсутствия последней.

Заем 1924 года, как известно, был не хлебным, а «золотым» денежным займом, но я упомянул о нем в настоящей главе, так сказать, заодно.

Суд и преступность.

Дореволюционная деревня, по своим обыденным делам, как гражданским, так и уголовным, судилась или в волостном суде или же у «господина земского начальника». Только крупные гражданские дела или же, сравнительно редкие, тяжкие преступления заставляли деревню итти за судом в город.

Волостной суд, на основании временных правил от 12 июля 1889 г., состоял из четырех лиц, избиравшихся крестьянами данной волости и утверждавшихся в своем звании местным земским начальником. Этот суд разбирал все (за небольшим исключением) гражданские иски на сумму не свыше 300 руб. и, без ограничения цены иска, все споры и тяжбы о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела; из уголовных дел он разрешал лишь маловажные: оскорбление словами и действием, мотовство или пьянство, влекущее расстройство хозяйства, кражи, если цена похищенного не превышала 50 руб., — и по всем этим делам суд мог подвергать виновного или аресту до 30 дней или же штрафу до 30 руб. Все решения волостного суда, судившего, кстати сказать, только крестьян, можно было обжаловать у земского начальника.

Суд земского начальника был не коллегиальным, как волостной суд, а единоличным. Земский начальник, как известно, на должность свою местным населением не избирался, а назначался правительством из лиц дворянского сословия. Он судил, как крестьян, так и всех других лиц, проживающих в его участке, по делам гражданским — до 300 руб. (потравы, порубки и еще кое-какие дела — до 500 руб.), по делам уголовным — приблизительно тот же круг дел, как и у прежних мировых судей. Обжаловать решение суда земского начальника можно было в уездный с'езд земских начальников.

Вот характеристика вышеназванных судов, сделанная В. М. Гессеном на основании многочисленных трудов местных комитетов, обсуждавших в 1902 году среди целого ряда других вопросов и вопросы деревенского правопорядка:

«Независимо от чрезмерной широты компетенции волостных судов, в связи с совершенным отсутствием правильного в них судопроизводства, недостатки крестьянской юстиции усугубляются крайне неудовлетворительным личным составом волостных судов. В огромном большинстве случаев волостные судьи полуграмотные. Влияние на них иногда единственного твердо грамотного человека, волостного писаря, громадно, а что не всегда это влияние направлено к строго надлежащему правильному решению дела, доказывать тем, кто имел дело с волостными судами, не приходится. Далее, случаи подкупа, решения дел за водку встречаются сплошь и рядом. Между тем, не следует забывать, что иногда волостные суды решают дела, по цене далеко превышающие не только компетенцию призванных наблюдать за ними земских начальников, но и уездного члена суда, притом дела очень сложные, особенно по наследованию»[1].

«Немногим лучше волостного суда суд земских начальников. Обилие лежащих на них административных обязанностей, плохая их юридическая подготовка, невольно приобретенная привычка к административным приемам действия, взгляд на тяжущихся как на своих подчиненных — делают из земского начальника плохого судью. Как бы ни смотреть на институт земских начальников с точки зрения административной как орган судебный он уронил доверие населения к суду и закону»[2].

Февральская революция, как и везде в России, смела и у нас в волости только что описанные суды, бывшие поистине насмешкою над идеею суда.

По законам Временного Правительства, в деревне, в качестве низшей судебной инстанции предполагалось ввести институт мировых судей, которые должны были быть избранными на свои должности уездными собраниями земских гласных. Таковые судьи и были избраны для всего нашего уезда земским собранием в ноябре 1917 года[3], но Октябрьский переворот помешал им вступить в исполнение своих обязанностей.

Собственно говоря, у нас в волости с весны 1917 года и по 1 апреля 1918 года, когда появился первый народный судья — представитель рабоче-крестьянского правосудия, никакого официального судебного учреждения не было. Нарушение права и порядка каралось или органами милиции, или

---

[1] Ст. В. М. Гессена — «Основы правопорядка» (сборн. «Нужды деревни», т. 1, 1904 г., стр. 68).

[2] Там же, стр. 68—69.

[3] Наша уездная земск. управа существовала до января 1918 года.

отдельными собраниями граждан, иногда протоколировавшими свои постановления.

Вот, для примера, две выдержки из подобных протоколов:

«Мы, нижеподписавшиеся, граждане селения Якшино, собравшись сего числа (26 октября 1917 г.), по заявлению гражданина нашего селения Якова Антонова на детей гражданина Стоянской волости, деревни Петухова Алексея Лидинкина, уличеных в краже денег из шкафа 20 рублей, — постановили: обратиться в Горицкий комитет о выселении Лидинкина из селения Якшино, так как Алексей Лидинкин временно проживает в селении Якшино». — Волостной исполком уважил просьбу якшинских граждан.

Следующая выдержка характернее. Она докладывает нам, что некий гражданин уже приговорен своим селением к определенному наказанию, но односельцы преступника обращаются к высшей инстанции — к общему волостному сходу, чтобы закрепить свое постановление и провести его в жизнь.

Пункт 11 протокола общего собрания граждан волости от 17 декабря 1917 года гласит: слушали: «доклад постановления от граждан села Дуброва о наказании И. М. Тузова»; постановили: «наказать Ивана Тузова к заключению в тюрьме на три месяца к отбыванию в г. Корчеве, согласно постановления граждан села Дуброва».

Несмотря на существование народного суда с 1918 года, на более или менее твердую почву это учреждение революционного времени становится с 21 октября 1920 года, когда издается «Положение о народном суде». По этому «Положению», судья, отправляя правосудие, действовал: 1) или единолично (рассмотрение дел в порядке бесспорного производства, проверка законности содержания лиц под стражей в местах заключения своего района, наблюдение за производством дознания милицией), 2) или с двумя народными заседателями (все дела, за исключением некоторых уголовных, особенно важных) и 3) или с шестью заседателями (важные уголовн. дела: тяжелые раны, увечье, изнасилование, разбой, поджог, подделка денежных знаков и пр.). Решения народного суда в кассационном порядке могли быть обжалованы в Совет народных судей.

Следующей ступенью в устройстве революционного суда было «Положение о судоустройстве», принятое 31 октября 1922 г. 4-ой сессией ВЦИК'а 9-го созыва. И по этому «Положению» судья может разбирать дела и единолично и с народными заседателями. Единолично судья разбирает лишь некоторые маловажные дела, но недовольная его решением сторона может требовать, чтобы единолично решенное дело было

вновь пересмотрено совместно с народными заседателями. Коллегиально судья судит только с двумя заседателями — 6 отменены новым «Положением». Целый ряд серьезных дел (убийство, грабеж, разбой и др.) отошли от народного суда, перейдя в ведение губернского суда. По уголовным делам ныне действующий районный народный суд может приговаривать к заключению до двух лет со строгой изоляцией или к штрафу до 300 руб. золотом. По гражданским же делам он рассматривает иски до 1.000 руб. золотом. Обжаловать приговор народного суда можно в губернский суд.

Из сказанного явствует, что вся страна покрыта сетью одинаково устроенных судов. Точно также одинаковы для всего населения государства и те начала, которыми руководствуется суд при рассмотрении тех или иных дел. Эти начала: революционная совесть граждан, отправляющих правосудие, и писанные нормы права (Уголовный Кодекс и пр.).

Если русские люди еще в XVII веке возмущались неравным отношением суда к лицам разных сословий и общественных групп и требовали, как формулировано их требование в предисловии к знаменитому Уложению 1649 года, «чтобы Московского Государства всяких чинов людем, от большего и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна», то таковым же пристрастно-сословным был в России суд для крестьян до самой революции. Только теперь, с падением сословных перегородок, пал и принципиально несправедливый сословный суд.

Но принципы — принципами, а любопытно знать, в каких условиях пришлось судебным деятелям работать, хотя бы у нас в волости, и как именно они работали, как судили и рядили моих земляков?

Об общих материальных условиях, в которые был поставлен суд как учреждение, дает понятие маленькая выдержка из доклада судьи 6-го района Кимрского уезда (наш район) в высшую инстанцию (доклад от 13 ноября 1922 г.):

«Ставится вопрос: как может существовать работник нарсуда и быть продуктивен для дела, когда он занят лишь одной мыслью, как приобрести себе пропитание для того, чтобы существовать?» [1].

И дальше:

«Положение канцелярии самое безотрадное — отсутствуют самые необходимые принадлежности. В виду отсутствия топлива работа почти невозможна».

---

[1] Даже в 1922 жалованье не выплачивалось под-ряд 5 месяцев.

Приблизительно так обстояло дело с самого начала революционного периода (иногда немного лучше, а иногда и еще хуже) — до конца 1922 года. И только в 1923 году условия, коротко обрисованные в только что цитированных отрывках доклада, отходят в прошлое: канцелярия снабжается всем необходимым, персонал начинает получать сравнительно хорошие ставки [1].

Ну, а как судили? Чуткой или не чуткой была революционная совесть, которой руководствовался суд, постановляя свои решения?

На такой вопрос, конечно, трудно ответить. Хаять судейскую совесть мои земляки не хаяли, но и хвалить суд воздерживались — находили, что:

— Слабо суд поставлен: строгости мало. А если и приговорят которого вора в тюрьму, то, смотришь, он, немного погодя, опять уже на свободе — амнистия, говорит, вышла.

Рассмотрением какого рода дел был занят наш суд за эти годы?

В отчетности о работе суда и вообще в его делопроизводстве за период до 1922 г. путаница громадная. Но, роясь в делах нашего районного суда и выделяя из этих дел все, что относится только к Горицкой волости (суд обслуживает 3 волости), могу привести такие цифры для моей волости:

Дата.	Окончено дел:	
	гражд.	уголовн.
1918 год	33	38
1919 »	37	33
1920 »	30	86
1921 »	32	106
1922 »	29	112
1923 »	87	161
1924 »	103	486

Вот расшифровка указанных цифр для 1920 года (здесь приводятся не только оконченные, но все дела, находившиеся в 1920 г. в производстве).

---

[1] Напр., за июль 1923 г., при цене хлеба у нас по 100 р. за пуд, судья получил 6.090 р., а секретарь суда — 922 р. В 1924 г. судья получает уже 70 руб., секретарь 35 руб., делопроизводитель 22, следователь 70 руб. и сторож при суде 11 руб.

1.—Уголовные дела:		
должностные преступл.		1
спекуляция	»	10
убийства	»	2
кражи	»	16
побои	»	35
оскорбления	»	21
поджоги	»	1
др. преступления		24
2.—Гражданские дела:		
исковые	»	32
бракоразводные	»	10
др. дела		2

За последние два года появляются в производстве новые виды дел: о неуплате продналога (их немного), «самогонные» дела (порядочное количество) и др.

Нижеприводимая табличка расскажет нам о преступности волости за 1923 и 1924 года. Эта табличка дается мною отдельно от только что приведенной таблички за 1920 год, так как дать одну общую табличку невозможно в силу того, что по «Положению о судоустройстве» от 31 октября 1922 года ряд наиболее серьезных дел, как я уже говорил, отошел на разбирательство в Губернский суд (убийства и др.). Для таблички я беру не все уголовные дела, находившиеся в 1923 и 1924 годах в производстве, а только оконченные, и виды преступных деяний указываю в процентах к общему числу дел.

	1923 г. в %	1924 г. в %
Продналоговые дела	4,4	0,9
Порубки	35,6	47,8
Взяточничество	0,6	1,9
Должностные преступления	15,6	2,1
Самогонные дела	16,1	14,8
Имущественн. преступл. (кражи и пр.)	3,1	7,1
Преступл. против порядка управл.	2,2	1,9
Другие преступления	22,4	23,5
	100	100

Цифры нам говорят, что, как в 1923, так и в 1924 году, главные по количеству преступления (половина всех дел) — это порубка и самогонка. Мне думается, что коренная причина этих преступлений — отсутствие в крестьянском хозяйстве тех необходимых ему дополнительных доходов, которые раньше доставлялись отхожими промыслами, ныне, по сравнению с довоенным временем, значительно упавшими.

Зал Народного суда мог бы быть аудиторией для воспитания крестьянских масс в духе революционных идей. Каждое судебное заседание, при серьезно-продуманной постановке на-

значенных к слушанию дел, могло бы дать окрестному населению много нового и чрезвычайно поучительного. Судья, который пожелает быть не только чиновником-судьей, но и живым общественным работником, может скоро добиться того, что зал заседания будет ломиться от публики, пришедшей сюда не исключительно «по своим делам», но и поучиться, как надо жить и как жить не надо.

Увы, в Горицах ничего этого нет. А жаль!..

В качестве крупных недостатков, мешающих быстрому и нормальному разрешению правовых конфликтов, как у нас в волости, так, повидимому, и вообще в сельских местностях государства, следует указать: 1) на обширность территории участка[1] и 2) на полное отсутствие на местах юридической помощи населению, которая, при наличии увеличивающегося числа все новых и новых кодексов, существенно необходима.

---

[1] У нас есть деревни, отстоящие верст за 30 от камеры судьи. Если населению ходить к судье, то выходит далеко; если же судье передвигаться со своими заседаниями, то нельзя часто устраивать заседания (скверное сообщение) и образуются пробки из дел.

Дело народного просвещения.

В этом очерке я буду говорить не только о постановке дела народного образования в волости, которое, как известно, может выливаться в формы школьного, дошкольного и внешкольного образования и воспитания. Я скажу здесь и о том, как мои земляки сами читали и читают газеты, в каких развлечениях просветительного характера они принимают участие и т. д.

Школа.

Сперва остановлюсь на школе.

Потолкуем, хотя бы коротко, о каждом из трех главных элементов, входящих в состав того целого, которое мы именуем школою. Эти элементы: 1) педагогический персонал, 2) учащиеся и 3) материальная обстановка (здания, пособия, топливо и проч.).

Итак, в первую голову об учителях. Возьмем их материальное положение. До войны, в 1913 году, средний заработок учителя земской школы, при готовой квартире (обычно— одна комната, редко — две), с отоплением и освещением, равнялся 30 руб. в месяц [1]. Если учитель работал уже 10—15 лет, он получал несколько больше. На такое жалованье жить было трудно, особенно семейным учителям. Но почти каждый педагог нашей волости выписывал газету, — следовательно, получал элементарное осведомление о том, что творится на белом свете (холостые — те иногда и журнальчик какой-нибудь, вроде «Нивы», получали). Семейные, сильно урезывая свои потребности, все же давали детям некоторое образование — чаще среднее.

С наступлением революционного периода, материальное положение учителя очень скоро ухудшилось. Дело началось с задержки жалованья. Так, в протоколе учащих волости от

---

[1] Вернее: 28 руб. 50 коп., так как 1½ руб. ежемесячно вычитали в пенсионную кассу. Если выразить жалованье педагога в пудах ржи, которая в 1913 г. у нас стоила 95 к. за пуд, то мы получим (без вычета) 31½ пуд. ржи в месяц.

14 января 1918 г. читаем, что они не получали от уездной земской управы содержания с ноября 1917 г. Надежды получить жалованье скоро тоже не было: управа доживала свои последние дни (она была ликвидирована в январе 1918 г.); события, происходившие в уезде, мешали правильному поступлению земских сборов. Потом эти перебои стали частым явлением, ежегодным; в 1921—22 учебн. году учителя, например, с 1 декабря по 1 августа получили лишь два раза по половине месячного оклада. Оклады эти, выдаваемые, как я только что сказал, далеко не аккуратно, были мизерными: напр., в 1920 году месячный оклад, в среднем, был 3.230 руб., а средняя цена пуда ржи у нас в 1920 г. была 10.000 руб. Более или менее сносное жалованье (сравнительно с предыдущими годами) учителя стали получать (и без задержек) только с 1923 года: в среднем — 440 руб. в месяц при цене ржи—60 р. пуд[1]. В течение 1924 г. учительство стало получать, в среднем, около 25 руб. в месяц (цена ржи — около 1 р. 10 коп. за пуд). Квартира и отопление, как и прежде, являются бесплатным приложением к жалованью (с освещением дело обстояло плохо, теперь — лучше). За весь период революции каждый учащий нашей волости получил (в 1919—1920 г.г.) по 4 арш. шерстяной материи (с прикладом на костюм) и по 20 арш. ситцу. Паек выдавался: за 1917—1919 года по общегражданской для волости норме, начиная с 1 п. 10 ф. ржи на едока в месяц и кончая (в 1919 г.) 30 фун., по цене, которая в общем в 10—15 раз была ниже рыночной; в 1920 г. паек почти совсем не выдавался; в 1921 г. вывернулся один месяц (сентябрь), когда каждому учащему выдали за небольшую плату 21 ф. муки, 2 ф. мяса, 1 ф. сахару и 2 кор. спичек, а за остальное время этого года выдавали по 11¼ ф. ржи в месяц на каждого едока семьи учителя; в 1922 году с населения волости было собрано (так называемое «добровольное самообложение», по декрету Совнаркома от 15 сентября 1921 г.) и бесплатно выдано каждому учащему по 9 пуд. ржи и по 6 пуд. картофеля за весь год. Так обстояло дело с пайком. Помимо

[1] В своей книге, касаясь разного рода явлений, я все время говорю только о Горицкой волости. Указанные цифры содержания, конечно, однообразны не для одной нашей волости, а для всего Кимрского уезда. Но только для уезда, а не для Тверской губернии. Так, в нашем уезде в июне 1923 г. учитель получил 1.223 руб., а его коллега, такой же учитель, работающий в Тверском уезде, за тот же июнь месяц получил только около 400 руб. Эта разница об'ясняется разницею уездных бюджетов: Кимрский уезд богаче местными средствами — он и платит больше. Но само собою разумеется, что подобное явление совершенно ненормально. В пределах районов, находящихся в одинаковых экономических условиях, оплата труда одного и того же рода должна быть тоже одинаковой.

указанного, учительство получило с конца 1920 года по осень 1921 года: за борьбу с безграмотностью по 1 ф. сахару, несколько фунтов (3—5) соли и столько же керосину; за участие в сельско-хоз. переписи перед введением продналога — по 1 пуду муки, 2 ф. масла и 2 ф. сахару. Кроме пайка и отмеченных получений, учащие имели немного овощей с тех небольших огородов, которые были при школах и которые они, конечно, сами возделывали (но овощей этих, в общем, хватало семье учителя только на ½ года). У кого были коровы, того наделяли сенокосом, но сена далеко не всегда хватало на всю зиму.

Вот и все материальные ресурсы педагогов волости.

Как же все-таки учительство жило и выжило? Надо сказать, что 15% учащих имели опору в своем крестьянском хозяйстве; они были и учителями и крестьянами-земледельцами. Эта категория нужды не видала. Затем, — 25% учащих получали поддержку от своих родственников, у которых было хозяйство (дети зажиточных крестьян и духовенства). И эта категория, по совести говоря, большой нужды не знала. Вот остальным 60% пришлось туго. Выданная в 1919—20 годах мануфактура, разное носильное платье, белье, какие-нибудь дешевенькие серебряные или металлические часики и пр. — все это пошло к крестьянам в обмен на картофель и муку. Но менять вещи было делом не легким. Местные крестьяне учителю, предлагающему мену, в большинстве случаев отвечали так:

— Я бы для тебя, Алексей Михайлович, с удовольствием. Даже так бы дал. Да нет, брат, ни хлеба, ни картошки. Не знаю, как сам дотяну до урожая.

Так отвечали не только те, кто действительно не знал, как он «дотянет», но и те, у кого заведомо были излишние запасы и кто эти запасы возил на продажу в город. А почему отнекивались, — дело ясное: ободрать Алексея Михайловича, работающего в течение ряда лет здесь же в волости как-то неловко, совесть не позволяет; дать же ему продуктов в промен не по спекулянтским, а по «божеским» ценам — обидно, жадность мешает (опять те же самые мысли: «Почему же я?» . . . и т. д.). Поэтому, чтобы променять какое-нибудь обтрепанное пальтишко на продукты, учителю надо было часто бегать верст за 25, где он был уже не «своим», а «чужим» человеком, и на этом основании его можно было (совесть позволяла) обдирать, как липку . . .

Жиров эта группа учителей почти не видала за всю революцию.

Дело доходило до того, что один многосемейный учитель пошел просить милостыню — не помощи просить, а именно милостыню собирать. И крестьяне подавали, — но по кусочку. А чтобы кто-нибудь разжалобился и дал сразу хотя бы фунтов 10—20 хлеба нищему учителю — этого не было. Отговаривались так:

— Почему же мне давать? Давать, так уж всем!

Ну, а «все» не давали [1] . . .

Были моменты, когда изголодавшееся учительство впадало в совершенное отчаяние, — тогда принимались резолюции вроде нижеследующей: «Мы, школьные работники Горицкой волости, будучи удовлетворены хлебным пайком в 11¼ ф. на едока, утверждаем, что таковой паек, при отсутствии других продуктов питания, каковых мы ниоткуда не получаем,— является голодным пайком и существовать, а тем более работать, на таком пайке физически невозможно. Мы решили воспользоваться драгоценным весенним временем и, прекратив школьные занятия с 10 мая, обратиться к личным заработкам и работам вне школы и тем обеспечить себя и свои семьи более сносным существованием, отдалив страшную минуту голодной смерти» [2] . . .

Государство, в лице центральной власти, конечно, видело, что учителя голодают, но оно, только что выйдя из тяжелой полосы изнурительных войн (с Врангелем, с Польшей и пр.), могло дать учительству из своих ресурсов очень немного. В это время и появляется мною упоминавшийся декрет Совнаркома от 15 сентября 1921 г. о проведении среди населения добровольного самообложения на нужды просвещения. В частности, с одной десятины пашни надо было собрать (такой расчет был сделан по волости): 5 ф. муки ржаной. 6¾ ф. картофеля, 1⅛ ф. мяса и 8 золотников масла. Эти продукты

[1] В одной из соседних волостей был такой случай: учитель с голодухи нанялся в пастухи, которые все время имели хороший заработок и кормежку: крестьянин скотину очень бережет, а пастуха боится—тот, если его плохо кормят, может в отместку угостить корову или лошадь, принадлежащую плохо заботящемуся о нем крестьянину, колом или камнем и испортить животное; пастух в деревне на положении зятя— ему лучший кусок. Вот и учитель, о котором я говорю, нанялся в пастухи. Но, увы! — он блаженствовал недолго: заботливое начальство, на основании декрета о трудовой повинности, скоро вернуло его в принудительном порядке к отправлению его прежних учительских обязанностей.

[2] Цитирую протокол союза работников просвещения волости от 5 мая 1921 г. Необходимо учесть одно обстоятельство, подавляющим образом действующее на психику сельского учителя: он-то голодал, а крестьянская масса, среди которой он жил, ела более или менее сытно. Это все равно, что голодать в современном Ленинграде, видя в гастрономических магазинах окорока, колбасы и пр.

дали бы возможность каждому школьному работнику (и школьным сторожам тоже) получить годовую норму: 9 пуд. муки, 12 пуд. картофеля, 2 пуда мяса и 6 ф. масла.

Среди крестьян, прослышавших о декрете, начались разговоры:

— У нас у самих ничего нет...

— У меня детей нет, мне на школу наплевать!

— За что давать? Они (т.-е. учителя) ничему ребят не учат...

И так далее...

Добровольно так и не собрали [1]. Собрали принудительно, как я уже указал, каждому работнику по 9 пуд. ржи и по 6 п. картофеля, что̀ и было выдано в 1922 году.

Вот горемычное житье-бытье нашего учительства за годы революции. Если я случайно и позабыл о каких-нибудь пайковых крохах, — да не поставится мне это в вину. Общая картина ясна...

Теперь пойдем дальше. Посмотрим, что учитель дал школе, как он усвоил новые методы преподавания, о которых так много говорят в столицах и пр. В этой области — скажу прямо — почти до 1924 года ничего не было сделано [2]. Какой школа у нас в волости была до революции, такой (с маленькими оговорками) она оставалась до 1924 г. Общая причина этого явления — слабая подготовка самих учителей. А заняться переподготовкой, — под чьим руководством? У нас в провинции не было таких людей, от которых можно было бы получить сведения о всем новом, что творилось в области школьного дела. Но так как официальным руководителям уездного отдела народного образования неудобно было отговариваться незнанием по вопросам школьной реформы, новых методов и пр., то они давали такие раз'яснения на те или иные недоуменные вопросы, что прямо оторопь берет. Раза два устраивались летние курсы для учительства в уездном городе. Власть, правда, приглашала в качестве лекторов на эти курсы даже кое-кого из работников высшей школы Москвы. Приезжие гастролеры говорили много умных слов и красиво закругленных фраз, но... но учительство раз'езжалось с курсов опять-таки без всяких сведений о том, в чем же, наконец, сущность того нового, что надо внести в школу.

Маленькое отступление. Если я говорю о слабой подготовке сельского учительства в отношении восприятия и усвое-

[1] Все это отмечено в протоколе работников просв. от 9 октября 1921 года.

[2] Есть одна школа, являющаяся исключением в этом отношении — о ней я скажу ниже.

ния ими новых начал, которые должны быть фундаментом действительно новой школы, то я отнюдь не считаю, что сельское учительство здесь далеко-далеко отстало от городских педагогов и даже — от столичных. Так, например, среди ленинградских педагогов, как показала работа специальных испытательных комиссий, функционировавших в 1923 году (в 1923!), имеется изрядное число таких косных людей (с высшим образовательным цензом), которые и поныне убеждены, что суть, например, трудового метода — в столярничаньи и пр.

Что же удивительного, если горицкие педагоги в 1922 году (и в 1923 — тоже) трудовой метод понимали так: «Необходимо, чтобы умственный и физический труд в школьных занятиях переплетались между собою. В этом сущность трудового метода, который должен быть признан и проведен в школах»[1]. Итак, горицкие педагоги ядро трудового метода, подобно многим и многим из своих столичных собратий, усматривали до самого последнего времени в ручном труде (апостол трудового метода Керштенштейнер давно и много раз протестовал против такого понимания его метода). Горицких педагогов, как я убедился, сбивал с толку термин «труд». Что трудовое начало должно пониматься как активное познание учеником окружающей действительности (пускай ученик «своим умом» доходит, но лишь под контролем педагога), пришедшие на смену старому, пассивному усвоению знаний (когда «зрячий» — учитель был поводырем «слепого» — ученика), — вот эта простая мысль о самодеятельности учащихся в области их умственного развития педагогической массой усваивается туго и плохо.

Что же все-таки имелось нового в деревенской школе? Устраивали учителя экскурсии: в поле, на луг, на болото, в кузницу, на мельницу. Таких экскурсий — одна-две-три в год. Придут, например, в кузницу. Кузнец и не думает об'яснять, из каких отдельных моментов складывается тот или иной трудовой процесс по его специальности, — он завален работой, тут всегда кто-нибудь ждет, всем некогда, все его торопят. Ладно, если даст потрогать детям свои инструменты. Если идут в поле, — учитель об'ясняет устройство и размножение растений и пр. Но все это выходит как-то сухо и скучно, и потому ученики слушают плохо, из пятого в десятое. По признанию самих педагогов, эти экскурсии мало что дают учащимся.

Имется одна школка в волости (в с. Балдееве), где огонек новой жизни, свежей педагогической мысли теплился в тече-

[1] Протокол от 16 апреля 1922 г.

ние всех этих лет. Преподаватели этой школы несколько особенные люди: один — толстовец (местный крестьянин, окончил учительскую семинарию; вернее, — он бывший толстовец, так как «толстовство» его, столкнувшись с идеями марксизма, кажется потерпело большой урон), две его помощницы—живые люди (одна с высшим педагогическим образованием). Там и трудовой метод как-то интуитивно, но все же в главном понимался правильно, хотя, к сожалению, и не всегда систематически проводился. Там преподаваемый материал закрепляется то в рисунке, то в лепке, то в аппликации. Смотришь, устраивается выставка ученических работ, при чем какие-нибудь счеты, применяемые при изучении арифметики, искусно изготовлены из палок и моркови и т. д.

Спрашиваю других педагогов:

— Ну вот, некоторый пример у вас перед глазами есть. Ведь сами же говорите, что в балдеевской школе все идет лучше, оживленнее. Что же вам мешает хотя бы подражать?

Откровенно признаются, сравнивая себя с коллегами из балдеевской школы:

— Те лучше подготовлены...

Мысль о переподготовке сидит в голове горицких педагогов. В цитированном выше протоколе (от 16 апр. 1922 г.) читаю: «Переподготовка учащих необходима. Желательно создание педагогических кружков».

Эти «желаемые» кружки по переподготовке были созданы и с февраля 1923 г. действовали. В чем выразилась их деятельность? За 1923 год было прочитано 12 докладов на темы: 1) сущность марксизма, 2) происхождение мира, 3) сущность экономической науки, 4) сущность капиталистического строя, 5) от дикаря к коммунизму, 6) сущность социалистического строя, 7) развитие прав женщины, 8) сущность религии, 9) школа и религия, 10) школа в коммунистическом обществе, 11) рабочее движение на Западе и 12) кооперация. Нужно сказать, что все эти доклады (за исключением двух-трех) простой пересказ какой-нибудь одной, довольно элементарной книжки: напр., по второй теме — известной книжки Бельше и т. д. Почему так скромно? — Книг не достать, да с большим материалом и справиться трудно. Но самое главное: почти все темы не для педагогической переподготовки. Причина опять-таки понятная: нет опытных методистов, людей новой закваски, под руководством которых можно было бы «переподготовиться». Таких методистов-то и в Ленинграде 2—3 человека, а откуда им взяться в провинции?!..

Однако в следующем 1923—24 учебном году горицкие педагоги, в процессе своей переподготовки, плотнее подходят к школе. Это видно из списка тем, послуживших им для до-

кладов, обсуждавшихся на общих собраниях учителей. До начала лета 1924 г. проработаны темы: 1) основной строй советской трудовой школы, 2) метод обучения грамоте по Флерову, 3) естественный метод обучения грамоте, 4) знакомство с методом обучения и воспитания по Монтессори, 5) трудовая школа по Керштенштейнеру, 6) школа по Гурлиту, 7) комплексный и экскурсионный методы, 8) система образования Крупской, 9) школа Шацкого и т. д.

Теперь перейдем к учащимся. О них много говорить нечего. Работали они в школе вяло, без интереса, так как педагоги не могли зажечь в них этот интерес. Что касается школьного самоуправления учащихся, каковое предписывалось соответствующими инструкциями, то, как откровенно рассказывает протокол работников просвещения волости от 16 апреля 1922 года, оно «всюду существует только формально, потому что ученики не чувствуют себя в школе хозяевами; их отношение к школе чисто официальное». Кто повинен в этом «официальном» отношении к школе?! .. С мая ребятишки начинают уже плохо посещать школу: многие из них заняты работою по дому, а число этих работ как раз весною увеличивается. Количество учащихся к середине мая тает процентов на 30. На свои нужды ребята за эти годы кое-что получили от правительства, что последнее в силах было им уделить: каждый ученик получил бесплатно дважды (в 1919 и 1920 г.) по 5 арш. ситцу.

Так обстояло дело с учителем и учеником в Горицкой волости примерно до 1924 года.

К этому времени материальное положение учителя уже значительно улучшилось; угроза голода отошла в прошлое. Учитель, этот незаметный сельский труженик, привыкший всегда добросовестно исполнять свой долг перед народом, ожил не только физически, но и духовно. Он почувствовал непреодолимую жажду осмыслить все новое, особенно то, что непосредственно относится к делу народного просвещения, и передать это новое молодому и взрослому поколению волости. Но эта действительная, настоящая, а не формальная переподготовка учителя, переподготовка, превращающая его из только учителя в видного общественного работника, могла совершаться, конечно, рука об руку с РКП (б), в лице ее местной ячейки. Однако ячейка оказалась далекой от понимания сути момента и смотрела на работников школы с бюрократическим недоверием. Темной страницей в истории Горицкой ячейки РКП (б) будет такая, например, запись в протоколе школьных работников волости от 21 июня 1924 года: «Партийцы не принимают участия в работе коллектива школьных работников, хотя не раз коллектив этого просил и предлагал

свой план для совместной работы; пренебрежение партийцев есть провинциальный пережиток, и его давно пора отбросить и помочь работать». Подобная местная школьная политика позднее, на Всесоюзном учительском с'езде (январь 1925 г.), получила должную оценку из уст вождей РКП (б).

В общем, сейчас, к началу 1925 года, горицкому учителю работать нелегко, но он уже и втянулся в коллективную работу и заинтересовался ею. Если сравнительно недавно, в период плохого и материального и морального положения учителя, лишь отдельные горицкие педагоги выявляли живое отношение к своему делу, то теперь, наоборот, формально-сухо к своим обязанностям относятся одиночки, являющиеся исключением.

Здесь я коротко расскажу, в каком виде успела развернуться работа к началу 1925 г. в Балдеевской школе, мною уже упоминавшейся, где ныне все дело лежит на плечах двух школьных работниц: О. И. Вороновой (работает 4 года) и М. А. Веригиной (работает 3 года). Во всех других школах волости работа, правда, идет не совсем так, как в Балдеевской школе, лучшей в волости, но во всяком случае и в остальных школах замечается большой сдвиг в сторону оживления работы.

В Балдеевской школе 60 учащихся обоего пола, в возрасте от 8 до 12 лет, разбиты на четыре группы (класса). Учащиеся имеют свое самоуправление, организованное таким образом: каждая группа выбирает своих представителей, которые все вместе образуют школьный комитет. Ребятишки относятся к своим обязанностям с большим энтузиазмом и страшно серьезно. И иногда они приносят существенную помощь школе. Вот пример: 11-летний мальчик из близлежащей деревни совсем отбился от рук; учительницы пытались подойти к нему и так и сяк, — мальчик, от природы умный, продолжает хулиганить и знать ничего не желает. Тогда учительницы решились передать его школьному комитету. Последний принялся за дело горячо: завел переписку с отцом мальчика, имя мальчика, как лица, поведением своим позорящего репутацию школы, занесли на 2 недели на черную доску, указали мальчику, что, если его исключат из школы, он останется неграмотным и нарисовали перед ним картину житья-бытья неграмотного человека и т. д. В результате, через два месяца, хулиганивший и нежелавший до того учиться мальчик стал примерным и по поведению и по успехам. В школе имеется институт шефства взрослых учеников по отношению к младшим, а в старшем классе — наиболее успевающих по отношению к менее успевающим (к каждому

ученику-шефу прикреплен определенный учащийся). Есть свой кооператив, во главе которого стоит правление из трех человек: дети вносят по 20 коп. членских взносов и покупают учебные пособия для своих членов; школьный кооператив находится в соглашении с местным отделением Сельпромсоюза, отпускающим ему все пособия с большой скидкой. Из среды учащихся избран состав двух комиссий: 1) редакционной и 2) санитарной. Редакционная комиссия подбирает материал для стенной газеты, сотрудниками которой являются исключительно учащиеся школы. Выпуск газеты обычно приурочивается к заканчиванию определенного круга занятий, и газета подводит как бы итог по известному циклу [1].

---

[1] Даю здесь в извлечении содержание одного из номеров школьной стенной газеты. Номер этот называется «Зимняя Деревня» и приурочен к началу зимы.

1) Передовая статья. Мы издаем зимнюю газету. Наша газета напоминает нам о зимней жизни в школе и в деревне. А это нам очень полезно, потому что знание это пригодится в жизни.

2) Законы и заповеди пионера (перечислены общеизвестные пионерские заповеди).

3) Порядки в школе. У нас в школе есть санитарная комиссия, которая следит, чтобы в школе не было больных, чтобы не ходили грязные, и следит за чистотой в ватере, еще — чтобы не было рваных. Вот как с ними поступают: если придет кто не в порядке, если грязные — вымоются, если рваный — зашьют. А если в ватере нагрязнено — чистят. Еще есть представительницы групп. Они должны знать все, что делается в группе и если балуют — унять. Если есть паразиты, чтобы не было. Вот еще какие законы: если кто врет — на черную доску; подчиняйся школьным порядкам. И еще: не жадничать и быть друг с другом в дружбе. Паня Крылова.

4) Наш новый изобретатель аршинов. У нас в школе в IV группе появился новый изобретатель аршинов. У него в аршине 3,14 вершка. А это получилось потому, что много балует и работает мало. С. Филиппов.

5) Школьные кооперативы. Часто наша школьная работа хромает оттого, что у учеников долгое время нет карандашей или бумаги. А тут будет что хочешь. Вереинские ученики организовали кооператив. Взносы членов 50 коп. в рассрочку. Управляется особым органом — правлением, выбранным от кооперации. Товары привозят из сельско-хозяйственной кооперации. Яша Гусев.

6) Школа крестьянской молодежи. У нас в деревне есть школа. В школе устраивают по вечерам собрания; там, на собраниях, читают газеты, рассказывают, как надо обрабатывать землю, и еще, как надо ухаживать за скотом. На собрания ходят молодежь и мужики. Когда у нас в деревне не было школы, мужчины где-нибудь просиживали на поседках и ничего не получали полезного. На собрании же все что-нибудь узнают. Эту школу построил Иван Сергеевич Гусев в деревне Вереинке. Н. Ежов.

7) Еще о школе крестьянской молодежи. В школе делают газеты стенные. Праздники устраивают, какие мы. И кроме этого, у них по четвергам бывают собрания. На этих собраниях читают газету «Безбожник». А молодежь берет книги для чтения, читают и

Санитарная комиссия наблюдает за общим порядком, начиная с внешности учащегося и кончая санитарным состоянием школы. Благодаря существованию этой комиссии учащиеся Балдеевской школы чисто вымыты, одеты если иногда и в плохенькую одежонку, но она у них аккуратно починена и пр. В конце декабря 1924 года при школе организован пионерский форпост, — пока в 20 человек (в начале 1925 г. такие форпосты открыли еще в двух школах волости: в Горицкой и Вереинской). Довольно часто бывают общие собрания учащихся, где они сами и вполне самостоятельно делают доклады по ряду вопросов школьной жизни, производят выборы в те или иные школьные органы и организации и т. д. Собрания эти довольно охотно посещаются родителями учащихся, и родители несколько удивленно, но

рассказывают, а кто не понимает — тому опять снова дают перечитывать. Еще у них есть свой кооператив. В кооперативе продают бумагу, перья, резинки, краски и карандаши. У них помаленьку торговля развивается. Школа крестьянской молодежи взяла кормить быка из деревни Вереинки. Они ему сделали ясли. Им прислали разрешение купить корову. Кимры дают 300 руб. — корову купить и прокормить ее. Теперь они делают модель коровьих ясель и овечьих. Вот что они делают в своей школе.

8) Как женщина готовится к просвещению. Женщины теперь стараются не отставать от мужчин. Они теперь ходят на собрания в школу и там обсуждают вопросы. И вот у нас 10 декабря 1924 г. было делегатское собрание, и там делегатки говорили об избе-читальне. Они говорили, что изба-читальня приносит большую пользу и тут же соловьевские делегатки говорили, что изба-читальня им не нужна, потому что им некогда туда ходить. А им сказали: «А ваши мужики сознательнее вас, они хотят открыть». На собрании была филипповская баба, и она говорила, что раньше жилось лучше, потому что тогда товары давали взаймы. На собрании были некоторые делегатки неграмотные, а Ольга Ильинична сказала, что надо им выучиться, и их учить поручили ученикам, а другим дали книги, чтобы они читали. А. Константинов.

9) Какие работы зимой у женщины. Женщины зимой вот что делают. Как только отреплют лен, то всю зиму прядут, ходят по поседкам. Когда напрядут на тальку, то смотают. И так прядут тальку за талькой. Потом, когда напрядут, — ткут, снуют, красят и потом уж, когда все это сделают, будут белить или шить. Но кроме пряжи у них есть еще домашние дела, они ухаживают за скотом. Но ни одна женщина никогда не возьмется за книгу или чего написать. Они не знают, что из книг вычитываешь что-нибудь. И еще не ходят по собраниям, говорят, что некогда, но это неправда — в субботу вечером не прядут, вот и время. Сходили бы на собрание, узнали бы многое. Вот возьмем пример: они ухаживают за скотом. Коровы доят очень плохо, а это все от плохого ухода. А читали бы книги, да ходили бы по собраниям, — узнали бы как ухаживать. И еще очень многому научились бы. И тогда была бы жизнь светлая и ясная.

В приведенных статьях я исправил лишь кое-какие орфографические ошибки. В газете имеется, помимо приведенных, и еще статьи: 1) Как наши девушки относятся к болдеевскому кружку; 2) Чем занимается вереинская молодежь; 3) Удой нашей и заграничной коровы и др.

с гордостью присматриваются к своим Ванькам, Митькам, Катькам, Наташкам и др., к этим совсем новым человечкам, которые как-то по особому и рассуждают и действуют. Таковы формы общественно-школьной самодеятельности учащихся в Балдееве. Энтузиазм руководительниц школы, товарищей Вороновой и Веригиной, и широко развертывающаяся инициатива самих учащихся делают эту область школьной жизни настолько живой и интересной, что ей могут позавидовать многие и многие из столичных школ.

Что касается учебных пособий, то с ними все еще плоховато, и зачастую приходится пользоваться старыми учебниками, приспосабливая их как-то к новым требованиям педагогики. Центру надо обратить серьезное внимание на дело снабжения деревенской школы надлежащими учебниками.

Но как балдеевские школьники «грызут гранит науки», т.-е., попросту говоря, как идет их учеба? Сами учащиеся проявляют бо́льший интерес к общественно-школьной жизни, мною уже описанной, нежели к изучению письма, чтения, счета и других премудростей. И руководительницам школы приходится умерять пыл учащихся к общественной жизни, разумно направляя его в сторону школьной премудрости. Само собою разумеется, что метод обучения ребятишек наукам не состоит в задавании им по книжке «от сих» и «до сих», а направлен к пробуждению активности и инициативы мышленья ребятишек и, если можно так выразиться, к разжиганию в них жажды знания.

Так обстоит дело в Балдеевской школе в отношении учащихся в ней. Но ведь новая школа должна быть местным культурным центром. Руководительницы Балдеевской школы хорошо понимают это, и поэтому их работа не ограничивается только занятиями и возней со своими школьниками.

Школа Балдеевская развивает работу и среди подростков и среди взрослых. Так, около школы группируются бывшие ученики ее, уже окончившие в ней курс. Они вместе со школой принимают деятельное участие в разного рода кампаниях, связанных то со «днем урожая», то с тем или иным революционным праздником и пр. Спектакли в школе, литературные утра, занятия в группе по обществоведению (имеется такая группа в 15 человек), — вот та плоскость, в которой идет работа с подростками.

За подростками идет взрослое население, но молодняк (от 18 до 25 лет). С ними наиболее развитой формой работы являются спектакли, при чем они не только принимают в них участие в качестве актеров, но пьесы предварительно с ними прорабатываются на предмет уяснения идеи пьесы и ее обще-

ственного значения. Кроме того эта молодежь читает газеты, журналы и книги по сельскому хозяйству, пользуясь школьной библиотечкой. Среди молодняка, таким образом, имеется два кружка: театральный и по сельскому хозяйству.

За молодняком идет четвертая по счету группа (считая со школьниками) — бородачи. Они читают газеты, которые передаются по деревням школой и заслушивают научные доклады, приуроченные к дням спектаклей, на которые бородачи ходят.

Так работает школа в с. Балдееве и по типу этой работы налаживается дело и в других школах волости.

В «День урожая», осенью 1924 года, у нас на хуторе «Зеленый шум» открылась школа крестьянской молодежи, пока первая в уезде. Ее в текущем учебном году посещают уже 40 человек в возрасте от 12 до 17 лет. Учащиеся разбиты по подготовке своей на две группы; имеется ряд кружков: политический, по сельскому хозяйству, кружок безбожников и др. Надо отметить, что в кружке безбожников, без всякого нахрапа и хватания лозунгов, создается серьезно, продуманно научное мировоззрение, которое и вытесняет у молодежи ее прежнее религиозное мировоззрение.

Перейдем к последнему из трех главных элементов, входящих в состав единого целого, именуемого школою, — к материальной обстановке школьного дела.

Вновь выстроенных за период революции школьных зданий в волости нет. Школа нашего района (она в полуверсте от моей деревни) почти совсем развалилась. Решили крестьяне поставить новую. Горячо взялись за дело. Нарубили лес, навозили его к месту постройки (это было в 1920 г.) — да так лес и лежал года два до сих пор. Остыли. Потом часть этого леса была передана на постройку ветеринарной лечебницы в с. Горицах. Некоторые здания, где помещаются школы, из рук вон плохи. Вот выдержки из протокола врачебного осмотра школ (протокол от 26 декабря 1920 года): напр., школа в дер. Паньсково находится «в наемном помещении — в маленькой избе (8 на 8 арш.), где занимаются 23 человека; тут же живет семья хозяина избы, происходит стряпня, стирка белья»; или — школа в дер. Молоди «в наемном помещении, которое по об'ему (9 на 9 арш.) совершенно недостаточно для 72 учащихся; здесь душно, темно, сыро, нет вторых рам; все ученики жалуются на головную боль» [1]; еще — школа в с. Балдееве, где «второй комплект учащихся занимается в церковной сторожке; здесь очень низкие потолки и настолько темно,

[1] В 1922 году эта школа закрыта.

что дети не могут писать и плохо видят текст, так что почти не читают». Мы ограничимся приведенными цитатами, хотя могли бы привести и еще несколько подобных выдержек. Лишь половина школьных зданий может быть признана удовлетворяющей своему назначению.

Учебные пособия? — Плохо, как я уже и отмечал, говоря о Балдеевской школе. Учебников мало: на 2—3 человека один. Учебники: Флерова — «Ясное утро» (книга для чтения, выпуски для разных возрастов), Дворникова — «В путь-дорогу» (хрестоматия для старшего возраста), задачники — или Комарова или Аржанникова. Больше никаких учебников не употребляется, за исключением Горицкой школы, самой большой, — там имеются еще книги Капелькина и Цингера «Живая и неживая природа». Насчет карандашей и тетрадей — скверно.

С дровами до 1922 г. было сносно. Но с 1922/23 учебн. года средства на отопление, освещение и ремонт школьных зданий должны были быть изысканы на местах; в результате, самая большая школа в волости, Горицкая, начинает в 1922 г. занятия с 22 ноября, так как не было дров, хотя лес и стоит совсем близко. То же было и в других школах.

Заканчивая обзор положения школьного дела в волости, приведем некоторые цифровые иллюстрации, взяв для сравнения четыре года: довоенный — 1913, срединный год революц. периода — 1920 год и два последних года. Получим три маленьких таблички.

№ 1.—Заработок учителя в ржан. единицах.

1913 год	»	30	пуд.	в месяц.
1920 »	»	1	»	»
1923 »	»	$7^1/_3$	»	»
1924 »	»	23	»	»

За 1920 год мы учли и 20 аршин ситцу по местным ценам.

№ 2.—Количество учащихся в самой большой, Горицкой, школе:

1913/14 г.	144	учащихся.
1920/21 „	228	»
1922/23 „	123	»
1923/24 „	130	»

№ 3.—Количество в волости школ, учащих в них и учащихся.

1913/14 г.	»	10	школ	12	педаг.	и	550	учен.
1920/21 »	»	41	»	29	»	»	1050	»
1922/23 »	»	9	»	14	»	»	400	»
1923/24[1] »	»	15	»	21	»	»	756	»

[1] Не следует забывать, что в течение 1923 — 24 учебного года волость была укрупнена. Вследствие этого отчасти и выросло и число школ, и педагогов, и учеников.

При взгляде на цифры учащихся на табл. 2 и 3 бросается в глаза громадный наплыв их в срединный год и падение этой цифры в 1922/23 учебн. году — даже ниже довоенной нормы. Ведь цифра 1.050 говорит, что детей школьного возраста в волости побольше 1.000, а совсем не 400, сколько их было в школах волости за предпоследний учебный год. Куда же девались целых 600 человек? Почему они три года назад явились в школу, а теперь не ходят туда?.. Дело об'ясняется следующими обстоятельствами. Еще в 1919 году по деревням пошли слухи, что школьники будут бесплатно получать — кто говорил: сапоги, кто — одежду, а самые большие оптимисты утверждали «из верных источников», что — и сапоги, и одежду и даже «все прочее». В результате все ребятишки школьного возраста были мобилизованы своими родителями и отправлены в школы. Прирост школьников замечается уже в 1919/20 уч. году — 817 детей. А когда в 1919 году ребята, не получив, правда, сапог, одежды и «всего прочего», все же принесли домой по 5 аршин ситцу, то к следующему, 1920/21, учебн. году и был мобилизован весь школьный возраст волости. Родители толковали:

— Вот ситец выдали. Ведь раньше никогда ничего не выдавали. Наверное сапоги и одежду будут в нынешнем году выдавать.

И с 817 число школьников дошло до 1.050.

Ребята опять получили ситец, но через несколько месяцев появляется декрет (от 15 сентября 1921 года), притягивающий все население к материальным заботам о школе. Вот тут-то и пошли разговоры:

— А на что мне школа — у меня и детей-то нет... И т. д.

Когда на школу стали все-таки собирать и когда платить пришлось все-таки (в бо́льшей мере, во всяком случае) родителям, так как «все население», упоминаемое в декрете, ловко увертывалось от «добровольного самообложения», то количество учащихся за два учебных года слетело на 72%, дойдя до 400 человек — родители стали держать ребят дома, надеясь, что платить на школу тогда придется меньше. И я знаю немало десятилетних ребят, которые еще и не начинали учиться и навряд ли уже попадут в школу.

На этом мы со школой и покончим.

Дошкольное воспитание.

В 1919 году был открыт в волости один детский сад, в котором резвилось до 60 малышей. Ребята проводили там время, по моим наблюдениям, с интересом. В 1922 году детский сад, из-за недостатка в средствах, закрыли.

Внешкольное просвещение.

Каких-нибудь курсов для взрослых или подростков в волости не было. Отдельных циклов лекций тоже не читалось. За первые годы революции населению было прочитано несколько лекций: летом 1917 года — на общественно-политические темы и в 1920 году по вопросу об эпидемических заболеваниях. Лишь за последний год учительство стало читать населению лекции на разнообразные научные темы. Приезжали несколько раз партийные докладчики, главным образом в связи с различными «неделями» (топлива, транспорта, польского фронта и т. д.). В общем, выступления этих докладчиков нельзя назвать удачными, так как ораторы чрезвычайно злоупотребляли в своих речах иностранными терминами — слушатели редко улавливали смысл речей.

В Горицах была до 1923 г. библиотека, основанная еще в 1899 г. На 1 января 1918 г. в ней было книг и брошюр 1½ тыс. экземпляров, через два года — 3.100, а еще через год — 3½ тысячи. Дальше прирост книг прекращается: бесплатного пополнения не поступает, а средств на приобретение книг нет. Состав книг — классики, приложения к журналам «Нива», «Вокруг Света» и пр. Революция дала библиотеке только брошюрки, да пять первых томов энцикл. словаря издания бр. Гранат, где-то реквизированных. Существует со стороны читателей большой спрос на агрономическую литературу, но таковой, к сожалению, почти не имеется в библиотеке. Число читателей растет слабо: в 1917 году было 507 читателей, и прочли они за год 8.120 книг, в 1919 г.— 620 чел., прочли—9.339 книг, в 1920 г.—651 чел., прочли— 9.702 книги. За последние годы цифры почти не двигаются. Летом 1923 года библиотека совсем закрылась, ее решили преобразовать в избу-читальню.

Изб-читален в первые три года революции в волости было до 25. Туда присылались бесплатно газеты («Деревенская Беднота», «Тверская Правда») и брошюрки. Чтениями в этих избах-читальнях никто не руководил, но все же крестьяне читали газеты — особенно в зимнее время (правда, не регулярно, из пятое в десятое). Потом эти избы-читальни совсем ликвидировались, так как бесплатная присылка газет прекратилась. Осведомление о том, что делается на белом свете стало уже совсем из рук вон скверно: знали только то, о чем случайно удавалось услышать во время поездки в город и пр. Учителя, духовенство, советские служащие газет тоже почти не получали — они были не по бюджету. В настоящее время

в волости функционируют две избы-читальни, организованные на новых началах — одна в с. Горицах, а другая в с. Русилове. В Русилове работа идет хорошо: при избе имеется несколько кружков, в которых ведутся интересные занятия. В Горицкой избе-читальне дело идет плохо — все нет подходящего заведывающего. Помимо изб-читален, по волости существует несколько красных уголков, являющихся под'отделами изб-читален. Ведает уголком обычно кто-либо из развитых крестьян. Средства каждого уголка составляются из членских взносов (по 5 коп. ежемесячно) плюс маленькие средства, получаемые от постановки спектаклей. Уголки получают газеты и имеют кое-какие книги.

В 1918 году открыл в волости свою деятельность культурно-просветительный кружок, поставивший за эти годы несколько десятков спектаклей. Репертуар в течение первых лет был совершенно случайный и, за редким исключением, неудовлетворительный. Актеры-любители из местных советских служащих. Теперь с репертуаром лучше — такие перлы театра вроде пьесок «Под башмаком» или «Денщик подвел» совсем не ставятся.

За последние годы в одной из деревень волости, в дер. Федорово появился чисто крестьянский театр. Актеры — федоровская молодежь, пьесы — часто сценки, придуманные самими актерами (конечно, в литературном отношении они подчас бывают довольно неуклюжи). В дер. Федорово вообще молодежь прелюбопытная, непохожая на массовую молодежь волости. Ее с полным правом можно назвать передовой. Она читает газеты, спектакль там дело обыденное, и этого мало — дело осмысленное, не пустая забава. Молодежь сорганизовала в деревне дополнительную школу для тех, кто уже окончил начальную. Девушки из Федорова не стремятся, как в других деревнях, во что бы то ни стало замуж и не тянут визгливые частушки. Многие из этой женской молодежи вступают теперь в комсомол, а более пожилые (с 23 лет) предполагают итти в партию. Четыре из них в начале 1925 г. уже зачислены кандидатками в ячейку РКП (б).

Заключаю настоящий очерк любопытными цифрами, которые — правда, не имея абсолютного значения — все же свидетельствуют о культурности масс.

Частные лица, проживающие в пределах волости, получили по почте [1]:

---

[1] Корреспонденция, получавшаяся на имя различных учреждений, находящихся на территории волости, не вошла в цифры таблицы.

	писем	газет
в 1912 г.	36.724	37.460
» 1918 »	46.862	24.138
» 1920 »	25.458	5.550
» 1922 »	3.684	2.484
» 1923 »	3.028	2.060
» 1924 «	6.182	24.400

Большое, сравнительно с мирным временем, получение писем в 1918 г. об'ясняется присылкою таковых от солдат (эти письма уже в период войны пересылались бесплатно) из воинских частей, а также от наших военнопленных из-за границы — напр., от последних получено 2.058 писем, а послано военнопленным в том же 1918 г.—1.045 писем. Интересно отметить, что в период бесплатной для всех граждан пересылки писем, — а к этому времени относится и 1920 год — писем волость все же получала меньше, нежели в мирное время, меньше на 31%. Об'яснение: в 1920 г. немного народу из волости жило на стороне, — следовательно, с меньшим количеством и переписка велась. С введением же снова платности, корреспондирование против мирного времени резко падает—на 90% (в 1922 г.), на 92% (1923 г.) и на 83% (1924 г.).

Наша таблица указывает нам на грустную картину падения цифры получаемых газет за 1922 и 1923 г.г. В цифру получения газет вошли и те, которые получают учреждения волости. Из последних газеты получает один волисполком. Он получает: «Известия», «Эконом. жизнь» и «Тверскую Правду» — это составит, в круглой цифре, 900 экземпляров в год. Следовательно, на всех жителей волости за 1922—1923 годы остается 3—4 подписчика. Зато за 1924 год отмечается резкое повышение получаемости газет, что об'ясняется, во-первых, окончательною выработкою типа газеты, которая по своему содержанию интересна для крестьян, а по языку понятна для них («Крестьянская Газета», «Беднота») и доступна по цене, и, во-вторых, — широкой пропагандой газеты среди населения. Если мы возьмем цифру получения газет за 1912 год, то она значительно выше соответствующей цифры за 1924 год. Но тем не менее можно смело утверждать, что теперь газета в волости в большой мере читается массой, нежели в 1912 году. Дело в том, что в 1912 году почти все газеты получались у нас не крестьянами, а духовенством, местными торговцами и служащими.

Даю небольшую табличку, которая представляет известный интерес. Она указывает, что именно из периодической печати читается волостью и какое соотношение существует между различными группами получателей газет и журналов.

В декабре 1924 г. различных газет и журналов вся волость получала 341. Они разбивались между подписчиками так:

	Получено:		
	Крестьянами.	Служащими.	Учреждениями.
«Известия»	5	19	3
«Правда» (московская)	2	7	2
«Беднота»	4	20	4
«Молодой Ленинец»	3	3	4
«Безбожник»	6	2	1
«Крестьянская Газета»	65	21	6
«Тверская Правда»	1	8	4
«Тверская Деревня»	21	10	7
Прочих	20	23	25
Журналов	12	8	25
Всего	139	121	81

Индивидуальных подписчиков среди крестьян в 1924 г. стало больше, чем их было в недавние годы. Но все же один подписчик на 18 дворов — это мало.

Положение женщины.

В Москве, в феврале месяце 1925 года, на восьмом году Великой Российской Революции, какой-то чудак профессорского звания читал, как сообщала московская «Правда», лекцию на тему: «Человек ли женщина?».

Я не знаю, из каких отборных идиотов состояла аудитория этого профессора, не знаю, признает ли сам почтенный лектор женщину человеком или же для него вопрос этот пока еще невыяснен, но, во всяком случае, могу сообщить, что мои земляки в нашей глухой Горицкой волости уже давно (может быть, лет 200—300, а то и больше) перестали сомневаться в человечности женщины. Следовательно, московский профессор к нам со своей лекцией может не приезжать — у нас слушать его дураков не найдется.

А вот в Белоруссии, в середине 1924 года, был официально зарегистрирован в районном исполкоме такой документ:

«1924 г., июня 19 дня. Я, гражданин деревни Дубровки, Новосельнянской волости, Калининского у., Ковалев С. П., заключаю нижеследующий договор с гражданкой А. С. Романенко, в присутствии волуполномоченного по работе среди батрачества, тов. Карпекина, на следующих условиях:

1) Я, Ковалев Сергей, обязуюсь Романенко Анну держать у себя, считая своей женой с 1924 года.

2) Я, гражданка Романенко Анна, из'являю свое согласие быть женой у вышеуказанного гражданина, сроком на 3 года.

3) Я, Ковалев, считаю Романенко Анну своей женой и обязуюсь за таковой ухаживать, как именно за своей женой, сроком на 3 года.

Подписи: муж — Ковалев, жена — неграмотная, волуполномоченный по работе среди батрачества Карпекин.

Правильность сего свидетельствует новосельнянский ВИК. Предвика (подпись)».

Документ самый настоящий, даже гербовая марка к нему приложена.

Мы, горицкие, считаем женщину не только за человека, о чем я уже заявил, но и не смотрим на нее так, как на крепостную, которую можно покупать и в работницы и в жены (все вместе — очень удобно) на какой угодно срок, даже на 3 года.

Однако, несмотря на то, что мои земляки-мужчины видят в женщине существо вполне такое же, как и они сами, обладающее, как и они, как будто бы таким же точно правами, не взирая на явный прогресс по сравнению с Москвою и Белоруссией, женщина у нас в волости задвинута все же на какой-то второй план.

Почему?

Конечно, не потому, что она мало работает. К слову сказать, в отношении времени, крестьянка работает не только не меньше, но даже, как показало одно специальное обследование, больше крестьянина. Вот любопытная табличка, рисующая нам распределение времени крестьянина и крестьянки за год в часах [1]:

	Крестьянин.		Крестьянка.	
	в часах:			
1. Труд.				
Производственный и иной труд	2.256		1.926	
Домашний труд	622		2.279	
Ходьба и езда на работу, повинности, сношение с рынком и пр.	356		137	
		3.234		4.342
2. Отдых.				
Бездеятельный отдых и нераспределенное время	1.668		627	
Еда	516		576	
Развлечения	285		261	
Религия	121		173	
		2.590		1.637
3. Сон.		2.936		2.781
Всего		8.760		8.760

[1] Материал, приводимый в таблице, основан на обследовании 82 бюджетов, с учетом времени 228 душ. Эти 228 душ, — крестьяне в 5 уездах Воронежской губ. Работа по обследованию произведена в июне 1923 г.

82 бюджета — это, конечно, страшно, до смешного мало для такой грандиозной страны, как Россия. Но «лиха беда — начало». Начатое товарищем Струмилиным дело (материал для таблицы заимствован из книги С. Струмилина «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922 — 1923 г.», изд. 1924 г.), имеющее первостепенную важность, должно развернуться в ближайшем будущем в ряд широких обследований, что в результате, несомненно, даст много любопытного и поучительного.

У нас в волости женщина работает тоже чрезвычайно усердно — вплоть до пахоты (во время войны, например, когда мужчин угнали на фронт). Но в силу целого ряда бытовых условий, действовавших в течение многих веков, деревенская женщина все же далеко не полноправный член даже в семье, не говоря уже о сфере общественной жизни.

Вот некоторые из тех глубокомысленных рассуждений, которые выявляют обычную точку зрения моих земляков-мужчин на женщину:

— Баба — она баба и есть...

— Одно слово: баба...

— У бабы волос долог, да ум короток...

Пожалуй, это не только точка зрения мужчин, но и многие из женщин на себя смотрят точно так же. Поэтому, когда собирается, например, деревенский сход, а «мужик» (хозяин дома) находится в отсутствии, жена отсутствующего не пойдет на сход представительницею от своего хозяйства. Если есть сынишка, хотя бы лет 13—14, мать посылает его:

— Иди ты, Ванятка, на сход.

— Да я, мамка, лучше в городки. Ты бы сама шла.

— Иди, иди, скаженный! Ты — мужик, а я, чай, баба.

И Ванятка не спорит. Понимает, что если он — «мужик», а мать — «баба», то на сход итти нужно именно ему. Идет. И игра в городки откладывается...

Однако, время берет свое.

В 1924 году Красный Октябрь добрался в нашей волости и до женщины.

У нас появились делегатки.

Правда, о работе среди женщин у нас немного говорили еще года три назад. Но поговорили — поговорили да и кончили. Теперь взялись за дело серьезно, с одушевлением, и, повидимому, толк из всего этого будет.

Каждые 10 домов выбирают одну делегатку. Пока в трех районах волости (в Горицком, Русиловском и Балдеевском) избрано 124 делегатки. Намечается организация и остальных районов.

Ежемесячно в районе устраивается собрание делегаток (уже по пяти таких собраний было в каждом районе). Помимо районных собраний проведено несколько волостных женских конференций. На всех этих собраниях ставился ряд докладов на темы: 1) задачи женщины в советском строительстве, 2) брачное право, 3) охрана материнства и младенчества, 4) роль женщины в кооперации и др.

Кроме волостных конференций и районных собраний устраиваются и более интимные собрания — по селениям (их уже было около 50). Здесь женщины, встречаясь друг с дру-

гом в тесном кругу своих знакомых и товарок, становятся более словоохотливыми и откровенными. И чего-чего не наслушаешься тут о той «тяжелой женской долюшке», про которую так много поется в заунывных русских песнях.

Хотя миновал небольшой срок от начала организационной работы среди женщин, но результаты уже сказываются. Видимые результаты — это участие делегаток в работе сельсоветов, кресткомах и в кооперации (в ревизионной комиссии). Во всех этих организациях занято пока 26 делегаток, при чем, как показывает наблюдение и отзывы, работают они усидчиво и с большим интересом. Но главные результаты, для глаза незаметные, заключаются в том, что женская масса всколыхнулась, взбудоражилась и чувствует, что она стоит на пороге чего-то для себя большого и нового.

Я укажу сейчас на курьезную мелочь, но эта мелочь очень характерна.

Жена «лает» мужа за «приверженность» последнего к самогону:

— Ты у меня «зеньки»-то брось наливать! Теперь из Москвы нам вышло новое бабье право: ежели муж глотает самогон без совести, то с таким разводиться, а хозяйство все отходит на жену. Вы же, такие-то голубчики, на все четыре стороны...

Мужчины — одни, встревоженные мифическим «новым бабьим правом», другие, вследствие консерватизма, — дружным фронтом ополчаются на делегаток:

— Бездельницы!

— Трепалки!

И т. д.

Даже некоторые из женщин же, наиболее несознательные и злобствующие, обещают делегаткам:

— Все ухваты об вас переломаем...

В главе о просвещении в волости я уже отмечал некоторое своеобразие девушек из дер. Федорово, которые тянутся к книге, к театру, к партии. Такая деревня, где это своеобразие выражено резкими штрихами, пока, правда, одна в волости. Но, несомненно, что федоровские девушки, уже с'умевшие поставить себя по особенному даже и в семейном быту, будут теми дрожжами, которые помогут горицкой девушке и женщине преодолеть косность векового уклада, давящего стремление к свободе деревенской женщины.

Я уверен, что даже через один год в женском житье-бытье волости произойдут большие перемены.

Поживем — увидим.

Наши коммунисты, комсомольцы и пионеры.

Нашими коммунистами я называю всех тех лиц из населения нашей волости, которые состояли или состоят в РКП. Из них — часть вступила в партию через местную ячейку, другие стали членами РКП на фронте или в городах. Одни работали в качестве партийных людей тут же, на глазах своих земляков, — в волости или в уезде; остальные — далеко от родных мест. О всех этих лицах я собрал самые подробные сведения — поскольку, конечно, это было возможно. Может быть, несколько человек, сделавшихся партийными на стороне и давно порвавших всякую связь с нашими местами, и остались мною неучтенными. Целью же написания настоящего маленького очерка служит желание выявить тот материал, какой дала РКП наша волость. Я постараюсь ответить на вопросы: когда преимущественно мои земляки собирались под знаменем РКП и когда это знамя покидали и почему его покидали; как работала местная партийная ячейка и пр. Ведь каждая волость — это ручеек, может быть очень незначительный сам по себе, но вместе со многими другими, себе подобными, такие ручейки образуют крупные партийные артерии, слияние которых с более могучими городскими потоками и образуют, в конце-концов, единое русло — Российскую Коммунистическую Партию с ее сотнями тысяч членов.

Сперва приведу нижеследующие таблички.

№ 1.—Из населения волости:

Вступило в РКП				Выбыло из РКП			
в 1917 г.	5	чел.	6%	в 1917 г.	0	чел.	0%
» 1918 »	19	»	28 »	» 1918 »	2	»	4 »
» 1919 »	22	»	32 »	» 1919 »	11	»	25 »
» 1920 »	12	»	18 »	» 1920 »	10	»	23 »
» 1921 »	4	»	6 »	» 1921 »	14	»	32 »
» 1922 »	3	»	5 »	» 1922 »	6	»	14 »
» 1923 »	0	»	0 »	» 1923 »	1	»	2 »
» 1924 »	3	»	5 »	» 1924 »	0	»	0 »
Итого	68	чел.	100%	Итого	44	чел.	100%

Один из товарищей (Н. С. Хорев), вступивший в РКП в 1918 г., работал и до революции с большевиками.

№ 2.—Из числа указанных 68 человек:

крестьян	32 чел.	48%
рабочих	21 »	30 »
других[1]	15 »	22 »
Итого	68 чел.	100%

№ 3.—За выбытием 44 чел. осталось в РКП.:

рабочих	9 чел.	43%
крестьян	7 »	33%
других	5 »	24%
Итого	21 чел.	100%

Рабочие оказались наиболее устойчивым элементом.

№ 4.—Из числа 44 человек выбыло:

добровольно	34 чел.	77%
исключено	10 »	23%
Итого	44 чел.	100%

№ 5.—Из 68 человек:

мужчин	66 чел.	97%
женщин	2 »	3%
Итого	68 чел.	100%

№ 6.—Из 21 члена РКП к 1924 году:

умерло	5 чел.	24%
здравствует	16 »	76 »
Итого	21 чел.	100%

№ 7.—Из 68 чел. образоват. ценз имели:

низший	61 чел.	89%
несколько больший	4 »	6 »
средний	3 »	5 »
Итого	68 чел.	100%

№ 8. Из 68 чел. работало:

в волости или уезде	34 чел.	50%
за пределами уезда	20 »	30 »
не несло общ. раб.	14 »	20 »
Итого	68 чел.	100%

[1] Под «другими» я разумею детей духовенства волости, учительства и пр.

До революции за политические преступления из 68 членов РКП только один понес наказание (администр. высылка и 2 мес. тюремного заключения).

За что были исключены 10 человек? Некоторые — за шкурничество: например, в 1921 году была мобилизация партийных на польский фронт — два члена партии вдруг «заболели»; врачи, призванные к одру «болящих», установили притворство; этих «товарищей», конечно, немедленно изгнали из РКП. Третьего «вычистили» за то, что он оказался бывшим городовым, четвертого — за то, что тот до революции судился за конокрадство. Некоторых исключили за некоммунистическое поведение (пьянство, спекуляция), одного — за должностные преступления.

Почему уходили из РКП? Это один из любопытнейших вопросов.

Вот мой земляк — рабочий, путиловец. В 1917 году по семейным обстоятельствам он оставил завод и приехал к нам в волость. На заводе он был передовым рабочим, ездил в качестве делегата от рабочих с подарками на фронт и проч. Из РКП он ушел в 1921 г., так как в тот момент он был, по его мнению, левее покойного тов. Ленина и не мог переварить «поправения» РКП, вступившей на путь новой экономической политики. Теперь же он открыл в нашем селе лавку и, поскольку может, пожинает плоды новой экономической политики. Так как этот бывший путиловец — человек развитой, то он иногда чувствует себя не совсем удобно и порой изрекает:

— В этом естестве (т.-е. торговцем) мне к путиловцам являться нельзя — прибьют[1]...

Вот другой тип. Человек совершенно несознательный. Дядя его — коммунист и член волисполкома. Дядя приспосабливает к коммунизму и племянника, чтобы дать ему, как коммунисту, местечко служащего в исполкоме. Но вот дядя, про которого дознались, что он был городовым, вылетает и из исполкома и из партии. Племянник тоже уходит из партии — ведь надежда на теплое местечко пропала!

Есть ряд лиц, которые сделались коммунистами на фронте. Демобилизовавшись, иные из них уже не записывались в местную ячейку. Делалось это, главным образом, под влиянием родных, при чем аргументация родственников носила самый разнообразный характер. Мне, например, известны такие аргументы, которые действовали на малоустойчивого коммуниста:

---

[1] Увы, бывшему коммунисту не повезло в роли красного купца — он прогорел и в 1924 году закрыл свою лавку.

— Смотри (говорит отец или мать), вот ты пришел из армии. Баба у тебя уж затяжелела. Скоро и родит. Слышно, что у вас, у коммунистов, крестить-то ребенка нельзя?

— Да, не полагается. Да и к чему? Предрассудок, — довольно бойко отвечает сын-коммунист.

— Дурак! Ты бы подумал со своей башкой: народ в волости весь крещеный, а твой один нехристем будет! Да ведь нас засмеют, на нас пальцем показывать будут. Это еще в городе подходит, где люди в одном доме живут и друг друга не знают, а у нас этакий обычай не годится. Здесь все как на ладоше, — потому и поступать надо всем на один лад.

Или:

— Что тебе в крестьянстве твой коммунизм даст! Может быть, завтра война будет с Англией или там с другой державой. Других-то пока еще призовут, а тебя-то, партийного, в первую голову погонят. Тебе не надоело на фронтах-то быть? Ты там по фронтам шляться будешь, а мы здесь за твою партийность своим хребтом отдувайся — работай на твою семью!..

Вот разные такие родительские или женины «увещевания», повторяемые изо дня в день, переходящие сперва в легкие, а потом и в крупные ссоры, в конце концов достигают своей цели: коммунист-фронтовик превращается в беспартийного крестьянина.

Другая категория покинула ряды партии потому, что «крестьянское хозяйство не позволяет состоять в партии».

Я знаю одного бывшего матроса, энергичного местного партийного работника. Из партии он ушел в 1921 году, вернувшись с врангелевского фронта, куда был мобилизован как партийный. В деревне у него бедное хозяйство, жена и пятеро маленьких ребят. Этот товарищ рассказывал мне:

— Пришел я с фронта. Семья последнюю краюху хлеба доедает. Без меня в хозяйстве произошло много упущений, где же бабе со всем справиться, да ее я, кстати, еще и беременной оставил. Вот такое мое хозяйственное положение, а уком (уездный комитет партии) хотел меня на партийную работу мобилизовать. Подумал я, подумал, — да и ушел из партии, т.-е. пришлось уйти — поправляется он.

Другой, вышедший из партии «из-за крестьянства», поведал:

— Я человек, как вы знаете, небольшого развития. Но все же, по мере сил, кое-что, как партийный, делал. Делал потому, что время позволяло, я с братом не был еще в разделе. В прошлом году разделились мы. Надо было свое хозяйство налаживать. Работать как партийный я уж совсем не могу—

некогда. Надо или в партии быть или свое хозяйство вести. Ну, и решил выйти из ячейки...

Вот трое других. Они служащие волисполкома, в 1919 г. одновременно вступили в РКП (б.), пробыли в ней ровно две недели и вместе ушли из партии. Виновником их вступления в партию был уполномоченный укома, допустивший такую отсебятину:

— Кто хочет служить в исполкоме должен быть партийным!

Тогда, не долго думая, эта троица (один из них — бывший волостной писарь, прослуживший в этой должности свыше 30 лет, другой — бывший бухгалтер одного из петроградских заводов и третий — бывший фельдшер) поспешила записаться в местную ячейку.

— Почему же вы ушли? — спрашиваю я одного из них.

— Причина у всех одна. Сделались мы партийными и думаем: надо почитать Бухарина — книжка-то под руками была. Собрались как-то вечером, начали читать, а там такое по религиозному вопросу написано, что хоть святых из дому выноси! Ну, и выписались — по религиозным убеждениям...

Все эти три лица продолжали и по выходе своем из партии благополучно служить в волисполкоме, потому что как технические работники они были безупречны.

В 1919 году у нас в волости было небольшое восстание дезертиров. Порядок был восстановлен прибывшим отрядом красноармейцев. Но до прибытия отряда дезертиры устроили облаву на местных коммунистов, и последним пришлось скрываться где попало. После этого восстания двое товарищей, опасавшихся за свою жизнь, вышли из партии.

Один товарищ, вступивший в партию в 1919 году, в 1920 году, будучи председателем уездного исполкома, вышел из партии по мотивам невозможности для него подчиняться некоторым требованиям партийной дисциплины.

Зная внутренний удельный вес всех своих земляков, побывавших за эти годы в рядах РКП, я, человек непартийный, должен все же засвидетельствовать, что ушли наиболее легковесные [1], которые записывались в коммунисты или желая использовать партию для своих корыстных целей, или — «страха ради иудейска» (уход после восстания), или — малоустойчивые, которые, может быть, и могли бы быть недурными партийными работниками, но обязательно в среде, густо насыщенной коммунистами, — на заводе, в полку и пр.

[1] За исключением одного товарища — Н. Г. Дмитриева.

В заключение два слова о нашей волостной ячейке РКП (б).

Численный состав ее в 1918 г. был 18 человек (остальные коммунисты нашей волости числились в других ячейках), потом он дошел до 33 человек, а к средине 1923 г. снизился до 4 человек. Члены ячейки в 1923 году: пред. волисполкома, судья, начальник милиции и казначей волисполкома[1]. В 1924 г. членов ячейки было уже 15 человек, при чем 3-х членов дал ленинский призыв (в ленинский призыв заявлений о желании вступить в партию было 10, но уважено из них было только 3).

Как в 1924 г., так и за прошлое время, члены ячейки, занятые служебными обязанностями, никакой специальной и планомерно проводимой культурно-просветительной работы в волости не вели (отдельные эпизодические выступления в счет не идут).

— Не было времени и не было соответствующих сил, — говорят члены нашей волячейки.

Пристально присматриваясь к коммунистам нашей волости в течение ряда лет, я должен сказать, что какой-либо особой популярностью среди населения волости они не пользуются[2]. Отношение к ним равнодушное: «есть они — ладно. не будет их — тоже ладно».

Почему же так? Идет восьмой год со дня Октябрьского переворота, и вдруг — «и так ладно и этак ладно!».

Причины отмеченного явления просты и ясны.

Коммунисты моей волости не связаны с массами. Они — начальство, которое полагается всегда слушать, иногда — бояться. Но — и только.

Коммунист всегда имеет какую-либо должность, получает жалованье и норовит уже за плугом не ходить. А как плуг оставил, то ты уже не крестьянин, не свой брат-мужик.

Крестьянин—он прежде всего хозяин. Добиться действительного доверия и настоящего уважения местный коммунист может у крестьянства только тогда, когда этот местный коммунист ведет свое собственное хозяйство не через пень колоду, а образцово. Я совершенно уверен, что если бы только один коммунист из всей горицкой ячейки поставил свое собственное хозяйство на должную высоту, об этом скоро узнали бы не

[1] Начальник милиции и судья не из состава населения нашей волости. Я в своем очерке учитываю только крестьян нашей волости или давнишних ее обывателей. Коммунистов же не из местных людей за все эти годы было у нас человек 5, не больше.

[2] За исключением тов. О. И. Вороновой. Но тов. Воронова вступила в партию лишь в конце 1924 г. Она завоевала себе популярность еще раньше, как школьный работник.

только в волости, но и за ее пределами. И коммунисты приобрели бы необходимый им вес. И ячейка стала бы руководительницею общественного мнения в волости, чем она до настоящего времени не является.

Крестьяне, возвращаясь с какого-либо собрания, где кто-нибудь из коммунистов «по долгу службы» бойко призывал поднимать сельское хозяйство, справедливо замечают:

— Чем на словах призывать, взял бы плуг в руки да и показал, как лучше надо делать. Если у меня родится на десятине 50 пуд. ржи, а у оратора уродится 60 — я поверю ему и буду по его образцу поднимать хозяйство. Образец нужен, а не слова.

Деревенский коммунист должен не отрываться от своего хозяйства в погоне за советским жалованьем, и не вести хозяйство спустя рукава. Надо непременно сочетать общественную работу с хозяйничаньем.

У нас в волости за весь период революции не было ни одного коммуниста, который был бы заправским хозяином, а коммунистов скверных хозяев было не мало, даже больше, чем нужно. Отсюда — и отсутствие связи с массами и равнодушное отношение к коммунистам...

Теперь поговорим о комсомольцах.

До 1924 года у нас в волости не было комсомольцев. Так как эта организация только-только народилась, то крестьяне имеют о ней довольно смутное представление.

Один односельчанин спрашивает меня:

— Скажи, пожалуйста: что это за партия—комсомольцы?

Об'ясняю.

— Так, так... Это значит те, которые в Горицах в мячик ногами играют?

В вопросе чувствуется ирония. Поэтому, считаю необходимым оправдать «игру в мячик ногами»:

— Игра в мячик ногами — эта игра по-английски называется футбол. И у нас ее так называют. Пускай молодежь играет в футбол — плохого тут ничего нет. Ведь сам знаешь, что делают парни в свободное время — горланят похабные частушки под «тальянку».

— Что говорить! Знамо, лучше уж в этот... как его там, мячик-то ногами — благожелательно соглашается сосед.

Когда же я рассказал, что комсомольцы вот недавно два утра косили бесплатно у бедных крестьян, что они собираются иногда и читают вместе газеты и книжки, что они даже сами раз в месяц составляют рукописную газету, которая вывешена в чайной потребительского общества, мой собеседник выразил свою большую симпатию молодой организации.

Хочется, чтобы комсомольцы наши снискали популярность и любовь населения волости, поработав над преобразованием ее подчас совсем дикого быта. А над бытом, действительно, надо много и много поработать. Взять хотя бы поведение мужской молодежи в праздники: парни перепиваются самогонкой, матершинничают на каждой фразе, орут отвратительные, мерзкие по содержанию песни, грубо и глупо куражатся над девушками и пр. И поэтому страшно жаль, когда наблюдаешь, как драгоценная энергия юного, только-только встающего еще на ноги об'единения молодежи тратится зря: так, часть комсомольской газеты посвящена склоке; на селе комсомольцы враждуют с молодежью, не вошедшей в комсомол, при чем в отношении некоторых лиц враждебное настроение выливается в совершенно некорректные формы — напр., на общедоступных танцовальных вечерах, происходящих в Народном доме после спектаклей, когда танцуют комсомольцы — играют на пианино; стоит начать танцовать одному из тех, с кем враждуют комсомольцы — музыка умолкает и танцы замирают. Так много работы в деревне и так досадно за все эти мелочи, воспитывающие только мелочность.

Нехорошо также выступали наши комсомольцы по линии борьбы с религиозными предрассудками: в пасхальную ночь 1924 года, когда вокруг горицкой церкви двинулся крестный ход, комсомольцы пытались сорвать его пением «Интернационала». Сорвать не сорвали, а скверное впечатление от этой выходки у крестьян оставили. Впрочем, и сами комсомольцы и ячейка РКП (б) скоро осознали ненужность и вредность подобных выпадов против религии...

К осени 1924 г. комсомольцев в волости было не больше 50, а к январю 1925 года число их удвоилось. Среди комсомольцев девушек имеется всего лишь 5...

В сентябре 1924 г. появились в волости и первые пионеры. Первый отряд организовался в с. Горицах из 15 человек. Привычный для глаза горожанина красный галстучек замелькал и в нашем глухом углу. К концу года число пионеров дошло до 52, из них форпост в 20 человек возник сперва при школе в с. Балдеево, а в начале 1925 г. еще в двух школах волости.

Крайне любопытно отметить, что крестьяне напряженно следят за пионерским движением, и один неверный шаг в этой области может скомпрометировать среди местного населения все дело. Один крестьянин говорит:

— Чтобы эти пионеры не сделались шпионерами. Вон один горицкий пионер пошел и заявил куда следует, что его отец самогонку гонит. Таких шпионеров-пионеров нам не надо.

Я не имел возможности проверить, имел ли место факт, указанный крестьянином, но само собою разумеется, что пионерское движение должно и будет развиваться совсем в иной плоскости.

В отношении комсомольства и пионерства в волости пока что положен, как говорится, почин делу. Те или иные итоги в этой области можно будет подвести разве что через год.

Песни.

В деревне трудовые дни перемежаются днями веселья. Веселится деревня в разное время года и по разным поводам. Конечно, молодежь веселится и чаще и шумливее, нежели пожилые люди.

В дни веселья поются песни — старинные песни и просто старые, и песни, сложенные за последние годы.

Старинные песни теснее всего связаны со свадебными обычаями. Их поют в девичник, справляемый накануне свадьбы, и в самый день свадьбы. Большинство из них не местного происхождения и уже записаны собирателями песен. К числу этих песен относится песня «О серых гусях и лебедушке», начинающаяся так:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садика зеленого —
Тут летит стадо гусиное,
А другое лебединое... и т. д.

Или песня «О русой косе»:

Растопляйся, красна банюшка,
Разгорайся, жарка каменка!
Порасплачься-ка ты, Манюшка [1],
Об своей ли русой косыньке... и т. д.

Нижеследующую песню приведем целиком. Нам кажется, она нигде не записана. Ее поют, как и две первые, в девичник, когда у невесты нет, напр., отца:

Течет речка, не колышется, —
Сидит Маня, не усмехнется.
На что же ей смеятися?
На что же радоватися?!
Собрались гости, соехались,
Только нет одного гостя, —
Что родимого-то батюшки,
Михаила Ивановича!..
Дорогой ты братец-батюшка,
Николай да Михайлович!
Поди-ка ты во конюшенку,

[1] Здесь ставится имя невесты.

Оседлай-ка ворона коня,
Поезжай-ка ко божьей церкви,
Приударь-ка в большое колоколо,
В большое колоколо заунывное.
Расступися, мать сыра-земля!
Расколися, гробова доска!
Ты восстань-ка, родный батюшка, —
Нарядить-то меня есть кому,
А благословить-то некому...

В день свадьбы поют короткое величание — сперва жениху и невесте, а потом и всем другим супругам, присутствующим на свадебном пиру. Каждая пара за пропетое величание что-нибудь платит девушкам.

Вот слова величания:

Ты, дубовый стол, постукивай!
Николай, государь, послушай,
Михайлович, догадайся —
Ты за Манюшку постарайся.
А ты, Манюшка, покорися —
Ты Николаюшке пониже поклонися...

Из песен, сложенных до революции, поются и длинные песни и коротенькие — частушки и пригудки. Из длинных песен распеваются: «Стенька Разин», «Меж полей широких я как лен цвела», «Смело, товарищи, в ногу!», «Пора нам, друг, расстаться!» и др.

Из революционных песен, указанная мною — «Смело, товарищи, в ногу» — пользуется большой популярностью. Года два назад распевали «Марсельезу», теперь ее здесь не поют — из моды вышла. «Интернационал» поют редко: мало кто знает слова, да и мотив довольно трудный.

Из множества записанных у меня частушек, сложенных до революции, привожу 25; 17 из них говорят о переживаниях девушек, а 8 — о житье-бытье парней.

1. Наше поле с вашим рядом, —
Наше плодороднее.
Все ребята хороши, —
Милый благороднее.

———

2. Говорят я некрасива, —
Красоты мне не купить.
Не красива, да счастлива, —
Меня так будут любить.

———

3. Запевай, подружка Маня,
Я не буду запевать.
За мое за ретивое
Что-то стало задевать.

———

4. Дорогой, у нас с тобой
Серьезно получилося:
Была бы горячая любовь,
Теперя изменилося.

5. Все бы песенки я пела,
Все бы веселилася, —
Кабы прежняя любовь
Назад бы воротилася!..

6. Ты сыграй повеселей,
Дорогой кровиночка,
Чтоб от сердца отвалилась
Горя половиночка!

7. Я не верила подружке,
Что подружке дружка жаль.
А теперь и я поверю —
Подошел со мной случай...

8. Все соперницу ругают —
Я соперницу хвалю:
Гуляй, соперница, с кровиночкой,
Тебе совет даю.

9. Сердце ныло, сердце ныло, —
Теперя успокоилось:
С кем душа моя желала,
С тем я познакомилась.

10. Кабы в эту воду меду —
Вода бы сладкая была.
Красоты бы мне побольше —
Я бы славная была.

11. Не богатого я дома,
Не почетного отца.
Еще больше я горюю —
Некрасива лицом я.

12. Некрасивой я родилась,
Некрасива я и есть.
Некрасивую я молодость
Не знаю как провесть.

13. Ты, хорошенький кровиночка,
Изменой не стращай —
Спустя времячко маленечко
Сама скажу «прощай»!

14. Дорогую рыбу ела —
Дорогого судака.
Всю я зиму канителила
Такого дурака!

15. Не форси ты, мой хороший, —
Не останься в дураках —
Много-много такой швали
Перешло в моих руках.

16. Про измену мне сказали, —
Ленту желтую вплела.
После этой я измены
Еще лучше завела.

17. Какая у кровочки рубашка,
Такую кофточку сошью:
Он скорее догадается,
Что я его люблю.

18. Меня били-колотили
В два цепа, четыре гири,
А я, мальчик, не дрожал —
Поскорей вынул кинжал.

19. Нас и хают и ругают —
Мы и хаяны живем.
Мы и хаяны-отчаянны
Нигде не пропадем.

20. Прощай, тятенька, и маменька,
И братец дорогой!
Наградили меня, мальчика,
Чужою стороной.

21. Эх, играй, гармошечка,
Времячка немножечка —
Тебя, гармошку, продадут
Меня в солдаты отдадут.

22. Что, гармошка, не играешь —
Или втору в тебе нет?
Что ты, милка, не встречаешь —
Или дома тебя нет?

23. Эх, играй, гармонь моя, —
Сегодня тихая заря.
Сегодня тихая заря —
Услышит кровочка меня.

24. Все листочки и кусточки
В сентябре завянете.
Отдадут меня в солдаты —
Девушки, вспомянете!

25. Эх, милашечка моя,
Поднимается война.
На войну меня угонят —
Ты останешься одна...

Песни, порожденные революционной эпохой, — это исключительно частушки. Других я не слыхал. Частушка, как зеркало, отражает в себе все явление как местной деревенской, так и нашей общероссийской жизни. Здесь и любовь девушки, и война, и тяжелое состояние армии, и белые, и дезертирство, и местное восстание дезертиров, и налоги, и моды, и контр-революция, и кронштадтские события, и самогонка, и многое другое. Тон частушки то спокойный, то беззаботно, а иногда и злобно-насмешливый, веселый, сердитый, злопыхательный и пр. Не всегда можно определить, какие из этих частушек являются продуктом местного творчества, какие — занесены извне. В частушке слышны голоса различных социальных групп: здесь и сочувствующие Советской власти и ненавидящие ее. Из множества записанных мною новых частушек я приведу здесь наиболее характерные.

Когда на горизонте появлялись белые — Юденичи, Деникины и др. — деревенская контр-революция распевала:

На елке иголки качаются
Советская власть кончается.

———

Я на бочке сижу,
А под бочкой — мышка.
Скоро белые придут, —
Коммунистам крышка.

Но белые не приходили, а отходили. Тогда контр-революция пыталась соблазнить деревню «сладеньким»:

Советская власть —
Баба квасу напилась.
Хоть бы худенький царек, —
Пили б с сахаром чаек!

Однако, и на такую приманку, как чаек с сахаром, «не клевало». Контр-революция принимается глумиться над красной армией, которая, действительно, была в очень тяжелом положении около 1919 г.:

Сидит Ленин на березе
Держит серп и молоток,
А его товарищ, Троцкий,
Гонит роту без порток.

— и высмеивает тяжелое положение городских рабочих в первые годы революции:

Ходит Ленин по деревне
С красной сумкой на боку:
«Вы подайте, ради бога,
Пролетарскому полку».

———

Ленин Троцкому сказал:
Пойдем, Троцкий, на базар,
Купим кобылу карую —
Накормим пролетарию...

Когда в местном исполкоме происходили перебои с выдачей пайка, контр-революция науськивала, при чем слышались в этом науськиваньи ноты самого бесшабашного анархизма:

В комитете хлеба нет.
Чем народ питается!
Мы Некрасова [1] зарежем,
А Рычков [1] удавится!..

Бога нет, царя не надо.
Комиссаров разобьем,
Красну армию разгоним —
Муку сами мы возьмем!

Когда милиция подкарауливала по дорогам спекулянтов с хлебом и отбирала хлеб (к сожалению, не всегда сдавая его в исполком) спекулянтский лагерь пел:

Коммунисты черти-черти,
Коммунисты дьяволы!
Выходили на дорогу —
Спекулянтов грабили.

Красная армия, как я уже сказал, в свое время переживала тяжелое положение — голодала, была полуодета. Честно выполнять свой тяжелый красноармейский долг и продолжать нести службу в армии было не каждому по плечу. Многие дезертировали. Появились дезертиры и у нас в волости. Их переписывали, ловили:

Приехал комиссар —
Дезертиров записал.
Они не являются—
По беседам шляются.

Дезертиры, дезертиры!
Дезертирам горюшко:
Красна гвардия в деревню —
Дезертиры в полюшко...

Дезертиров становилось все больше и больше. Они смелели и хвастливо пели по адресу ловивших их отрядов:

Товарищи, товарищи,
И мы не хуже вас —
У нас ножички наточены,
Товарищи, для вас!

Наконец, в 1919 году, в волости вспыхнуло восстание дезертиров. Под деревней Вереинкой произошел бой между

[1] Представители власти в волости.

силами дезертиров, числом до 400 человек, и красноармейским отрядом в 35 человек. Дезертиры были разбиты и бежали. Девушки насмешливо запели:

Как в Горицкой волости
Происходят новости:
Под Вереинкой идет бой —
Дезертиры все домой!..

Девушки продолжали высмеивать дезертиров:

Купи, маменька, на кофту
Красного мне кумачу —
С коммунистом гулять буду,
С дезертиром не хочу.

Мне купили кофту белую
И сказали: «не марай».
Еще раз мне повторили:
«С дезертиром не гуляй».

А вот девушка, полюбившая коммуниста, горюет:

Коммуниста любить —
Надо переродиться:
Надо в церковь не ходить,
Богу не молиться...

С коммунистами гулять —
Надо выраженья.
Болит сердце, болит грудь,
В голове круженье.

Осмеиваются брюки-клёш, в которых щеголяют здешние франты. А так как клёш первоначально культивировался матросами, среди которых особенно много коммунистов, то последним и достается:

Коммунисты, коммунисты,
Что наделали!
Бабьи юбки на клеш
Переделали!

Попадает матросам за кронштадтское восстание:

Ах вы, клешнички,
Что наделали!
Были красные,
Стали белые!

Из соседней деревни в местную ячейку записывается пастух, скоро исключенный из ячейки. Запели:

Ах вы, шали, мои шали,
Зеленые кисти!
Раньше были пастухи —
Теперь коммунисты!..

До введения единого налога существовало много мелких. Собирали: рожью, картофелем, маслом, яйцами, шерстью, мясом и пр. Это многообразие, соответствовавшее определенному историческому моменту, раздражало крестьян, и те, случалось, отказывались от уплаты, подозревая местную власть в «придумывании» налогов. Вот такой эпизод, отмеченный в двойной частушке (частушка «с ответом»):

К нам приехал Свистунов [1],
Говорит нам ясно:
«Привозите в комитет
Яйца и масло».
А крестьяне отвечают
Тоже очень ясно:
«Вам не будет в комитет
Ни яиц, ни масла» . . .

Ныне контр-революционная частушка вымерла в деревне, так как отпали питавшие ее настроения.

Когда в деревне закипело «самогонное дело», появились и соответствующие частушки:

Едет Ленин на телеге,
Я за ним в догонку:
Разреши, товарищ Ленин,
Выгнать самогонку.

Мне хотели запретить
Самогоночку не пить.
Какие запретители —
К чорту не хотите ли!

Самогоночку варила,
Самогоночку гнала.
Сама в Кимры отвозила —
Спекулянточкой была!

Я у милого была —
Пила самогонку.
Я простую не пила —
Пила перегонку . . .

В 1924 году в волости народилось комсомольство. Частушка встретила его приветливо:

Меня маменька ругает
Что я богу не молюсь,
А я маменьке сказала:
Комсомолкой запишусь.

Мой залетка комсомолец
И я перменилася —

[1] Представитель местной власти.

Две недели с половиной
Богу не молилася.

———

Уговаривал залетка,
Уговаривал дружок —
Запишися, дорогая,
В комсомольский во кружок.

———

Я, мальчишка, записался
В комсомольский во кружок.
Буду зиму просвещаться,
А на лето — пастушок.

———

В комсомолки записаться
Мама не позволила.
Я залетку своего
Только опозорила.

———

Деревенские девченки
Нигде не пропадут:
Они читать, писать умеют —
В комсомолочки пойдут.

И много других песен-частушек, под взвизгиванье фальшивящей «тальянки», высокими голосами выкрикивают деревенские девушки и парни (здесь не напевают, а именно выкрикивают — такая уж манера петь).

———

Религия, церковность, духовенство.

Помню, когда в девятьсот пятом или шестом году мне приходилось говорить с моими земляками на политические темы,— они слушали меня охотно. Земляки с интересом входили в детали той «хитрой механики», при помощи которой господствующие классы, дворянство и буржуазия, опутывали «узами неудобоносимыми» городской пролетариат и беднейшее крестьянство. Бывали иногда лишь некоторые неловкости, когда не совсем почтительно коснешься непосредственно «особы» его величества. Тут кто-нибудь из пожилых мужиков, смотришь, и заметит:

— А ты бы того... полегче... Он, государь-то, может, и не знает про все эти дела. Его тоже, может, обманывают...

Но, в конце-концов, не только пожилые, — про молодняк и говорить нечего, — но даже и старики соглашались, что, пожалуй, царь-батюшка уж и не так прост, как кажется на первый взгляд, что скорее он с «ними», а не за «нас».

Про «политику» говорить можно было, и слушали, повторяю, охотно. А вот, если заведешь речь о религии, — тут твоя аудитория настораживалась, и, минуту назад расположенные в твою пользу, собеседники твои как-то внутренне подбирались, хмурились и угрюмо роняли:

— Насчет этих делов ты, брат, перестань. Не нами установлено, а стариками. Ты вот о политике толкуй, а про религию не моги...

Так тогда думали у нас в деревне, и по всему видно было, что так думали крепко.

Бывал я в воскресенье за обедней в церкви. Церковь — почти полна народом. По правую руку — мужики и парни, по левую — бабы и девицы. Правда, усердно молились или те, кто был в годах и кому, поэтому, предстояло в недалеком будущем предстать «перед страшным судилищем Христовым», или же те, кто был «при капитале» и надеялся его еще немножко «приумножить». Девицы — те больше занимались демонстрацией своих нарядов. Парни же на девушек засматривались. Ну, а мелюзга—та попросту норовила шалить, и только усердно раздаваемые со стороны старших подзатыльники и щелчки внушали ей «страх божий».

Священники у нас бывали разные. Были и трезвые, степенные, пользовавшиеся уважением своей паствы. Попадались и такие горькие пьяницы, которые, при обходе с молебнами деревень, где были праздники, теряли напрестольный крест. Одного помню — так он не только был пьяница, но и ужасный драчун: напьется и лезет с мужиками в драку. Мужики терпели, деликатничали, а потом начали «молотить» своего пастыря — и пастырь стал не так дерзок на руку... Одни священники были очень хозяйственными и даже промышляли отдачею денег взаймы — под хороший процент, конечно, и под верное обеспеченье. У других, наоборот, хозяйство как-то не клеилось... Но так или иначе, а «батюшка» сам за сохою не ходил, всю церковную землю, которой он пользовался, обрабатывал наемным трудом. Скотина на дворе у священника была откормлена — ей перепадало немало хлеба от изобилия, собираемого с пасомых в Петров пост, в успенский, в великий и проч...

Наступила революция 1917 года. Один революционный год шел за другим. Под влиянием необычайных событий и реальных условий нового быта духовный облик крестьянина менялся. В его сознании и даже в подсознательной области его бытия происходили какие-то сдвиги. Многое из прежнего идейного богатства его летело куда-то в пропасть. Выкристаллизовывались какие-то новые идеологические ценности. Описать сейчас этот процесс духовного перерождения крестьянина, мне кажется, пока еще невозможно. Рано. Процесс этот, можно сказать, почти только начал обозначаться. Как он будет протекать, во что выльется — покажет будущее. И от тех, кто х о ч е т делать будущее, в этом отношении многое зависит. Этого не следует забывать.

Когда именно сформируется окончательно новый духовный «тип» крестьянина, мы не знаем, но, во всяком случае, крестьянин уже и теперь во многом по-иному, чем прежде, реагирует на то, с чем ему приходится сталкиваться. Есть новые черты и в его отношении к религии, к церковности, к духовенству. Эти новые черты иногда с трудом вылезают из всякой тины привычного, прежнего. Нарастанию нового мешает человеческая косность, особенно сильно выявляемая именно в крестьянском быту. Подчас новое принимает такой облик, что невольно становишься втупик и недоумеваешь: действительно ли это новое или же давнишнее-давнишнее, почти архаическое?

С лета 1922 года в церковной жизни произошел целый ворох всем известных перемен: патриарх Тихон удалился «на покой», появились разных оттенков обновленцы; Тихон попал

под арест и был привлечен к ответственности за контр-революционные деяния, потом Тихон покаялся перед Советской властью в своих прегрешениях и был освобожден; затем обновленцы начали ссориться друг с другом и т. д.

В Ленинграде — и зимою 1922 г. и в первую половину 1923 г. — было немало лекций и диспутов по церковным и религиозным вопросам. Правда, на заводах мало интересовались этими вопросами, но часть интеллигенции и буржуазного типа публика валом валила и на лекции и на диспуты.

Всю зиму 1922—23 года я жил в Ленинграде и, сознаюсь, на диспуты и лекции по религиозным вопросам ходил, и отнюдь не жалею: обогатился большим количеством любопытнейших наблюдений. Под впечатлением все же крупного интереса части ленинградской публики к делам церковным, я решил, отправляясь в 1923 году в свою деревню на сенокос, заехать обязательно в Москву, чтобы там побеседовать и с патр. Тихоном, и с митрополитом Антонином (руководитель группы «Возрождение»), и с прот. Красницким («Живая церковь») — хотел узнать церковные новости, так сказать, из первых рук и, по приезде в деревню, поделиться ими с моими земляками — я был совершенно уверен, что они горячо интересуются тем, что переживает православная церковь или, пожалуй, вернее — церковные верхи.

Побывал в Москве, повидался с иерархами и с целым коробом самых свежих церковных известий, приехал в деревню.

Спрашиваю:

— Ну, что у вас тут говорят о Тихоне? .. И вообще вы здесь за кого? ..

— Ты о каком Тихоне?

— Да о патриархе.

— А что с ним?

— Как что? .. Разве не слыхали, что он 16 июня (1923 г.) написал свое покаянное заявление председателю Верховного Трибунала, что его уже освободили из-под стражи — ну, и все такое прочее?!.

— Ничего не слыхали.

Мне даже не верится. Однако, продолжаю свой допрос:

— Ну, а вы сами-то за кого? За Тихона или за обновленцев? А если за обновленцев, то за каких именно: за Возрождение, за Живую Церковь или же за Союз древле-апостольских общин?

— И обновленцев твоих не знаем.

Я искренне удивляюсь:

— Да что вы! Там, на церковных верхушках, сейчас кипит бой не на живот, а на смерть. Один лагерь кричит, что

верующие всей России с ним, другой — утверждает обратное. С кем же вы?!. Если вам что-нибудь неясно, я могу прочесть доклад о том, что происходит теперь в области церковной жизни.

— Мы ни с кем. Мы сами по себе. А насчет доклада,— спасибо, но не стоит тебе трудиться, пускай их «паны дерутся». Ты лучше расскажи, если есть желание, что слышно о продналоге: меньше или больше будет, чем в прошлом году? Кстати, не слыхал ли, проезжая через Кимры, почем соль — вся вышла, надо ехать за ней...

По правде говоря, я обескуражен, но все же считаю долгом себя утешить:

— Это низы верующих. Поговорю-ка я с «отцами».

Встречаюсь с представителями духовенства (у нас в волости семь приходов).

Они осведомлены очень слабо о том, что делается на «верхах»: знают, что Тихон освобожден, что он служит — и больше ничего. Даже все то, что писалось по церковному вопросу в «Известиях», им неизвестно, так как газеты духовенством не выписываются — дороги. Правда, есть возможность и бесплатно почитать газеты, хотя бы в волисполкоме, который получает три газеты, но, повидимому, и у духовенства нет горячего интереса к тому, что творят их архипастыри разных оттенков.

Задаю вопрос:

— Вы кому подчиняетесь?

— В.Ц.У. (Высш. Церк. Управл.).

— Ну, а симпатии ваши: В.Ц.У.?.. Тихон?.. Антонин? [1].

Духовное «лицо» осторожно осведомляется:

— А вы сами как?

— Я в этих делах швах.

— Мы пока нейтралитет держим. Кто победит — увидим. Тогда и выберем. Поспешность полезна лишь при ловле блох, — наставительно замечает «батюшка».

— Ввели вы новый стиль? Что у вас нового в обиходе церковных служб?

— Стиль у нас старый. И в службах все по старому.

Итак, ни у сельского населения, ни у сельского духовенства нет ни малейшего интереса к тем разногласиям, о которых наперебой толкуют кучки верующих горожан и их вожаки.

---

[1] В июле 1923 г. митр. Антонин, принявшийся разоблачать некоторых обновленцев, был извержен из В. Ц. У., председателем которого он был, — поэтому Антонин и противопоставляет мною В. Ц. У.

Захожу в церкви... Пусто-пусто... Одинокие фигуры старух и две-три женщины помоложе. И это не в будние дни — в будни служб церковных в деревне не бывает.

Навожу справки у священников:

— Много народа бывает в церквах?

— Какое! Совсем перестали ходить. Только женщины еще заглядывают, а то хоть церковь закрывай.

— Почему же так? Ведь раньше ходили?

— И усердно. Кто знает, почему так случилось? Времена, надо полагать, изменились. Вот молодежь — та прямо говорит: бога нет. А мужики постарше — те вроде уж стесняются свое усердие к богу показывать.

— Что значит: «времена изменились»? Вы об'ясняете все же как-нибудь то, что происходит?

Священник мнется:

— Конечно. Сами знаете: религию гнали, над религией насмехались.

— Допустим, что вы правы. Но, ведь, испытания смущают лишь маловеров, а веру верующих закаляют. Где же они, эти верующие крепко и до конца? Ведь, «претерпевый до конца спасен будет». Где эти жаждущие спасения?

Священник (и не один мне в этом признавался) машет рукою:

— Что говорить! Все оказались маловерами. Стадо разбежалось...

В деревне народ перестал ходить в церковь. В некоторых приходах нашей волости [1] церковные службы (обедня) совершаются не каждое воскресенье:

— Расход на масло, расход на ладан, а в церкви только я да псаломщик, молящихся же — никого, — этими причинами об'яснял мне священник отсутствие воскресных служб.

Если кем церковь и поддерживается еще в деревне, то это — женщинами.

Вот характерная сценка.

Июль, 1923 года. Надо регистрировать в уездном отделе управления религиозные общины. Необходимо самое меньшее 50 человек, которые выразили бы, в письменной форме, желание составить общину, т.-е., попросту говоря, взять на себя юридическую ответственность перед государством за сохранность передаваемого им в пользование церковного имущества; только при этом условии приходский храм может функционировать. И вот мужики уперлись, — не записываются в члены общины, не желая нести никакой материальной от-

[1] Напр., в Новоникитском приходе, в составе которого и моя деревня.

ветственности за имущество храма. На собрании, созванном в здании церкви священником, открыто говорят:

— Зачем нам церковь? Молиться можно везде. Если захотим, и в трактире помолимся.

— Спасибо бабам, — вспоминает священник, — те застыдили мужиков. «Прячьтесь, — говорят, — за наши юбки, а мы не допустим, чтобы храм божий был закрыт. Подпишемся». Ну, и подписывались, главным образом, бабы...

Я уже сказал, что наследие прошлого изживается не скоро, и часто черточки нового заслоняются чем-то давнишним-давнишним. Деревенский народ, можно сказать (за небольшим исключением), в церковь не ходит, а однако ни один из семи храмов моей волости не закрыт. Случилось — от одного прихода священник отказался, перешел в один из приходов соседнего уезда. И что же? — Приход не пустует, рядится новый священник. И здесь уже на сцену выступают не бабы, а мужики — они рядят.

Я допытываюсь:

— Вот вы в церковь не ходите, религию критикуете, — зачем же вам священник? Ушел прежний, ну и оставайтесь без священника!

Отвечают:

— Видишь ли, какое дело. Религия не нами начата, — так, как же мы ее бросим?! Кругом нас все будут креститься, венчаться, отпеваться, а мы без всего этого?! Таких делов пока еще нигде не слыхать в нашей округе. — Что же мы первыми что ли будем?..

А вот другая группа моих земляков, которых я спрашивал о том же, т.-е. зачем они приглашают в свой пустующий приход нового священника, если испытывают, против чего они и сами не спорят, известное охлаждение к религии; эта группа развила передо мною такую точку зрения довольно своеобразного «экономического материализма»:

— Если у нас не будет священника, власть решит, что нам церковь совсем не нужна и вдруг отдаст распоряжение сломать церковь, чтобы кирпич пустить в дело.

— И прекрасно.

— Совсем, брат, не прекрасно. Приходский храм наш строился при дедах. Они, из усердия, и кирпич возили, и известь, и камни и все прочее. Да и на украшение храма жертвовали не мало, и отцы наши жертвовали, и мы сами тоже, по мере сил, поддерживали церковь. Значит, по всей справедливости, все это (жест в сторону виднеющегося храма) наше. А если власть определит ломать, да и все это увезет от нас, может быть, еще в другую волость увезет — в кирпиче-то, сам знаешь, в здешних местах нуждаются вот как — с чем же мы

останемся? Выйдет, что свое собственное добро проморгали?! Лучше попа наймем, а свое кровное не упустим...

Я упомянул, что священника рядят. Он уже не присылается, как прежде, епархиальным начальством, и прихожане — хочешь не хочешь — должны его принимать. Именно рядится, рядится на сходе, на котором решаются все мирские деревенские дела.

Мужики выспрашивают у кандидатов на священническую вакансию:

— Велика ли у вас семья?

И если семья оказывается большой, то сход прикидывает: значит, расход у священника большой, следовательно, за требы будет брать дорого — приходу трудно придется.

И предпочитают малосемейных кандидатов.

Рядятся о всем, до мелочей включительно. И все пункты «ряда» облекают в форму мирского приговора, который и подписывается обеими договаривающимися сторонами. Этот «ряд» новое для деревни явление.

Заботятся ли прихожане о том, чтобы их пастырь был на высоте своего призвания, т.-е. имел бы хорошее богословское образование, был бы красноречивым проповедником и пр.?

Нет.

Не так далеко от моей деревни был такой случай. Приход вакантный. Приезжает рядиться протоиерей с академическим образованием (т.-е. окончивший духовную академию) и, говорят, прекрасный проповедник. Обо всем со сходом договорился и, между прочим, приход обязался обеспечить протоиерея, который до последнего времени был городским священником, запасом хлеба до нового урожая. Протоиерей уехал. Немного спустя, является к мужикам другой кандидат — молодой священник, не бывавший даже в духовной семинарии (окончил лишь духовное училище) и не имеющий, в качестве священника, никакой репутации. Новый кандидат предлагает сходу более выгодные для последнего условия: обладая запасами хлеба, от хлеба прихожан совсем отказывается.

— Братцы, этот нам больше подходит. Видишь, ему и хлеба не надо.

И крестьяне отменили свое прежнее решение и уже окончательно порешили со вторым кандидатом.

Есть пословица: «что ни поп — то батька». Повидимому, для деревни из культа выдохлось все содержание. Сердцевины нет. Остались лишь, доживая свой век, мертвые формы: молитвенные формулы, разные манипуляции и пр. А эти формулы и манипуляции одинаково известны, как заурядному священнику, так и священнику-богослову. Так не все ли

равно какой священник отправляет церковные службы и требы! Такое отношение к религии очень показательно...

Интересуюсь:

— Имеются ли в волости дома, которые по праздникам отказываются принимать у себя священника с иконами?

Оказывается, таких домов нет. А в волости у нас имеется несколько коммунистов.

Спрашиваю:

— Как же: и коммунисты молятся?

— Нет, они на время молебна уходят.

Повидимому, местные коммунисты даже в своих семьях являются слабыми агитаторами антирелигиозных идей.

Кстати: в волости, в начале 1923 года, был один антирелигиозный митинг. Сражались люди приезжие: заведывающий уездным отделом народного образования и священник-миссионер, приглашенный на этот случай духовенством волости. Кроме них выступил один коммунист из соседней со мной деревни — он, конечно, обличал религиозные предрассудки. После митинга крестьяне, явившиеся на собрание в большом количестве, но непосредственного участия в прениях не принимавшие, резонно спрашивали коммуниста, о котором я только что упомянул:

— Вот ты выступал против религии. А зачем же ты недавно своего ребенка в церкви крестил?

Смущенный товарищ оправдывался:

— Это не я крестил, а жена захотела...

А вот тоже любопытные данные.

Я взял за последние семь лет регистрационные журналы, где отмечалось количество по волости рождений, браков и смертей. Затем произвел подсчет за этот же период обрядов крещений, бракосочетаний и отпеваний по записям местного духовенства по всем семи приходам волости. Цифры почти совпали. Очень небольшая разница получилась лишь в цифрах для браков: на-лицо оказалось несколько гражданских браков, не венчанных в церкви. Идея свободного брака, который в городе встречается так часто, в деревне прививается пока довольно слабо. Это, конечно, и понятно: деревня всегда была и будет консервативнее города: в городе больший простор для развития индивидуального, в деревне же еще долго будут жить по формуле «как все, так и мы»...

Так, хотя и без сердцевины, но почти с полной сохраною внешних форм, дело с религией обстояло у нас в волости до 1924 года. Последний год явился «началом конца», переломным и в отношении религиозной обрядности, до сих пор цепко державшейся в крестьянском быту. Я укажу здесь на несколько фактов, которые, несомненно, в течение 1925 года

обозначатся еще резче, а может быть довольно скоро станут и массовыми фактами.

Например, крестьяне, по своей собственной инициативе, «рушат» праздники, установленные «дедами и отцами»: в дер. Вереинке постановили перестать праздновать Иванов день, в дер. Дитятеве—так называемую «Времянную» (10 ноября) и пр. Любопытно отметить, что в Дитятеве сход, отменив празднование Времянной, постановил часть денег, которые пошли бы на покупку праздничной снеди, употребить на приобретение общественной деревенской веялки. В целом ряде деревень поговаривают, что достаточно праздновать не 4—5—6 праздников ежегодно (каждый такой праздник обходится хозяйству рублей по 10), а лишь 2.

Спрашиваю:

— А зачем же два-то оставлять?

Отвечают:

— А все «решать» уж больно строго будет. Живи—живи, да и не топни. Надо же с родными, с друзьями-приятелями встретиться, попить-погулять...

В конце 1924 года два беспартийных крестьянина, вместо крестин, устроили октябрины. Октябрины были проведены в Народном доме в с. Горицах при торжественной обстановке, в присутствии большого числа окрестных крестьян. Новый обычай, судя по последующим разговорам между крестьянами, понравился им. Но первый «октябренок», сын крестьянина Ворохова, немножко подвел — умер через месяц после октябрин. Ему устроили гражданские похороны.

Старухи говорили:

— Вот и умер, — потому, что некрещеный.

Молодежь резонно отвечала, указывая на многочисленные случаи смертей новорожденных в ближайшие дни после крещения:

— А у тетки Степаниды разве дитё не померло на второй день после крещения?.. А у Василисы даже в тот же день?!.

Под конец 1924 г. в Народном доме, при торжественной обстановке, были отпразднованы две свадьбы «по советски». Одна — местного служащего, а другая — крестьянская...

Кроме «октябренка» Ворохова, гражданские похороны были устроены старухе Филипповой из дер. Дитятево.

Пословица говорит: «лиха беда — начало». Раз началось — пойдет. Толща консерватизма и косности пробита. Думается, что «октябрины», свадьбы «по советски» и гражданские похороны привились бы в деревне сравнительно быстро, если бы была надлежащим образом продумана обстановка этих актов. Рождение, брак и смерть — важные моменты в нашей жизни и хочется отметить их некоторой торжествен-

ностью. Как-то мало — прийти в заплеванный административно-гражданский отдел и там просто «зарегистрироваться» у равнодушного ко всему в мире советского чиновника. Церковь одевает и рождение, и брак и смерть в пышные одежды обрядности. Но эти одежды уже истлевают и превращаются в лохмотья. Надо заменить их чем-то другим, осмысленно-новым, но все же чем-то тоже торжественным...

Хочется сказать два слова об антирелигиозной пропаганде. В течение последнего года она велась на территории волости не так вяло, как за все предыдущее время. Правда, публичных споров «о вере» с духовенством не устраивалось, но ряд отдельных собеседований — собраний на антирелигиозные темы был. Собеседования эти проводились, главным образом, учительством, а также некоторыми членами ячейки и Комсомола.

И удивительное дело: на общем фоне действительно равнодушного отношения крестьянства к религии, которая, правда, сознательным безверием не вытеснена, но все же представляет из себя что-то отмирающее, так вот на этом-то фоне, как раз за самое последнее время, когда в волости оживилась антирелигиозная пропаганда, замечается нечто странное. Это странное, поистине странное состоит в следующем: кое у кого из крестьян вспыхнул интерес к религии, появилось в волости несколько сектантов, которыми до революции у нас не пахло.

В чем же дело?

Вдумываясь в методы и содержание той пропаганды, которая у нас в волости ведется (впрочем, да не обидятся на меня мои земляки-антирелигиозники: по своему характеру пропаганда их приблизительно такая же, как и везде в России, по качеству не хуже), я должен сказать, что именно наша антирелигиозная пропаганда и пробудила у некоторых было уже заглохшее религиозное чувство, а некоторых сделала сектантами (думаю, что о сектантах в волисполкоме даже и не знают).

Присмотримся бегло к обычным методам и содержанию той антирелигиозной пропаганды, которая ведется и в Горицкой волости, и в Костромской губернии, и в Киевской и пр.

Комсомольцы в пасхальную ночь 1924 года в с. Горицах старались перекричать «Интернационалом» «Христос воскресе», которое пелось идущими за крестным ходом.

Крестьяне оценили такой метод антирелигиозной пропаганды кратко:

— Хулиганство...

Начинают говорить антирелигиозники о ненужности церковных зданий, колоколов, священников, обрядов.

С ними соглашаются и прибавляют:

— Правильно, вот и у сектантов ничего этого нет. Возьми, например, духоборов. Значит, сектанты-то верно обо всем этом думают...

Об'ясняется историческое родство религий: тут и буддизм, и Ассирия, и заимствование мифов и пр. Упоминаются такие страны, какие несчастный слушатель впервые и слышит-то, а где они находятся — хоть убей — не знает (может быть, не всегда и докладчик-то это знает).

В результате слышишь подавленное:

— Много туману напущено...

Указывается на естественно-историческое происхождение человека: тут и наши предки рыбы, и земноводные, и млекопитающие, и обезьяны и т. д.

Однако, ни рыбы, ни земноводные, ни млекопитающиеся, ни даже обезьяны не убеждают слушателей в небытии бога.

Говорят:

— Так-то так, а все-таки что-то есть. Ведь вот есть доктора и разные математики (почему математики, — не знаю), которые все это не хуже нашего Митьки-комсомольца знают, но среди них есть и верующие в бога, или вот, например, Лев Толстой — человек знаменитый и ученый — он бога напрочь не отрицал...

Одним словом, ни хулиганством, ни доказательством никчемности внешних форм культа, ни историей, ни естественными науками — ничем не проймешь. Все-таки остается, что в религии «что-то есть», как ты ее не разоблачай и не развенчивай. Это я говорю про наиболее вдумчивых слушателей антирелигиозных бесед, каковые слушатели и являются наиболее ценной частью аудитории. Люди поверхностные, те согласятся с вами со второго слова, но со второго же слова они согласятся и со священником, если бы последний вздумал убеждать их в догматах религии. И вот у этих-то вдумчивых нет-нет да и вспыхнет, вспыхнет под влиянием антирелигиозной пропаганды, настоящий, живой интерес к религии, интерес, было уже совершенно потухший.

В чем же тут, в конце-концов, дело?

Мне кажется, что дело-то здесь не в чем-либо сложном: нужно проще и естественнее подходить к населению в процессе антирелигиозной пропаганды.

Если антирелигиозник работает, скажем, в Горицкой волости, то он должен непременно помнить о двух пунктах: 1) он работает в деревне, т.-е. в условиях сельско-хозяйственной среды, с отсталой техникой и отсюда — почти полной зависимости благополучия крестьянина от стихийных моментов (дождливость, засуха, град и т. д.) и 2) он имеет дело с крестьянской аудиторией, находящейся на определенной ступени

развития, а не с рабочей аудиторией, не с интеллигентской. Если с указанными двумя пунктами посчитаться, то выйдет, что надо не орать «Интернационал» в пасхальную заутреню, не о колоколах, не об Ассирии и не о протоплазме крестьянину рассказывать, желая высвободить его из религиозных пут, а в понятной для него форме указать ему связь религии с интересами тех общественных групп, с которыми он, крестьянин, сталкивался и сталкивается в своей повседневной жизни. Крестьянин ведь практик и поэтому всего лучше ему практически и об'яснить религию из условий его собственного сельского хозяйства, из его общественности и т. д.

Конечно, все это сделать не так-то легко, это требует обмозгования. Схулиганить легко, прочесть книжку про зарождение религии 5—6 тысяч лет тому назад (и книжка-то, наверное, написана каким-либо буржуазным ученым) и пересказать ее своими словами крестьянам не трудно (хотя и не поймут они почти ничего), а вот изучить реальную среду, в которой живешь и работаешь, и, изучив ее, сказать ей о религии действительно то, что следует и так, как ей, этой среде, понятно, — вот это уж совсем нелегко. Но без знания нельзя построить коммунизма — это многократно отмечал Ленин. Вот и надо запастись знанием окружающих тебя реальных условий, а потом уже и пускаться в антирелигиозную пропаганду...

В заключение моего очерка, я позволю себе остановиться на некоторых цифрах.

Местное духовенство, в среднем, берет за исполнение треб: за крестины 15 ф. ржи, за венчание 2—2½ пуда, за похороны 2 пуда, за молебны, которые служатся по крестьянским домам в деревенские праздники (их бывает, в среднем, в каждой деревне по 4 в год) берется самое меньшее за каждый молебен по 5 ф. ржи.

Произведя соответствующий подсчет[1], получим для волости такие погодные цифры расхода ржи:

1918 год	1.796 пуд.	10 фун.
1919 »	2.183 »	25 »
1920 »	2.647 »	— »
1921 »	2.370 »	25 »
1922 »	2.029 »	35 »
1923 »	2.052 »	16 »
1924 »	2.383 »	25 »
Итого	15.463 пуд	16 фун.

[1] Количество крещений, бракосочетаний и отпеваний мне известно, как я уже говорил, из сведений, предоставленных в мое распоряжение духовенством в письменном виде.

В среднем, религиозные потребности — или, вернее, религиозные традиции — обходились моим землякам за каждый из последних семи лет (самое меньшее) в 2.209 пуд., 2 фун. ржи на всю волость и немного больше 1 пуда на одно хозяйство.

Но, вообще, доход духовенства за период революции, по сравнению с прежними временами, значительно упал. Это явствует и из расценок платы за требы, а, главное, из того, что теперь причт со своими семьями вынужден собственноручно обрабатывать землю. Священник уже ходит сам за плугом наравне с крестьянином. И наемным трудом духовенство не пользуется не потому, что эта система не поощряется советским законодательством, а, действительно, духовенство не имеет материальной возможности нанимать рабочую силу. Обеднению духовенства, помимо уменьшения платы за требы, главным образом, способствовало то обстоятельство, что большая часть церковной земли ушла из рук духовенства к крестьянам. Так, до революции, семь приходов волости имели 235 десятин земли[1], а теперь — едва-едва больше половины этого количества.

Вот так обстоит дело в деревне с религией, с церковностью и с отношением к духовенству. Мне кажется, поскольку об этом позволяют судить мои личные наблюдения, ближайшее будущее выявит ряд интересных моментов в той сфере, которой я касался в настоящем очерке.

Все, что пока было сказано в этой главе, относится к христианской религии. Но в деревне живы обрывки и далекого язычества, проявляемые в тысячи бытовых мелочей. В каждой деревне, например, имеется «бабушка» (а если ее нет в данной деревне, то она найдется в соседней), которая знает множество заговоров, помогающих, как верит деревня, при помощи их и людям и скоту. «Бабушки» — это не знахари. Знахари — профессионалы, которые живут от своего знахарства, подчас даже запугивают отдельных людей, чтобы получить с них лишнюю мзду. Таких знахарей в нашей волости нет. «Бабушка» не требует за свои услуги платы. Если ей дадут два-три яйца, возьмет. Обращаются к такой «бабушке» большею частью женщины и по самым разнообразным поводам: помочь от зубной боли, дать лучший удой корове, спасти от лихорадки, снять «дурной глаз», заговорить кровь при поранении и т. д. «Бабушка» орудует, главным образом, при помощи заговоров, перешедших к ней по наследству от какой-либо другой бабушки, давно уже умершей. В этих заговорах

[1] И. Добровольский—«Тверской Епархиальный статистич. сборник», стр. 404—412.

фигурируют имена бога и разных святых, заменивших имена специальных языческих божеств, уже забытых по своим названиям населением.

В качестве иллюстрации я приведу здесь три заговора, которые в ходу в окрестностях моей деревни.

Зубной заговор:

«Святой Антип водопол, костяной избавитель, зубной исцелитель, помоги, пособи рабу божию (здесь ставится имя)».

Заговор от крови:

«Встану я, раб божий, благословясь и перекрестясь, пойду я от дверей в двери, из ворот в ворота, пойду по пути по дороге и во чистое поле к окияну морю; у окияна моря есть белый камень, на этом белом камне сидят три сестры, имеют в своих белых руках три золотые иголки и с шелковыми нитками. Попрошу я сам, раб божий (здесь ставится имя): три сестрицы, зашейте вы рабу (имя) и затяните эту кровь, кровь горячую и кипучую».

Заговор от лихорадок (в представлении темной деревни лихорадки — 12 злых сестер, которые по разному мучают человека):

«Заклинаю вас, окаянные лихорадки, святым архангелом Рафаилом и всеми святыми евангелистами; отбежите вы, окаянные лихорадки, от раба божия (имя). Аще вы не можете, то всех стану мучить, а болящим давать здравие. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

Живет древне-языческое в бесчисленных суеверных приметах, в вещих снах, иногда довольно сильно волнующих тех, кто в них верит.

На всех этих переживаниях, созвучных давно минувшим эпохам, я не стану останавливаться здесь, так как они подробно описаны в соответствующих научных исследованиях. Если я коротко, мимоходом и коснулся суеверий деревни, то сделал это только для того, чтобы отметить, из каких пестрых и затейливых узоров соткана ткань мировоззрения деревни...

Мысли и настроения крестьян.

Само собою разумеется, что если бы вы случайно встретились где-нибудь с моим земляком, рядовым горицким крестьянином, и попытались бы в разговоре с ним выявить его мысли и настроения, то он отнюдь не повторил бы вам слово в слово и мысль в мысль все, изложенное ниже. Но нечто, по духу и смыслу очень близкое к тому, о чем я пишу, он, безусловно, сказал бы вам. Какой-нибудь другой из моих земляков добавил бы еще кое-что и так далее. В конце-концов, в общем и целом, составленный из обрывков отдельных мнений и суждений, и получился бы тот строй мыслей и настроений крестьянских, который, по мере моих сил и уменья, здесь и зарисован.

Я прекрасно понимаю, что очерк, подобный настоящему, очень ответственный: малейшая небрежность в подборе соответствующего материала, даже некоторая неосторожность в выборе выражений для передачи наблюдений, — и уже какие-то черты действительности будут искажены. Учитывая все это, я приложу все старание, чтобы тщательнее подбирать и материал и слова для его пересказа.

Конечно, все приводимые ниже мысли и настроения не навеяны моим землякам исключительно местными, чисто горицкими фактами и взаимоотношениями. Земляки мои читают газеты, бывают в городах, встречаются с крестьянами из соседних волостей и поэтому корни их мыслей и настроений подчас находятся совсем не на горицкой почве. Сделанную оговорку необходимо учесть.

Кроме того, вот еще что. Чьи мысли и настроения я собираюсь проводить здесь? Бедноты? середняков? богатеев? кулаков? На этот вопрос необходимо ответить. Отвечу: нижеприводимые мысли и настроения характерны для середняцкого элемента, в волости преобладающего.

От возможности возврата к монархии крестьянство решительно отмахивается:

«В газетах пишут, что Николай Николаевич и Кирилло хотят царствовать у нас. И будто бы Кирилло уже об'явил

себя императором и ездил в Америку корону заказывать. Новых царей мы хотим, как собака палку. Учены и премного им благодарны».

«От царя самый последний мужик-дурак откажется. Зачем он ему сдался»?

Эс-эрство, популярное среди крестьян сряду после февральской революции, давно уже утратило симпатии у тех, кто его помнит. Если его вспоминают, то с досадливым раздражением:

«Умели только разговаривать. Не даром Керенского у нас на фронте вместо «главнокомандующий» звали «главноразговаривающий». У эс-эров в руках было учредительное собрание, а они позволили его разогнать. Грош цена такой партии. Ты умри, а не разбегайся»...

Но и царь и эс-эрство — все это «дела давно минувших дней». В настоящем — Советская власть.

Как относятся к ней крестьяне?

Ругают?

Хвалят?

Отвечу прямо и просто.

После октябрьского переворота идет уже восьмой год. Этот срок является вполне достаточным для крестьян, чтобы осознать, что Советская власть это, действительно, своя родная власть, которая выведет крестьян на надлежащую дорогу. Доверяя и относясь с несомненными симпатиями к Советской власти вообще, которую деревня олицетворяет в образе центрального правительства и крупных партийных вождей, крестьяне подчас крепко поругивают отдельных «товарищей» из волостных или уездных работников.

Но и в этой ругани следует разобраться.

Дело в том, что ругань ругани рознь. Ругань бывает разного характера, разных степеней и даже разных оттенков. Есть ругань — ненависть, есть — недовольство, есть ругань — критика, есть — тупая ругань, есть ругань — привычка и пр.

Так вот, ругани первого рода, порожденной ненавистью, той ругани, которая искренне порадовала бы белогвардейское сердце бывшего земского начальника, служащего теперь сторожем в одном из учреждений губернии, или лихого станового пристава былых времен, ныне скромного торговца самогоном на базаре, такой ругани нет даже и по адресу тех или иных «товарищей».

Я сказал, что, держась «нутром» за Советскую власть, крестьянин не приходит в умиление от любого ее представителя. Он очень отчетливо различает центр от местных властителей и противопоставляет их друг другу:

«Центральное правительство желает устроить полный мир и поднять сельское хозяйство, но на местах делается неправда».

«Хочет ВЦИК [1], да не хочет ВИК» [2].

«Мы читаем речи Зиновьева, и Рыкова, и Сталина. Они хорошие коммунисты, в них виден толк, за ними стоит итти».

«Надо, чтобы самые главные из центра поездили по России, по деревням. Да так, чтобы их узнать никому нельзя было. Наслушались бы они самой настоящей правды, насмотрелись бы на крестьянское житье-бытье, а потом уж и решили бы в Москве, что и как надо — и накрепко».

Приведенные слова говорят о полном доверии крестьянства к органам центральной власти и к личностям отдельных вождей. Но они же констатируют, что аппарат власти работает не совсем исправно — *отсутствует увязка между словом сверху и делом внизу, имеется отрыв центра от местной, низовой власти. Над этим моментом следует призадуматься.*

Рука центра стала дотягиваться до деревенских исполкомов, деревня это сразу чувствует:

«Из центра подтягивают — власть стала к нашему брату уважительнее».

Чрезвычайно интересно отметить следующее: крестьянство считает бесспорным, что коммунизм — дело святое и касаться святыни грязными руками не годится. Поэтому, по адресу некоторых из местных коммунистов слышится:

«Какие это коммунисты? Липовые! Почти все материалисты, только для себя норовят».

«Большинство коммунистов ведут себя небрежно: пьют самогон, да налоги выколачивают».

Как бороться с коммунистом-пьяницей, с липовым коммунистом? Можно было бы, конечно, легко ликвидировать это зло путем дружного, общественного осуждения его. Но деревня общественно не организована, каждый говорит: «моя хата с краю», каждый сам по себе. Поэтому и инициатива борьбы и сама борьба возлагается на центр:

«Если бы я был, скажем, в Москве самый главный у коммунистов, то оставил бы на всю Россию коммунистов не больше тысячи, — так, чтобы на каждую губернию человек по 25 приходилось. Но зато отобрал бы самых патентованных. Всех остальных, липовых, разогнал бы. Вот тогда крестьянство уверовало бы в коммунистов, так как все они были бы

---

[1] ВЦИК — Всерос. Центр. Исполн. Комитет

[2] ВИК — Волостной Исполн. Комитет.

настоящие, идейные. А то, вот как посмотришь на этих, что у нас — да и махнешь рукой на весь коммунизм».

Но откуда является это желание «махнуть рукой» на коммунизм? Ну, пьет коммунист. Но, ведь, «курица — и та пьет» и разве не наши, не русские, это пословицы: «пьян, да умен — два угодья в нем», «пей, да дело разумей»?.. Ну, пускай коммунист «материалист», смотрит «как бы себе». Но, ведь, «все люди, все человеки» и разве не у нас, в России, называют дураком того, кому «в руки перло», а он «прозевал»? Можно, пожалуй, и пить (если только это питье не беспробудное пьянство), можно быть и «материалистом» (в меру, конечно), но надо дать, на-ряду с этим, и большую общественно-полезную работу, тогда деревня оценит тебя и не станет ставить тебе всякое лыко в строку. Видит ли крестьянство работу коммунистов?

Вот ответ:

«Знаем, что есть ячейка у коммунистов, но что там делается — неизвестно».

«В деревне партия больше работает на бумаге, по настоящему она работает только в городе».

Часто коммунизм порочится персонально даже не коммунистами, а беспартийными советскими служащими. Но ответственность за их поведение деревня возлагает все на тех же коммунистов, потому что «они правят»:

«До сих пор не было ни одного лесничего, который бы не брал. В прошлом году одного выставили, в этом году уже и нового прогнали. Сейчас другой приехал — еще только-только. Какой обычай поведет, не знаем. Без лесу мужику нельзя, а без взятки его не получишь. Следовало бы не просто прогонять, а засаживать построже, — тогда все-таки было бы честнее. Коммунисты правят, они должны смотреть».

«Говорят: брали, берем и брать будем. А пора бы и перестать: революция-то на что была? Слабо коммунисты смотрят»...

Перейдем к иным настроениям, которые вызываются митинговыми посулами «журавля в небе» крестьянству, которое хотело бы просто иметь «синицу в руках»:

«Раньше попы говорили: терпи, переноси все невзгоды и обиды, — на том свете ты получишь царство небесное. Теперь коммунисты то же самое говорят: светлое будущее будет вашему поколению, а вы терпите и переносите. Точь в точь, как попы, так и коммунисты, — насулят тебе горы, а на деле нет ни шиша».

Крестьянин — живой человек и практик. Он хочет сам и непременно теперь же жить лучше. Любой рай — и библей-

ский и социалистический он готов променять на хорошую веялку или плуг. Пора кончить на крестьянских митингах заниматься словоблудием и открывать завесы на далекое будущее. Ближе к сегодняшнему дню! А то, ведь, получается:

«Власть-то хороша, да мануфактура дорога»...

Скорее дешевую мануфактуру, а уже потом — социалистический рай...

Я только что упомянул о болтовне на казенных митингах (по случаю разнообразных «дней»). Митинги эти заканчиваются широковещательными резолюциями. Один мой земляк делает такое замечание по поводу пресловутых резолюций:

«Был я не раз у нас в волости на собраниях. Слышал я резолюции. Обыкновенно резолюцию выносит или докладчик, или служащее лицо, или партийное. От крестьянской массы там нет ни слова. Поэтому и получается так: в 12 часов примут резолюцию, а в 2 часа те же мужики говорят совершенно другое, противоположное всем решениям. Нужно, чтобы мысли были со стороны самого населения, чтобы массы сами постановляли и решали. Пусть не выносят резолюций в ярких красках, надо, чтобы постановления писались самими крестьянами своим мужицким языком. Нужно не больше слов, а больше дела».

«Нужно, чтобы мысли были со стороны самого населения» — это уже подводит нас к вопросу об организации перевыборов в низовой советский аппарат.

«Кого коммунисты наметят, за того и голосуй. Надо сделать так, чтобы граждане сами намечали, — небось, мы лучше их знаем, кого выбирать. Если достойный коммунист — выберем, а если плох — зачем он нам»?

«Когда партия выдвигает хороших коммунистов, то они единогласно принимаются. А вот, когда нет — тогда начинается борьба и побежденными остаются беспартийные».

«На выборы зовут, а выбирать не дают. А если так, то и ходить непошто».

«Вместо того, чтобы втягивать к власти беспартийных сознательных крестьян, у нас получается наоборот — навязывают голосовать за список партийных, хотя там есть и элемент, к власти совсем неподходящий».

Думается, что после того решительного поворота на деревню («лицом к деревне»), который сделан за 1924 год и продолжается поныне со стороны центральных партийных и советских органов, после широкого лозунга о привлечении беспартийного крестьянства к советской работе в деревне и, наконец, после издания специального декрета (в конце ян-

варя 1925 г.) о перевыборах в советы, думается, что только что отмеченные настроения скоро отойдут в прошлое...

Стало выявляться отчуждение, обособленность крестьянина от рабочего, деревни от города. Это, пожалуй, самое больное и самое опасное: плохо, если эти классы трудящихся, об'единением которых держится все в стране, почувствуют себя враждебными друг другу. В словах крестьян, которые они говорят о рабочих, много несправедливого, обидного для рабочих — все это порождено отсутствием действительной, не на словах, а на деле, смычки города с деревней. Но есть в словах крестьян и некоторая горькая правда — к ней следует чутко прислушаться и приложить все усилия, чтобы горькая правда осталась в прошлом.

«Рабочий живет, что сыр в масле — у него есть мясо, масло и белая мука. И работает 8 часов. А крестьянин мясо везет на базар, и масло, и яйца. Все продает за полцены, — лишь бы сколотить на налог».

«За этот год рабочие стали уже вдали от крестьянина. Им положены очень даже приличные ставочки: по 40, 50 и 60 руб. в месяц. Почему же им не жить? Все они прилично одеты, обуты, питаются великолепно. Должно быть их не касается восстанавливать разрушенное государство, а это только касается одного крестьянина. Недопустимо в рабочем государстве трудящимся подразделяться на классы».

«Рабочий у нас на первом месте и никакие цифры и слова этого не загородят. Рабочие ездят на Кавказ лечиться, а мы в своей аптеке и касторки не получим [1]. У власти рабочих больше, чем крестьян. А если и есть крестьяне, то с рабочим уклоном или крестьяне по названию, без мужицкого удушливого запаха пота».

«Рабочему строят дома отдыха, театры, клубы, а для нас, крестьян, отдых — одна лишь могила. Рабочему платят за проболевшее время, а нам, крестьянам, никто не платит. У рабочего дети учатся на готовых учебниках, а для крестьян лишь только одни слова, что все должны быть обучены, а с каждым годом закрывают школу за школой».

«Крестьянин кормится от земли и за землю платит налог, потому что земля государственная. Рабочий кормится

---

[1] В 1925 году крестьяне тоже будут широко пользоваться курортами. В газетах уже появился ряд известий о приготовлениях на местах к предстоящей отправке больных крестьян на курорты. Так, из города Артемовска от 15 марта 1925 г. телеграфируют: «Губисполкомом ассигновано 60.000 руб. для посылки 300 крестьян на курорты. В состав направляемых на курорты входят исключительно незаможники, середняки и неорганизованные бедняки».

от фабрики и за право работать на фабрике тоже должен платить налог, потому, что фабрика принадлежит государству. В рабоче-крестьянском государстве налоги одинаково надо платить и рабочим и крестьянам. Одному крестьянину воз тащить тяжело»...

Один из моих собеседников, глубокий старик, убежденно заметил:

«Теперь рабочие врозь от нас. А разве в самом начале, когда они в городах мерли с голоду, как мухи, а нам привозили на промен свои пальтишки и платьишки женины, а мы им говорили: «не надо, брат» — и рыло отворачивали, разве тогда не мы, крестьянство, были врозь от рабочих? Помните, как один морозовский фабричный [1] не мог ситец на муку променять, — больно дешево ему давали, — так он так и замерз на дороге с ситцем, а, ведь, в Твери у него ребятишки остались?»...

Итак, рабочим, по мнению моих земляков, живется лучше, а крестьянам хуже. Какой же выход из положения? Слышатся ответы, подобные приводимому ниже:

«Несмотря на то, что рабочие у власти, они имеют еще и профсоюзы. Потому-то у них и 8-часовой рабочий день, и просвещение, и медицинская помощь, и все другое. Крестьяне такие же трудящиеся, как и рабочие, и им надо организовать свой профсоюз. С профсоюзом крестьянам будет лучше».

Не есть ли идея о крестьянском союзе контр-революционная идея? Не внушает ли ее массовому крестьянству деревенское кулачество или какие-либо агенты противоправительственных партий? Не желает ли деревня, организовавшись в крестьянский союз, противопоставить его коммунистической партии, как рабочей партии, а заодно — и Советской власти?

Те, кто мало знаком с деревней, те, пожалуй, закричат: здесь контр-революция, здесь эс-эры, кулаки и пр.

Ничего этого нет. Крестьянство не мыслит о каких-либо политических переворотах. Мысль о крестьянском союзе внушает деревне не пропаганда эс-эров (их у нас нет, перевелись) или кулаков, *крестьянство наталкивается на эту идею отсутствием в деревне организационной работы со стороны РКП* (вспомните: «в деревне партия больше работает на бумаге»). Вот пример: крестьянин-одиночка едет в уездный город со своим товаром. Там он сталкивается или с частным покупщиком или с каким-либо агентом государственного закупоч-

[1] Фабрика бывш. Морозова в г. Твери.

ного аппарата, при чем агент этот подчас работает не на благо государству, а на благо своему собственному карману. Что же получается? Крестьянину диктуют цены, а он и рта раскрыть не может — не назад же ему везти свой товар. И вот, крестьянин, знающий о существовании профсоюзов у рабочих, невольно приходит к мысли о крестьянском союзе, который бы его защитил от ловкого скупщика-кулака и от прижимистого агента государственного закупочного аппарата. Пускай РКП широко развернет на местах кооперативную работу, но действительно развернет ее, а не занимается только коммунизацией кооперативного аппарата, и тогда экономические интересы крестьянина на рынке получат надежную защиту, он уже будет выступать организованно, а не в одиночку — тогда у него на 50% станет меньше поводов думать о крестьянском союзе. Еще пример: с крестьянином зачастую советский чиновник (партийный или непартийный) обходится чванливо, грубо или даже явно несправедливо. Что прикажете делать? Вы скажете: обязательно жаловаться? Жаловаться, это значит ходить или в уездный центр (45 верст) или в губернский (75 верст), ходить не раз и не два, затеять бесконечную волокиту, из которой, может быть, ничего не выйдет, кроме разве того, что в лице чиновника, на которого крестьянин жалуется, он приобретет себе врага. Позволю себе привести здесь начало статьи Ю. Ларина, помещенной в «Правде» (московской) от 18 января 1925 г. под заголовком «Об одном политическом преступлении». Ю. Ларин пишет:

«В разгар войны железными дорогами в качестве замнаркома путей сообщения руководил т. С. Д. Марков. Его работу в то время настолько ценил Владимир Ильич, что однажды, когда С. Д. нуждался в покое, а ему продолжали трезвонить и он продолжал подходить к телефону, — Владимир Ильич приказал перерезать провода в комнату С. Д., чтобы дать ему отдохнуть.

«Тов. Марков был убит на советском посту бандитами. Именем его названа санатория в Крыму. Памяти его изданы сборники. Правительство отметило его гибель особым вниманием и пенсией, оставшейся после него старухе-матери (жены не осталось, потому что она убита вместе с тов. Марковым). После всего этого разыгрывается — не где-нибудь, а посреди Москвы — такая история: Наркомтруд и НКПС[1] отправляют в сентябре старуху на время в дом отдыха. Председатель жилтоварищества (Спиридоньевская ул., д. 9),

[1] НКПС — Народный Комиссариат Путей Сообщения.

некто Фраймович, введя в заблуждение РУНИ [1] (за что РУНИ возбудило после против него уголовное преследование), взломал 27 октября двери комнаты Марковой, поселил в ней других людей, часть мебели Марковой отдал им в пользование, а часть взял в пользование домкома.

«Мать т. Маркова вернулась (с дочерью и племянником, с которыми жила втроем в одной этой комнате), а комнаты нет, и даже мебели нет. Бросилась к тов. Халатову, как члену коллегии НКПС, в которой работал ее убитый сын. Тов. Халатов возмутился происшествием, но это не помогло, — Фраймович остался при своем.

«Маркова обратилась с жалобой в МУНИ [2]. То произвело расследование, нашло в действиях тов. Фраймовича поступки уголовного характера и возбудило против него уголовное преследование через прокурора. Но т. Фраймович сохранял хладнокровие.

«Начальник МУНИ т. Попов 25 ноября сделал распоряжение о немедленном восстановлении Марковой в ее правах, но Фраймович продолжал не обращать внимания!

«С. Д. Марков был старым партийным товарищем и работником транспорта. Поэтому мать его обратилась к т. Дзержинскому, как к одному из руководителей партии и бывшему наркому путей. Тов. Дзержинский возмутился происшедшим, назначил специальное расследование от ГПУ, которое подтвердило все изложенное, и ГПУ официально предложило т. Фраймовичу в 24 часа вселить Маркову обратно в ее комнату. Но храбрый и стойкий Фраймович все же этого не сделал.

«Маркова пошла в РУНИ, — если бессильны против Фраймовича высшие власти, может, добьется чего-либо «власть на местах» (надо сказать, что, по обследованию ГПУ, МУНИ и пр., в доме все время, даже в той же квартире, имеется, еще пустая комната, куда легко было бы перевести граждан Ганкман, поселенных Фраймовичем в комнате Марковой). РУНИ 9 декабря приказало поселить ее, но без последствий.

«Когда вся администрация оказалась бессильной, подана была жалоба в народный суд. Он присудил 23 декабря немедленно водворить Маркову с детьми в их бывшую комнату, но без последствий.

«Тогда 30 декабря пришел судебный исполнитель и ввел Маркову в ее комнату. После его ухода Фраймович выбрасывает вещи из комнаты и запирает ее на замок.

---

[1] РУНИ — Районное Управление Недвижимыми Имуществами (в Москве).

[2] МУНИ — Московское Управление Недвижимыми Имуществами.

«Тогда 31 декабря РУНИ обращается за помощью к милиции; Маркову опять вселяют в ее комнату и отдают ей ключ.

«В тот же день Фраймович, как председатель правления, приказывает проломать капитальную стену в комнату Марковой. Это исполняется, вещи Марковой опять выбрасываются в коридор, часть оставляется в пользование домкома, а на протесты Марковой Фраймович отвечает непристойной бранью и угрозой перестрелять ее и ее детей, если будет еще жаловаться.

«Общественное значение этого дела очевидно не только по личности С. Д. Маркова, мать которого подверглась преследованию. Мы рекомендуем его вниманию МКК[1] не только по той причине, что герой его Фраймович— член партии. Равным образом, отдельное самоуправство или насилие всегда возможно. Но то, что оно могло продолжатся два месяца, притом, несмотря на вмешательство ряда учреждений и лиц, и формы этого вмешательства все оставались церемонными, — явно показывает, какой-то недостаток в нашей практике пресечения преступлений.

«Сам Фраймович, как сообщают, все время усиленно подчеркивал, что он — член партии и потому не намерен считаться с какими-то МУНИ, РУНИ и прочими»[2].

Приводя выдержку из статьи т. Ларина, я совсем не хочу сказать, что Фраймович — обыденное явление нашей жизни. Фраймович — белая ворона в стае, потому-то о нем и пишет «Правда». Этот эпизод с Фраймовичем характерен не тем, что сам Фраймович является, если можно так выразиться, сверх-нахальным негодяем. Тут важна другая сторона дела: если в центре СССР, в Москве, так трудно найти управу на негодяя, творящего явное беззаконие, если только этот суб'ект захочет отбрыкиваться от тех, кто ему говорит, предписывает и приказывает, то сколько же у крестьянина из глухой деревушки шансов добиться толку по своей жалобе на какого-либо излишне ретивого администратора?

Возьмем наших селькоров (сельский корреспондент). Кем, пока что, является селькор? Жалобщиком, искателем правды. Но он жалуется не на свои личные обиды и ищет правду не в своих личных интересах — он печется о благе общества, хотя бы в пределах своей родной волости или деревни. Селькор — крестьянский адвокат. Развертывая газету, чуть ли не ежедневно читаешь об избиениях и убий-

---

[1] МКК — Московская Контрольная Комиссия (партийный орган)

[2] По сообщению московской «Правды» от конца февраля 1925 г., Фраймовича выгнали из партии и он уже предан суду за свои «деяния».

ствах селькоров. Правда, виновники избиений и убийств строго преследуются (до расстрела). Но, ведь, преступники преследуются-то уже после того, как они изувечили селькора или отняли у него жизнь. Лучше бы совсем не преследовать, но сделать так, чтобы над головой селькоров не висела ежедневная угроза убийств. Но кто их преследует? Ряд судебных процессов и предварительных газетных сообщений указывают, что этим часто занимаются местные кулаки в союзе с партийцами. Не говорят ли подобные факты об образовании в деревне единого партийно-кулацкого фронта, направленного, конечно, против интересов трудящихся и Советской власти? В период военного коммунизма «липовым» коммунистам, во множестве к партии примазавшимся, было в деревне раздолье: на основании революционной совести, понимавшейся такими коммунистами по-своему, они творили чорт знает что. Поди-ка, пожалуйся на них — живо в губ-тю-тю[1] угодишь! Теперь курс держится на революционную законность. «Липовому» коммунисту стало плохо — закон его прижимает. Пришлось сократиться, умерить аппетиты. Но совсем сокращаться все же неохота.

С другой стороны, что касается кулака, то нэп вначале окрылил его надеждами, и многие из них стали хорошо «работать». Но за последнее время этой «работе» стал мешать ряд таких явлений, как развивающаяся в деревне кооперация во всех ее видах и пр. Но кулаку совсем нежелательно умерить свою жадность и отказаться от прибылей, получаемых от эксплуатации населения. И вот заключается союз между партийцем — «липовым» коммунистом и кулаком, союз между представителем местной власти и экономически-сильным и умным мужиком. Селькор, понятно, разоблачает махинации этого союза. И с селькором жестоко расправляются. Чтобы уберечь селькора от расправы, надо ударить на этот, уже во многих местах страны обозначившийся, партийно-кулацкий фронт.

Крестьянин слыхал и знает, что союз умело защищает рабочего от обид и несправедливостей. Вполне естественно, что и крестьянин, претерпевающий немало обид и несправедливостей, тоже подумывает о своем крестьянском союзе. Создайте такие условия, чтобы крестьянская жалоба, приносимая им лично в то или иное учреждение, или передаваемая его адвокатом — селькором в газету, чтобы эта жалоба была

[1] Губ-тю-тю — Губернская Чрезвычайная Комиссия.

быстро и справедливо разобрана, и тогда мысль о крестьянском союзе отпадает, как ненужная [1].

Я сравнительно долго задержался на идеи о крестьянском союзе из опасения, чтобы эта идея не была истолкована, с одной стороны, как навеянная кем-то извне, а, с другой стороны, как антисоветская. Она вырастает из реальных условий жизни, но контр-революционного в ней ничего не заключается: лишь только оздоровятся некоторые черты деревенского быта и мысль о крестьянском союзе погаснет...

Помимо отмеченных, много-много и иных мыслей шевелится в крестьянской голове: тут и продналог, и расслоение деревни, и дела земельные, и просвещенье, и суд с законами, и религия, и еще целый ворох мыслей. Запишу здесь некоторые из них:

«Все мы, крестьяне, в один голос говорим, что налог брать с нас надо. Это необходимо, иначе у государства будет мало средств для покрытия своих расходов. Но дело в том: как брать и в каком размере. Например, скот надо совсем выключить из обложения, а то крестьяне со скотом жмутся, — навозу мало, а с навозом плохо, — урожай неважный».

«Продналог для бедняка или середняка является все же обременительным и поэтому приходится пускаться на разные комбинации, вплоть до самогона» [2].

«Не так налог тяжел, как обидно пени платить. Иной раз тебе об'явят срок, а, смотришь, срок этот уже неделю тому назад кончился. Однако, резонов не принимают — плати пеню»...

«Всех бедняков под одно равнять нельзя: есть бедняк и есть лодырь царя небесного. Старательного бедняка надо отличить, дать ему помощь. А лодырю — никакой поблажки, никакой скидки по налогу. Власть должна покровительствовать не бедным-лодырям, а бедным-трудящимся».

«Пора перестать презирать крестьян, имеющих пару лошадей и пару коров. Надо больше уважать труженика, который работает день и ночь и не эксплуатирует чужой труд.

---

[1] Многополезное начинание, которое всемерно следует приветствовать, предприняли в некоторых губерниях представители прокурорского надзора в отношении деревни. Помощники губернского прокурора об'езжают села и деревни и принимают от крестьян на местах разного рода жалобы на незакономерные действия деревенской администрации и, если можно, тут же делают те или иные постановления по поводу принесенных им жалоб.

[2] Сессия Центрального Исполнительного Комитета СССР, происходившая в марте 1925 г., постановила в действующую систему сбора сельскохозяйственного налога внести существенные изменения, которые облегчат тяготы крестьянства.

Надо изжить тот взгляд, что кулак — тот, у кого в доме чисто и коровы хорошие».

«Кулаков-богатеев и бедняков-лодырей надо ставить на одну доску: ни тем, ни другим не давать права голоса при выборах. И кулаки и лодыри — враги трудящихся»...

«Многие крестьяне расходятся и хотят разойтись на отруба, потому что желают сделать шестиполье, что при общинном владении землею невозможно».

«Иногда ребенок делает для себя хорошо, а все-таки просит в награду конфетку. И мужика на землеустройство надо соблазнять разными льготами, да чтобы об этих льготах все были хорошо наслышаны».

«На всю волость у нас земли все равно мало. Сколько ты полей не устраивай, на всех хлеба не хватит. В город за хлебом не подашься — отхожих промыслов нет. Эх, если бы владеть землей всем вместе, да работать на ней дружно, заодно! Неужели умные люди на этот счет ничего придумать не могут?.. Коммуна у нас была в Сутоках, да развалилась — из-за горшка каши перессорились. А вот бы иначе как, чтобы горшок с кашей не мешал?!»...

«Живем мы как в коробке, надо дать просвещение деревне».

«Учителя стараются, но на школу мало отпускается средств, и нет у нас таких хороших школ, как в городах».

«По деревне многие ребятки бегают неграмотные. Жаль, пропадут в темноте».

«Все-таки мы сейчас многое узнали такое, о чем раньше и не думали. Мы уже не те, что были при царизме. Но зато разохотились, — еще больше знать хотим».

«Начинаем привыкать к газетке. Без нее как бы вроде и скучно»...

«Законы теперь пошли крепкие, хорошие. Зря только амнистии так часто об'являют — присудят человека лет на 5, и за дело присудят, а он много-много год отсидит. Спросишь, что так скоро выпустили? Говорит: по амнистии, а другой — за хорошее в тюрьме поведение. А после амнистии или хорошего поведения опять за те же дела принимается».

«Коммунистов судят все же слабже, а у которого есть революционные заслуги, тому почти ничего не бывает, — сам не раз в газетах читал. Так не годится. Если ты коммунист— значит, ты сознательный и потому тебе за преступление наказанье должно быть строже, чем нам, серым мужикам. А если ты и коммунист, да у тебя еще и разные революционные заслуги, то ты выходишь из коммунистов как бы генерал — с такого надо еще строже взыскивать»...

«Есть бог или нет; рассуждать не берусь, но про обрядность и про попов думаю, что без всего этого обойтись можно».

«Религию разрушать рано, потому что у мужика в жизни горя немало: скот падет, дом сгорит, неурожай — все-таки в религии найдешь утешение: мол, бог знает, что хорошо, что плохо. И на душе легче станет. Вот если бы такой был порядок: у тебя несчастье — и сейчас же, пожалуйста, получите полный ваш убыток. Тогда сразу и утешенье, и без религии можно обойтись».

«Религия молодежь уже не завлекает, мужики тоже как бы стесняются ее;поддерживают религию старики да бабы»...

ТАБЛИЦЫ.

1. Средний укос сена с десят. в пуд. за 1912—1916 г.г. и за 1920 г.

ГОД.	Укос с десят. в пудах.
1912	67,5
1913	54
1914	36
1915	67
1916	103
Средний за пятилетие.	65,5
1920	32

За период 1912—1916 г.г. я пользовался официальными данными, полученными путем обработки сведений, собранных отчасти специалистами-статистиками, отчасти же местными людьми: сельскими старостами, старшинами, волостными писарями и др.

См. «Стат. Ежегодн. по Тверской губ.» за 1911—1912 гг., стр. 186—87; 1912—1913 г., стр. 176—77; 1913—1914 г., стр. 192—93; 1914—1915 г., стр. 194—95; 1915—1916 г., стр. 130—31.

2. Средний урожай «сам сколько» за 1912—1916 г.г. (поуездные данные) и за 1920—1924 г.г. (данные по волости).

ГОД.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Картофель.	Лен. Семя.	Лен. Волокно с пуда посева.
1912	6,8	3,2	5,6	5,6	2,8	—
1913	4,2	3,8	6,7	5,4	2,8	3 п. 8 ф.
1914	5,2	1,4	1,7	4,1	1,2	—
1915	5,6	3,3	3,6	6,2	2,2	—
1916	6,4	4,3	3,0	5,7	2,5	—
Средний .	5,4	3,2	4,1	5,4	2,3	3 п. 8 ф.
1920	8,0	3,5	6,0	6,0	5,0	3 пуд.
1921	10,0	6,0	6,0	8,0	5,0	3 „
1922	5,4	3,2	4,1	5,4	2,3	3 п. 8 ф.
1923	4,2	3,2	4,1	5,4	2,3	3 п. 8 ф.
1924	5,7	4,2	4,8	6,0	3,0	3 п. 8 ф.

Ср. «Ст. Ежег.» за 1911—1912, стр. 170, 173; 1912—1913,—стр. 160, 1913—1914, стр. 178; 1914—1915, стр. 178; 1915—1916, стр. 125—28. Данные 1920 г. добыты нами на основании наших обследований на месте. Средний же поуездный урожай ржи в 1920 г. сам 5,1, а чистый сбор ржи в пуд. с десятины—40,1; средний же чистый сбор ржи в пуд. с десятины за 1910—1919 г.г. по уезду—52,3. (См. «Бюллетень Тверского Губ. Ст. Бюро» от 11 окт. 1920 г. № 4 стр. 88). Льняного семени и волокна с одной десятины средний по уезду урожай (в пудах) будет: 1) 18 п. 16 ф. семя и 25 п. 8 ф. волокна (а по волости за 1920 г.: 40 пуд. и волокна 24 п.); 2) по иным же источникам («Современное состояние льноводства в 25 губ. Евр. России», 1912 г. стр. 135) в Корчевском уезде средний сбор с десятины посева: семя—15 п., волокна—16 пудов.

3. Среднее количество навоза в пудах от скота.

Данные.	Оставляют в течение года на дворе:					
	Лошадь.	Корова.	Молодой рог. скот	Овца.	Свинья.	
По губерн. за 1912-13 г.	537	480	—	112	—	См. «Стат. Ежегодн.» за 1911—1912 г., стр. 223 и за 1912—1913 г., стр. 210.—«Полная энцикл. рус. сел. хоз.» (изд. Девриена), т. V, стр. 949.
Агрономические . . .	550	350	250	35	—	
По волости (в кругл. цифрах)	530	420	250	60 с приплод.	120	

4. Среднее количество навоза в пудах на десятину посева.

Данные.	На одну десят.		
	Кладут навоза.	Следует класть навоза.	
По уезду за 1912—1913 г.г. .	1.475	—	Прямой цифры, 1.475, не имеется в литературе. Установив по уезду средний высев пудов ржи на десятину («1917 и 1918 годы по данным выборочной сел.-хоз. переписи 1918 г.», издано в Твери в 1919 г. стр. 48; вес меры—см. «Ст. Еж.» за 1915—1916г., стр. 125; но по Горицкой вол. мера ржи весит 45 ф.) и зная, сколько кладут навоза на пуд посева (среднее: «Ст. Еж.» за 1911—1912, стр. 222 и «Ст. Еж.» за 1912—1913, стр. 209), мы получили нашу цифру.—Ср.: «Полн. энц. рус. сел. хоз.» т. V, стр. 973; В. Варгин.—«Простые расчеты по организации крест. хоз.» (1912), стр. 17.
Сельско-хозяйствен. энцикл. .	—	3.200	
По Пермской губ. .	—	2.740	

5. Средние цены мирного времени на продукты и пр. в уезде
(в копейках).

Наименование.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	Средняя.
Рожь за пуд	105	99	95	102	100
Овес	75	87	88	99	87
Картофель	30	20	29	34	28
Семя льняное	159	224	186	161	176
Волокно	471	521	400	500	473
Мясо коровье за фунт	14	14	17	16	15
Масло русское	39	44	39	42	41
Шерсть овечья за фунт немытая	39	40	37	41	39
Мед за фунт	26	25	32	31	29
Молоко за ведро	45	53	60	66	56
Овчина недубленая штука	130	114	124	155	131
Сено за пуд	—	18	28	45	30
Солома (полу-яровая полу-ржаная) за п.	—	10	13	17	13
Лошадь рабочая	—	7.400	9.000	8,000	8.100
Коровая дойная	—	6.400	5.800	5.400	5.850
Овца	—	800	1.000	700	833
Яйца за десяток	9	10	10	11	10
Плата взросл. пастуху на гот. харчах	—	46	52	89	62
Соль за пуд	—	—	—	—	40
Кура живая за штуку	—	—	—	—	25
Керосин за пуд	—	—	—	—	240
Сахар	—	—	—	—	520
Ситец средн. качества за аршин	—	—	—	—	12
Деготь за пуд	—	—	—	—	80
Подковн. гвозди за пуд	—	—	—	—	520
Кирпич за 1.000 штук	—	—	—	—	1.000
Одноконн. подвода из Гориц в Тверь	—	—	—	—	400
„ „ „ „ до Корчевы	—	—	—	—	250
„ „ „ „ до Погорельца	—	—	—	—	100

Примечание. Все цены за 1911—1914 г.г. взяты из соответствующих «Статистических Ежегодников» по Тверск. губ.

6. Средние горицкие рыночные цены (за пуд и в рублях) и твердые цены на продукты и пр.

Наименование.	1918 г. Рыночная.	1919 г. Рыночная.	1919 г. Твердая.	1920 г. Рыночная.	1920 г. Твердая.	1921 г. Рыночная
Рожь	350	2.400	53	10.000	70	90.000
Овес	105	1.350	50	8.500	55	30.000
Картофель	60	350	45	5.500	50	8.000
Семя льняное	—	—	90	17.000	150	120.000
Волокно	—	—	—	50.000	1.100	100.000
Мясо коровье	—	3.500	120	20.000	360	220.000
Масло русское	—	—	—	200.000	3.000	800.000
Шерсть овечья немытая	—	—	—	100.000	3.600	—
Мед	—	—	—	200.000	3.000	800.000
Овчина недубленая [1]	—	—	—	42.000	358	—
Сено	—	600	15	6.000	60	15.000
Солома	—	—	3	1.500	15	6.000
Яйца (за десят.)	—	—	—	2.000	33	—
Соль	—	28.000	400	48.000	800	—
Кура (живой вес. считая 10 кур в пуд.)	—	—	—	80.000	1.120	200.000

Наименование.	1918 г. Рыночная.	1919 г. Рыночная.	1919 г. Твердая.	1920 г. Рыночная.	1920 г. Твердая.	1921 г. Рыночная.
Керосин	—	—	—	40.000	2.400	40.000
Сахар (песок)	—	32.000	600	160.000	—	—
Ситец средн. качества (за арш.)	—	300	25	3.500	30	—
Деготь	—	—	—	20.000	1.600	—
Подковн. гвозди	—	—	—	80.000	12.800	—
Подвода от Гориц в Тверь	—	—	—	25.000	3.000	300.000
Подвода от Гориц в Корчеву	—	—	—	15.000	1.680	200.000
Подвода от Гориц в Погорельцы	—	—	—	10.000	800	100.000
Подвода на расстояние 10 вер.	—	—	—	6.000	беспл.	—
Лошадь рабочая	2.500	60.000	—	400.000	—	—
Корова дойная	700	20.000	—	250.000	—	—
Поденная плата за пилку дров	—	200	—	3.000	—	40.000

[1] В пуде считаем невыделанных семь овчин—см. Стат. Ежегодник за 1908 г., стр. 276.

7. Вычисление на золотой рубль кредитного рубля 1918—1921 годов в цене тех продуктов, которые были по твердым ценам отчуждены у населения или же даны ему.

Наименование.	Средняя цена мирн. вр. за пуд. в руб.	1918 г.		1919 г.		1920 г.		1921 г.	
		Рыночная средн. цена в рублях.	Перевод одного кредитн. рубля на золото.	Рыночная средн. цена в рублях.	Перевод одного кредитного рубля на золото.	Рыночная средн. цена в рублях.	Перевод одного кредитн. рубля на золото.	Рыночная средн. цена в рублях.	Перевод одного кредитн. рубля на золото.
Рожь	1,0	350	0,002.851	2.400	0,000.417	10.000	0,000.100	90.000	0,000.011
Овес	0,87	105	0,008.285	1.350	0,000.361	8.500	0,000.102	30.000	0,000.029
Картофель	0,26	60	0,004.673	350	0,000.800	5.500	0,000.051	8.000	0,000.233
Семя льняное	1,76	—	—	—	—	17.000	0,000.103	120.000	0,000.015
Волокно	4,73	—	—	—	—	50.000	0,000.098	100.000	0,000.047
Мясо	6,0	—	—	3.500	0,001.715	20.000	0,000.333	220.000	0,000.029
Масло русское	16,4	—	—	—	—	200.000	0,000.083	800.000	0,000.021
Шерсть овечья	15,6	—	—	—	—	100.000	0,000.154	—	—
Мед	11,6	—	—	—	—	200.000	0,000.058	800.000	0,000.015
Овчина недубленая	9,17	—	—	—	—	42.000	0,000.219	—	—
Сено	0,3	—	—	600	0,000.500	6.000	0,000.050	15.000	0,000.020
Солома	0,13	—	—	—	—	1.500	0,000.087	6.000	0,000.022
Яйца (за десяток)	0,1	—	—	—	—	2.000	0,000.050	—	—
Соль	0,4	—	—	28.000	0,000.014	48.000	0,000.008	—	—
Кура (живой вес)	2,5	—	—	—	—	80.000	0,000.031	200.000	0,000.012
Керосин	2,4	—	—	—	—	40.000	0,000.060	40.000	0,000.060
Сахар	5,2	—	—	32.000	0,000.162	160.000	0,000.032	—	—
Ситец (за аршин)	0,12	—	—	300	0,000.400	3.500	0,000.034	—	—
Деготь	0,8	—	—	—	—	20.000	0,000.040	—	—
Подковные гвозди	5,2	—	—	—	—	80.000	0,000.065	—	—
Подвода в Тверь	4,0	—	—	—	—	25.000	0,000.160	300.000	0,000.013
„ „ Корчеву	2,5	—	—	—	—	15.000	0,000.166	200,000	0,000.012
„ „ Погорельцы	1,0	—	—	—	—	10.000	0,000.100	100.000	0,000.010
Поденная плата рабочему	0,62	—	—	200	0,003.106	3.000	0,000.219	40.000	0,000.015
Средняя ценность кредитного рубля на золото			0,005.269	—	0,000.831	—	0,000.100	—	0,000.021

8. Количество скота в волости за 1916—1924 годы.

Годы.	Лошади.			Крупн. рогат. скот.			Мелкий скот.			
	Рабочие.	Нерабочие.	Всего.	Коровы.	Молодняк.	Всего.	Овцы.	Ягнята.	Всего.	Свиньи,
1916	1.231	590	1.821	1.707	1.367	3.074	1.410	3.907	5.317	192
1917 . . .	1.321	197	1.518	1.718	1.707	3.425	1.880	3.766	5.646	156
1918	1.323	225	1.548	2.275	1.682	3.957	2.308	2.286	4.594	52
1919	1.237	171	1.408	1.950	1.010	2.966	1.897	3.800	5.697	13
1920	1.233	244	1.477	2.190	1.640	3.830	2.664	4.087	6.751	7
1921	1.238	277	1.515	2.154	1.600	3.754	2.506	3.975	6.481	10
1922	1.256	275	1.531	2.388	1.881	4.269	3.152	4.678	7.803	24
1923 . . .	1.281	281	1.562	2.408	1.686	4.094	3.204	4.706	7.910	92
1924	1.815	363	2.178	3.511	2.286	5.797	4.040	6.013	10.053	175

Ср.: «Итоги сел.-хоз. переписи по Тверск. губ. за 1916 г.» (изд. 1917 г.), вып. I, стр. 15. Данные за 1917—18 г.г. взяты из рукописей Тверской губ. стат. бюро, но значительно выправлены по местным материалам. Сведения за 1919—23 г.г., полученные от Корчевского уездн. стат. бюро, отчасти исправлены мною при сопоставлении с местными материалами. Сведения за 1924 г. получены из Кимрского стат. бюро и от местного волисполкома.

Усиленный прирост скота в 1924 г. об'ясняется укрупнением волости.

9. Посевы хлебов и пр. полевых растений в десятинах за 1911—1920 годы и за 1924 г.

Годы	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Картофель.	Лен.	Клевер.	Всего десятин.	Пашни без парового поля по земельн. плану.	% недосева.	Порядок пяти главных культур по посевной площади: 1	2	3	4	5
1911	1.682	240	729	165	628	12	3.456	4.213 десятин.	18	рожь.	ов.	л.	яч.	кар.
1912	1.789	189	703	166	714	16	3.577		15	„	л.	ов.	„	„
1913	1.687	407	753	167	731	29	3.774		11	„	ов.	л.	„	„
1914	1.669	192	722	176	740	63	3.562		15	„	л.	ов.	„	„
1915	1.650	190	603	164	623	105	3.335		21	„	„	„	„	„
1916	1.541	161	592	159	674	127	3.254		23	„	„	„	„	„
1917	1.769	129	706	157	688	57	3.506		17	„	ов.	л.	кар.	яч.
1918	1.911	302	751	143	670	27	3.804		10	„	л,	ов.	яч.	кар.
1919	1.633	170	419	110	371	13	2.716		36	„	ов.	л.	„	„
1920	1.253	180	927	160	314	6	2.840		33	„	„	„	„	„
1924	2.198	92	1.303	442	539	79	4.653	4.653	—	„	„	„	кар.	яч.
Среднее . .	1.658	216	690	157	615	45	3.393	4.213	20	рожь	ов.	л.	яч.	кар.

В таблице не указан высев озимой и яровой пшеницы, гороху и пр., так как под все эти культуры вместе занимается ничтожная часть пашни,—около 10 дес. на всю волость (см. «Итоги сел.-хоз. переп. за 1916 г.», стр. 17); земельный план (распределение земли по угодиям)—таблица 14.

Ср.: «Ст. Ежегодн.» за 1910—1911 г., стр. 204; 1911—1912, стр. 170; 1912—1913, стр. 160; 1913—1914, стр. 178; 1914—1915, стр. 178. «Итоги сел.-хоз. переп. за 1916 г.», стр. 17.

За 1917—1920 г. сведения взяты из рукописей Губерн. и Уездн. Ст. Бюро и были выверены по материалам местного волисполкома, при чем обнаружено немало ошибок в цифрах центра (напр. за 1919 г. картофеля по сведениям центра—49 дес.; в 1920 г.—91 дес.; по данным волисполкома: 110 и 160 дес.). Но наши итоги по 1920 г., являющиеся результатом почти точного учета посевн. площади волости, значительно расходятся с приведенными здесь—см. табл. 19. Увеличение посева за 1924 г. об'ясняется укрупнением волости. Учет посевной площади точен. За предыдущее время (на 1924 г.) см. данные в табл. 19, как уже указывалось.

10. Высев на десятину в пудах.

Наименование.	Высев на десятину в мерах [1].	Вес меры в фунтах.		Высев на десятину в пудах.
		По уезду [2].	По волости:	
Рожь	9,14	44	45	10
Ячмень	10,47	40	45	12
Овес	23,72	32	30	18
Картофель	108,76	40	45 [3]	122
Лен	6,70	46	46	8

11. Содержание усвояемых животными веществ в разных кормах.

Каждые 100 частей кормовых средств содержат кормовых единиц: сено среднее—46; овес—100; солома яровая—40; солома ржаная—36; мякина овсяная—43; мякина ржаная—35; льняные жмыхи—192.

Каждый пуд корма содержит кормовых единиц: сено среднее—18; овес—40; солома яровая—16; солома ржаная—9; мякина овсяная—12; мякина ржаная—11; льняные жмыхи—77.

Цифры эти скомбинированы на основании литературных указаний; *Придорогин* — «Кормовые средства», 1896, стр. 36—38; *В. Варгин* — ук. соч., стр. 13—16; «Полная энц. рус. сел. хоз.», т. IV, стр. 626—647.

12. Количество кормовых единиц, необходимое для средн. крестьянск. скота.

В течение круглого года: для лошади 4.992 корм. един.; корове — 3.080; овце с приплодом — 1.050.

В течение зимнего содержания скота на дворе (с 1 октября по 20 апреля): лошади—2.772 корм. един., корове—1.710, овце с приплодом—573.

Вычисление произведено на основании указаний *В. Варгина,* ук соч., стр. 13—15.

---

[1] Это поуездные данные — см. «1917—1918 г.г. по данным и пр.», стр. 48.

[2] «Ст. Ежегодн.» за 1914—1915 г.г., стр. 125 и сл.

[3] Наши цифры веса меры картофеля, ячменя и пр., получены нами путем обследования (в соседнем Кашинском уезде мера картофеля тоже весит 45 фун. — см. «Ст. Ежегодн.» за 1914—1915 г., стр. 128).

13. Количество удобрения (навоза) в волости в пудах.

Год.	Всего навоза в пудах [1].	Под паром по земельному плану.	На одну десятину.	Уездная норма удобрения [2].	% нехватки.	Агрономическая норма [2].	% нехватки.
1916	1.613.010	2.106	766	1.475	48	2.970	74
1917	1.774.710		828		44		72
1918	1.997.660	десятин.	949	пудов на	36	пудов на	68
1919	1.531.010		731	десятину.	51	десятину.	74
1920	1.932.470		964		35		67
Среднее . .	1.723.772	—	823	—	43	—	72

14. Распределение земли в волости по угодьям до ее укрупнения (1924 г.).

Название угодий.	% по отношению к удобной земле.	Десятин.	Всего десятин.
Усадебная земля	2,1	506,40	
Пашня (в 3 полях)	25,7	6.319,10	
Сенокос	17,6	4.187,23	
Кустарник	4,5	1.070,14	
Выгон	4,0	965,46	
Лес	46,1	10.719,09	
Всего удобной земли . .	100		23.767,42
Под водою		4.963,80	
Болота		14.369,27	
Под дорогами		153,43	
„ песком		34,11	
Всего неудобной земли			19.520,61
Общая площадь	—	—	43.288,03

[1] Цифры эти получились в результате работы над таблицами 3, 4 и 8.

[2] См. табл. 4.

Эти сведения доставлены землемером губернского земельного отдела *А. Г. Смирновым.* В 1924 году, вследствие укрупнения волости, площадь ее увеличилась, но относительное распределение угодий, в силу однородных хозяйственных условий в округе, осталось, приблизительно, прежним, т.-е. пашня составляет ¼ всех удобных земель и т. д.

15. Население и число хозяйств.

Год.	Мужчины.	Женщины.	Всего.	%+ или—по отношению к пред. году.	Число хозяйств.	%+или—по отношению к пред. году.
1911	3.466	4.003	7.469	—	1.181	—
1912	3.492	4.185	7.677	+ 2,8	1.217	+ 2,3
1913	3.273	3.910	7.173	— 7,5	1.137	— 7,9
1914	3.278	4.048	7.326	+ 2,1	1.247	+ 8,8
1915	2.953	4.056	7.009	— 4,6	1.322	+ 5,7
1916	2.598	4.470	7.068	+ 1,0	1.455	+ 9,2
1917	4.028	4.605	8.633	+18,2	1.729	+15,9
1918	4.510	4.697	9.207	+ 6,3	1.785	+ 3,1
1919	4.025	4.651	8.676	— 6,1	1.826	+ 2,9
1920	4.453	5.223	9.676	+10,4	1.836	+ 0,6
1921	3.484	5.415	8.899	— 8,7	1.848	+ 0,6
1922	3.198	5.517	8.715	— 2,1	1.869	+ 1,2
1923	3.605	5.611	9.216	+ 5,4	1.883	+ 0,7
1924	5.455	6.667	12.122	+24,0	2.405	+21,7

Ср.: «Ст. Ежег.», 1910—1911, стр. 15; 1911—1912, стр. 15; 1912 — 1913, срт. 15; 1913 — 1914, стр. 17; 1914 — 1915 (сведения получены на месте). «Итоги сел.-хоз. переписи и т. д.», стр. 14 (за 1916 г.). За 1917—1920 годы цифры получены через Губ. Статистич. Бюро и выправлены на основании наших материалов. За 1921—1924 годы цифры взяты из местных материалов и выверены мною. Значительный прирост в 1924 г. населения и хозяйств в волости об'ясняется ее укрупнением.

16. Население по полу и возрастным группам за 1920 г.

Наименование.	% к общему числу.	Количество. Трудоспособных.	Полутрудоспособ.	Нетрудоспособных.	Всех.
Стариков (от 60 лет)	6,4	—	—	612	612
Мужчин трудоспособных .	19,7	1.915	—	—	1.915
Женщин трудоспособных .	23,5	2.267	—	—	2.267
Подростков (от 14 до 17 л.) .	6,4	—	611	—	611
Детей школьного возраста (от 8 до 14 л.).	8,7	—	—	856	856
Детей остальных (до 8 лет).	35,3	—	—	3.415	3.415
Всего . .	100	4.182	611	4.883	9.676

Сведения о стариках получены на основании выборочных данных (мое обследование); цифры о мужчинах, женщинах и подростках взяты из материалов волостного исполкома; о детях школьного возраста—из Горицкого районного отдела народного образования; цифра детей до 8 лет получена путем исключения из общего числа жителей волости (табл. 15) первых пяти групп.

17. Количество белков, жиров и углеводов, необходимое для человека в течение суток, и общее количество освобождающейся при этом энергии (калорий).

Наименование.	Количество в граммах. Белки.	Жиры.	Углеводы.	Калории.
Старик[1]	85	38	325	2.038
Сильно раб. мужчина[2]	145	100	500	3.585
Умеренно раб. женщ.[2]	96	44	400	2.447
Средне раб. организм[3]	118	56	500	3.139
Дети от 6 до 15 лет[3] .	75	43	325	2.044
„ до 6 лет[4]	53	42	150	1.227
Среднее . .	95	54	233	2.413

Нормы освобождающейся энергии при распаде веществ в человеческом организме взяты у проф. Б. И. Словцова — Краткий учебн. физиологии, 1915, стр. 99: грамм белка дает 4,1 калории, грамм жира—9,4 и грамм углевода 4,1.

[1] О. Гаммарстен.—«Учебник физ. хим.», ч. II, 1905, стр. 709.

[2] Герценштейн.—«Пищевое довольствие» (ст. в Энцикл. словаре Брокгауз-Ефрон, т. 23).

[3] Л. Н. Маррес.—«Пища народн. масс» («Русская Мысль», 1893 г., кн. 10, стр. 48).

[4] Ф. Ф. Эрисман.—«Курс гигиены», т. III, вып. I, 1888, стр. 156.

18. Количество белков, жиров и углеводов в разных пищевых веществах.

№	Наименование.	На 100 грамм: Белков.	Жиров.	Углеводов.	№	Наименование.	На 100 грамм: Белков.	Жиров.	Углеводов.
1	Ржаной хлеб	7,7	1,3	45,0	8	Рожь в зерне	11,5	1,7	68,8
2	Ячмень. . .	11,14	2,16	70,24	9	Капуста . .	1,9	0,2	4,9
3	Картофель .	1,95	0,15	21,44	10	Морковь . .	1,0	0,2	9,0
4	Масло постн.	11,0	25,7	16,4	11	Брюква . .	1,4	0,2	7,4
5	Говядина . .	21,0	5,5	—	12	Огурцы . .	1,0	0,1	2,3
6	Яйца. . . .	12,55	12,11	0,55	13	Овс. крупы .	14,0	6,0	66,0
7	Молоко . .	3,41	3,65	4,81					

Сведения по №№ 1—7 взяты у Ф. А. Щербины—«Крестьянские бюджеты», 1900, стр. 434; по №№ 8—13—у О. Гаммарстена, ук. соч., стр. 713—714; что касается веса яиц, то таковой указан у Эрисмана, ук. соч., стр. 121: средний вес яйца со скорлупою 53 гр., без скорлупы—48 грамм.

19. Реальный посев хлебов и пр. полевых растений в десятинах за 1920 год.

Наименование.	По данным таблицы 9.	Реальный посев.	Пашни без пара по зем. плану.
Рожь . . .	1.253	2.107	4.213 десятин.
Ячмень . .	180	200	
Овес	927	1.176	
Картофель .	160	400	
Лен . . .	314	320	
Клевер . .	6	10	
Всего	2.840	4.2[illegible]	4.213

Сведения о реальном посеве получены путем нашего осмотра полей (для некоторых селений были опрошены местные граждане) для выяснения, имеются ли запущенные полосы. Для ржи мы взяли треть пашни по зем. плану (см. табл. 14); цифры высева клевера, льна и ячменя округлены; высев картофеля взяли, сообразуясь с высевом его в среднем хозяйстве (см. гл. III); остаток ярового поля пошел под овес. Наши выкладки находят себе поддержку в табл. 9; недосев в 1918 г. равняется 10%; он был не такой значительный, как в годы войны, когда много работников ушло в армию, и несколько меньше, нежели в довоенное время, когда часть пашни населения, занимающегося отхожими промыслами, не арендовалась соседями, лежала в пустырях,—в 1918 г. уже многие, приехав из городов, «взялись за землю». По нашему убеждению 10% выражают реальный недосев.

Для 1921—1923 г.г. мы считали площадь под яровыми и озимыми хлебами по данной таблице и делали это по нижеследующим основаниям; на 1920 г. высев был таким, как он указан здесь: в 1921, 1922 и в 1923 г.г. сокращений запашки не было, но с другой стороны, не наблюдалось и значительного увеличения ее—больше «податься некуда» (правда, незначительные распашки завелись в пустошах, но это совсем пустяки).

20. Коэффициенты усвояемости и разные скидки.

	Белки.	Жиры.	Углеводы.
1. Коэффициенты усвояемости главных питательн. начал [1]:			
Растительного происхождения	70	85	90
Животного	94	94	98

2. Скидки [1]:
На кости в мясе 33%
Отбросы в овощах 26%
» » картофеле 40%
При обращении ржи в муку . 22%
» » др. хлеб. в муку 20%

3. Надбавки [2]:
На припек хлеба насч. на муку 33%

21. Движение и распределение главных продуктов питания за 1920 г.

	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Картофель.	Мясо.	Молоко.	Семя льнян.
Валов. урож. 1920 г. в пуд. [3]	168.560	14.400	74.088	292.800	5.666	131.400	12.800
Семена [4]	21.070	2.400	21.168	48.800	—	10.950	2.560
Чистый урожай 1920 года	147.490	12.000	52.920	244.000	5.666	120.450	10.240
Отчуждено в 1920 г. в пользу государства [5]. . . .	12.552	—	4.721	18.407	1.249	4.920	548
Остается в распор. насел.	134.938	12.000	48.199	225.593	4.417	115.530	9.692
Истрачено в течение года на хоз. и личн. потребн. [6]	—	—	11.016	18.360	1.836	64.260	—
Остается для прод. насел. [7]	134.938	12.000	37.183	207.233	2.581	51.270	9.692

[1] С. А. Клепиков.—«Питание русского крестьянства», ч. I, 1920 г., стр. 8—9.

[2] Проф. Б. И. Словцов — «Пищевые раскладки», 1918 г., стр. 83.

[3] Урожай определен на основании табл. 2 и 19. Ягнят (табл. 8) крестьяне режут, приблизительно, ¾ наличного их к осени количества; дальнейший расчет мяса и молока произведен по данным о валовой доходности от продуктов скотоводства по среднему хозяйству (см. гл. III).

[4] Ср. табл. 19 и 10. Молоко 10.950 пуд. — на выпойку телят, предполагая, что каждая корова телится раз в год.

[5] См. табл. 25.

[6] Продукты, отданные при товарообмене, исчислены в волостном масштабе по данным средн. хозяйства путем умножения определенных цифр на число хозяйств в волости (см. табл. 15).

[7] По отдельным графам цифры, конечно, грубо приблизительные. Ячмень, напр., у нас весь остался в распоряжении населения, хотя ячмень отчуждали, но мы его (табл. 25) считали в одной графе с рожью; ячмень и продавался крестьянам, но т. к. по среднему нашему хозяйству (см. гл. III) он не продавался, то и остался целиком на продовольствование, — так что в отношении ячменя цифра даже прямо неверная. Но если брать годичное продовольствование населения в целом при расчете на белки, жиры и углеводы, то сумма всех цифр данной рубрики будет очень близка к средней величине действительного количества питательных веществ в продовольствии населения.

22. Расчет продовольствия для населения волости по максимальной норме в сутки (в граммах) за 1920 г.

Наименование.	Грамм пищи.	Белков.	Жиров.	Углевод.
В печеном хлебе . .	6.144.000	331.162	72.991	2.488.320
» овсяной крупе . . .	736.000	72.128	37.536	437.184
» ячмене (муке) . . .	416.000	39.439	7.638	262.978
» картофеле	5.936.000	82.026	7.568	1.145.411
» мясе	128.000	25.267	6.618	—
» молоке	4.972.000	159.372	170.589	234.370
» растительном масле	80.000	6.160	17.476	11.808
Всего . . .	18.412.000	715.554	320.416	4.580.071
Средн. на одного челов.	1.903	74	33	473

Средняя калорийная обеспеченность одного человека—2.553 калорий.

Графа о количестве грамм пищи составлена на основании данных табл. 21, указывающей, что именно остается в распоряжении населения после вычета семян и всего отчужденного в пользу государства, при чем из 48.199 пуд. овса, мы предварительно вычли на всех раб. лошадей волости (см. табл. 8) по 12 пуд. на каждую, каковую норму власть оставляла на лошадь, и что, считая на круг, действительно скармливается лошади за год; оставшийся овес обратили в крупу (из овса вырабатывается 50% крупы). Вычисляя количество грамм пищи, мы имели в виду скидки и припек (см. табл. 20). При выводе белков, жиров и углеводов мы руководствовались указаниями табл. 18, применяя коэффициент усвояемости по таблице 20.

23. Расчет продовольствия для населения волости по минимальной норме в сутки (в граммах) за 1920 г.

Наименование.	Грамм пищи.	Белков.	Жиров.	Углеводов.
В печеном хлебе . .	6.144.000	331.162	72.991	2.488.320
» овсяной крупе . . .	496.000	48.608	25.296	294.624
» ячмене (мука) . . .	416.000	39.439	7.638	262.978
» картофеле	5.456.000	74.474	6.911	1.052.789
» мясе	80.000	15.792	4.136	—
» молоке	2.256.000	72.315	77.404	105.014
» растительном масле.	80.000	6.160	17.476	11.808
Всего . . .	14.928.000	587.950	211.852	4.215.533
Средн. на одн. челов. .	1.543	61	22	436

Средняя калорийная обеспеченность одного человека — 2.245 калорий.

Графа о количестве грамм пищи составлена на основании данных табл. 21, а именно рубрики ее: «остается для продовольствования населения», при чем опять-таки произведен вычет овса для рабоч. лошадей. Во всем остальном — см. примечание к таблице 22.

24. Фактическое потребление основных питательных начал и калорийная обеспеченность.

Об'ект исследования.	В граммах. Белки.	Жиры.	Углев.	Калорийн. обеспеч.	Автор.	Название работы.
Крест. Череповецкого уезда . .	145	51	783	4.284	Грязнов.	«Опыт. сравн. изуч. гигиен. условий Черепов. уезда», 1880, стр. 150.
Косец Астраханской губ. . . .	216	152	537	4.516	Судаков.	«Пища рабочих», журнал «Здоровье», 1881, № 162, стр. 202.
Крест. Верейского уезда . . .	127	33	594	3.266	Зорин.	«Описание зап. врач. участ. Верейск. уезда», 1887.
» Воронежской губ. . . .	111	47	519	3.025	Щербина.	«Крестьянские бюджеты», 1900, стр. 56.
» Московской » . .	119	41	628	3.448	Словцов.	«Пищевые раскладки», 1910, стр. 56.
» Тамбовской » . . .	96	37	621	3.288	тоже	тоже.
» Самарской » . . .	164	65	719	4.231	тоже	тоже.
» Астраханской »	151	106	541	3.816	тоже	тоже.
» 13 губ. Европ. России .	111	49	546	3.154	Клепиков	«Питание русск. крестьянства», 1920, стр. 20.
Среднее для 1 чел. в России .	105	41	364	2.308	Маррес.	Пища народн. масс.—«Русск. Мысль», 1893, кн. 10, стр. 49.

Цифры графы «калор. обеспеченность» вычислены мною по данным трех предыдущих граф на основании норм освобождающейся энергии (см. табл. 17); цифры граф: белки, жиры и углеводы я извлек из исследований с точностью до единицы.

25. Количество отчужденных у населения волости продуктов по твердым ценам, денежных налогов, гужевой и трудовой повинности.

Год.	Рожь (ржаная мука и ячмень). Пуды.	Овес. Пуды.	Картофель. Пуды.	Мясо. Пуды.	Сено. Пуды.	Солома. Пуды.	Волокно. Пуды.	Яйца штуки.	Масл. топл. Пуды.	Семя льнян. Пуды.	Овчины. Пуды.	Шерсть. Пуды.	Куры жив. вес.—Пуды.	Мед. Пуды.	Трудовая повинность. Дни.	Гужевая повин. версты.	Денежные налоги. Рубли.
В 1917 году . . .	8.600	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» 1918 » . . .	1.938	790	1.200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5.016,09
« 1919 » . . .	13.587	3.929	11.985	192	1.250	1.125	—	—	—	332	—	—	—	—	1.210	—	515,57
» 1920 » . . .	[19.012	4.721	18.407	1.249	5.000	5.346	3.842	11.880	112	548	488	98	38	12	3.503	163.392	216,75
» 1921 » . . .	12.154	6.268	4.776	575	24.633	16.652	1.957	17.710	236	1.959	—	63	20	12	3.566	402.216	—
» 1922 » . . .	34.032	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.196,00
» 1923 » . . .	26.254	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» 1924 » . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40.641,00
Всего . .	115.577	15.708	36.368	2.016	30.883	23.123	5.799	29.590	348	2.839	488	161	58	24	8.279	565.608	47.585,41
Возвращ. населен вол. выдачею пайков (людям и скоту). . . .	19.276	1.025	—	—	1.250	1.650	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В пользу госуд. .	96.301	14.683	36.368	2.016	29.633	21.473	5.799	29.590	348	2.839	488	161	58	24	8.279	565.608	47.585,41

Все продукты считались в пудах, за исключением яиц—в штуках; трудовая повинность—в днях; гужевая—в верстах; налоги—в золотых рублях (см. табл. 7), но за 1922 г.—в цене хлеба. Отчуждение продуктов сельского хозяйства нормируется целым рядом соответствующих законоположений: см. «Собр. Узакон. Рабочего и Крестьянского Правит».: за 1918 г.—№ 62, ст. 683, № 80—ст. 845, № 82—ст. 864, № 58—ст. 638, № 91—92—ст. 928; за 1919 г. № 1—ст. 10 и 11; за 1920 г. № 59—ст. 271 и 272, № 13—ст. 82 и т. д. В отношении хлебов сперва, в течение 1918—1919 г., господствовал принцип отчуждения излишков (декретирован в 1918 г. № 62—ст. 683); государство у каждого хозяйства отбирало то, что было сверх определенной нормы. В 1920 г. появляется принцип разверстки (декретирован в 1919 г. № 1, ст. 10); государство имело дело с каждой отдельной губернией, которой и давало определенное продовольственное задание (наряд); губерния раскладывала наряд по уездам, те—по волостям, а эти—по деревням. Между гражданами деревни разверстку производил сельский сход, что порождало много споров. С 1921 г. вводится продовольственный налог с каждого хозяйства, состоящий из большого набора разнообразных продуктов. С 1922 г. этот налог упрощается—исчисляется только в ржаных единицах, а другие продукты берутся лишь взамен ржи (по известному эквиваленту) и только тогда, когда это удобно тому или иному домохозяину; кроме того взимаются некоторые денежные налоги. С 1923 г. берется уже единый продовольственный налог, который, для удобства плательщиков, может быть переведен и на деньги. С 1924 г. единый сел.-хоз. налог исчисляется и берется в денежных знаках. В 1918 году было выдано пайками ржи 5.398 п., а в 1919 г. было выдано пайков: ржи—7.418 п., овса—1.025 п.; в 1920 г. ржи—6.460 п., а также сено и солома.

Относительно 1924 г. я должен сделать нижеследующее примечание. Волость в 1924 г. укрупнилась—прибавилось около трех десятков селений и число хозяйств с 1883 для 1923 г. сразу скакнуло до 2.405; увеличились посевная площадь (см. табл. 9) и количество скота (табл. 8). Само собою разумеется, что общая сумма единого сел.-хоз. налога с укрупненной Горицкой вол. за 1924 г. превышала ту, которая была бы, если бы волость осталась в ее прежних границах. Так, за 1924 год волости надо было выплатить (за вычетом скидок и с надбавкой на местные нужды) 51.438 руб. 42 коп. Мог ли я включить эту сумму в табл. 25? Конечно, нет—она была несравнима с предыдущей колонной цифр. Поэтому я прибег к следующему: взял количество хозяйств в волости за 1923 г. (1.883), увеличил его, приблизительно, на 1%, что составляет естественный прирост хозяйств (дележка, главным образом).—Получил 1.900 хозяйств. Затем, разделив 51.438 р. 42 к. на 2.405 (число хозяйств в 1924 г. в укрупненной волости), получил среднюю сумму налога на одно хозяйство (21 руб. 39 коп.), помножив которую на 1900, и получил ту сумму (приблизительно), которую пришлось бы заплатить Горицкой волости, если бы она не была укрупнена, т.-е. 40.641 рубль.

26. Трудовая и гужевая повинность.

Год.	Рабочих дней: Всего.	На одно хозяйство.	На одного работоспособного.	Верст: Всего.	На одну лошадь.
1919 год	1.210	0,7	0,3	—	—
1920 „	3.503	1,9	0,8	163.392	133
1921 „	3.566	1,9	0,8	402.216	324
Всего	8.279	4,5	1,9	565.608	457

Трудовая повинность по нашей волости выражалась в пилке дров. Здесь мы учитывали лишь те дни, которые были совершенно бесплатно отчуждены у населения. Поясню сказанное. Возьмем 1921 год. У населения в 1921 году было взято в принудительном порядке не 3.566 дней, а целых 9.574 дня, при чем последняя цифра получилась так: 2.871 раб. день был потрачен на пилку дров и 6.703 раб. дня население провело в раз'ездах при выполнении всей гужевой повинности (на каждые 60 верст пути я клал один рабочий день). Но так как население за пилку дров получило от правительства ценностей на 1.364 руб. 35 к. по деньгам мирного времени (за каждый куб — см. обязат. постановл. тверского гуибсполкома от 23 сентября 1921 г. — 20.000 руб., 4½ ф. муки, ½ коробка спичек, ¾ арш. ткани и ½ ф. керосину), а за гужповинность было заплачено в течение года 23.628.175 руб. (плата за одну версту с 1 января по 1 ноября 1921 г. по 1 р. 75 к., а за последние два месяца — по 60 руб.). Учитывая указанный эквивалент, и получим 3.566 неоплаченных дней, которые я и считал.

Число трудоспособных я считал по табл. 16. Там, правда, сведения только для 1920 года, но я их взял (ошибка, конечно, незначительная) как для 1919, так и для 1921 годов.

Гужевая повинность введена декретом от 25 ноября 1919 года, но в волости стала проводиться только с 1920 года. Замечу, что гужевая повинность ложилась подчас тяжелым бременем на крестьянство. Так, семья, обладая лошадью, но не имея вполне трудоспособных членов, должна была посылать с тяжелым возом и далеко от дома подростка. Бывали случаи, когда лошади калечились и гибли.

27. Денежные налоги, дополнительные к основному налогу.

Наименование.	1918	1919	1920	1921	1922	1923 и 1924
Чрезв. налоги (контриб.)	952.000	—	—	Не было никаких.	—	Не было никаких.
С земельных владений	—	113.980	1.289.606		—	
Со строений	—	291.445	625.096		—	
„ скота	—	116.235	152.804		—	
Подоходный	—	98.767	—		—	
За трудгужналог	—	—	—		11.231,60	
Подворно-имущественн.	—	—	—		5.445,12	
Сельхоз (ликв. помгола)	—	—	—		3.512,0	
Экипажный	—	—	—		3.730,0	
Итого в дензнаках соответств. годов:	952.000	620.427	2.167.506	—	23.918,72	—
Итого на зол рубль:	5.016,09	515,57	216,75	—	1.196,00	—

Настоящая таблица представляет детализацию графы тех денежных налогов таблицы 25, которые являлись дополнительными к основному. Подоходный налог, как известно, был установлен еще до революции («Положение» от 6 апреля 1916 г.; о чрезвычайном налоге и др. см. «Узаконен. и распоряжен. рабочего и крестьянск. правит.», начиная с 1918 г.: № 81— ст. 846; 1919 г.: № 2 — ст. 221 и т. д. В 1921 и в 1923 г.г. денежных налогов совершенно не было. Итог на золотой рубль выведен на основании таблицы 7, а за 1922 г. мы взяли налог в цене хлеба — средняя годовая цена по 7 руб. за пуд. Сумма 40.611 руб., находящаяся в графе денежных налогов табл. 25, в настоящей таблице не отмечена совсем, так как сумма эта представляет собою основной налог с населения волости за 1924 год.

28. Что получило население волости по твердым ценам.

Наименование.	1919			1920		
	Количество пудов.	Цена.	Сумма.	Количество пудов.	Цена.	Сумма.
Керосин	—	—	—	138	2.400	331.200
Соль	345	400	138.000	716	800	572.800
Спички (коробков)	96.771	1	96.771	18.248	3	54.744
Подковные гвозди	—	—	—	30	12.800	384.000
Деготь	—	—	—	12	1.600	19.200
Ложки (штук)	—	—	—	1.500	30	45.000
Мануфактура (арш.)	24.321	25	607.925	10.781	30	323.430
Сахар	172	600	103.200	—	—	—
Кирпич (тысяч)	72	200	14.400	78	8.000	624.000
Всего на сумму	—	—	960.296	—	—	2.354.374

Материал для настоящей таблицы получен из горицкой конторы лавки общества потребителей.

29. Прибыль и убыток населения волости

№	Прибыль.	Сумма. Рубли.	Сумма. К.	Итог. Рубли.	Итог. К.
	1918 год.				
1	Население не платило прямых налогов, в размере 12% к валовому доходу с пашни, каковой налог взимался с крестьян до революции (см. таблицу 32)[1]	28.301	76		
2	Население не платило косвенных налогов, при чем здесь мы учитываем только чистый доход, который получался правительством от продажи водки[2]	24.306	48		
3	Население не тратилось ни на школу, ни на содержание больницы, ни на ветеринарную помощь и пользовалось бесплатно услугами почты[3]	20.623	68		
4	Выигрыш на ускоренном темпе строительства (бесплатный материал для постройки)[4]	13.651	—	86.882	92
	1919 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	28.301	76		
2	См. § 2 » » » (сумма иная в зависимости от изменения числа жителей в волости—см. таблицу 15)	22.904	64		
3	См. § 3 за предыдущий год (сумма изменилась—иное число жителей в волости)	19.434	24		
4	См. § 4 за предыдущий год (сумма изменилась—темп строительства хотя и был гораздо быстрее по сравнению с мирным временем, но все же медленнее, нежели в 1918 г.)	7.410	—		
5	Выигрыш населения на продуктах, полученных по твердым ценам (см. таблицу 28) и оплата натур. повинностей и налогов (см. табл. 25, 26 и 27)	5.438	63	83.489	27
	1920 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год (сумма изменилась—иная площадь пашни: см. табл. 19).	31.342	24		
2	См. § 2 за предыдущий год	25.744	64		
3	См. § 3 » » »	21.674	84		
4	См. § 4 » » »	14.157	—		
5	См. § 5 » » »	4.160	98	97.079	70
	1921 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24		
2	См. § 2 » » »	23.493	36		
3	См. § 3 » » »	19.933	76		
4	См. § 4 » » »	21.532	—		
5	См. § 5 » » »	6.510	99	102.812	35

за весь революционный период.

№	Убыток.	Сумма.		Итог.	
		Рубли.	К.	Рубли.	К.
	1918 год.				
1	Население платило разного рода натуральные и денежные налоги и повинности (см. табл. 25, 26 и 27)	12.199	22		
2	Население утратило вкладов в Горицкой (при почтовом отделении) ссудо-сберегательной кассе на сумму около 1.000.000 руб. или, считая в цене хлеба за 1918 г., на . . .	2.854	—		
3	Благодаря революционным событиям, которым сопутствовала хозяйственная дезорганизация страны, население волости потеряло от прекратившихся отхожих промыслов [5] . .	161.505	—	176.558	22
	1919 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	9.009	93		
2	См. § 3 » » »	161.505	—		
3	Население уплатило по твердым ценам за полученные продукты (см. таб. 28)	798	—	171.312	93
	1920 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	55.979	88		
2	См. § 2 » » »	161.505	—		
3	См. § 3 » » »	235	44	217.720	32
	1921 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	60.919	47		
2	См. § 2 » » »	161.505	—	222.424	47

№	Прибыль.	Сумма.		Итог.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
	1922 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24		
2	См. § 2 » » »	23.007	60		
3	См. § 3 » » »	19.521	60		
4	См. § 4 » » »	22.173	—	96.044	44
	1923 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24		
2	См. § 2 » » »	24.327	60		
3	См. § 3 » » » (но почтовые услуги стали уже платными и не номинально, как в 1922 году—поэтому прибыль от бесплатности почт. усл. мы уже не считаем в 1923 году)	18.337	85		
4	См. § 4 за предыдущий год	22.010	—	96.017	69
	1924 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24		
2	См. § 2 » » »	24.397	60		
3	См. § 3 » » »	18.337	85		
4	См. § 4 » » »	22.010	—	96.017	69
	Итого	—	—	658.344	38
	Убыток за 1918—1924 годы	—	—	699.347	44
	Средний убыток за каждый год из семилетнего периода . 99.906 р. 78 к. на одно хозяйство в год . . 54 » 27 » на одну душу в год . . . . . 11 » 04 »	—	—	1.357.691	82

К настоящей таблице необходимо сделать ряд примечаний.

[1] Считая, как за 1918, так и за последующие года, в сумме прибылей прямые налоги, которые уплачивались волостью, в известном проценте с валового дохода пашни до революции, я исходил из такой простой мысли: если волость нечто платила в виде прямых налогов в 1915 году, то в 1918 г., после тяжких для страны четырех лет разо-

№	Убыток.	Сумма. Руб.	К.	Итог. Руб.	К.
	1922 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	37.449	—		
2	См. § 2 » » »	161.505	—	198.954	—
	1923 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	26.254	—		
2	См. § 2 » » » (сумма иная, стали снова развиваться отхожие промысла) [6]	160.321	88	186.575	88
	1924 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год [8]	40.641	—		
2	См. § 2 » » »	143.505	—	184.146	—
	Итого	—	—	1.357.691	82

рительной войны, население волости, при всяком положении вещей, должно было платить в той или иной сумме прямые налоги; совершенно свободным от них оно не могло быть; но с населения дореволюционных 12% прямых налогов не брали в 1918 году; и, следовательно, эти деньги оставались в кармане населения (а что брали с населения— это все у меня исчислено в убытках) и, таким образом, составляли его

прибыль. На самом же деле эта прибыль фактически, или, вернее, теоретически, больше учтенной мною: если бы не было революции, старорежимное правительство навряд ли бы ограничилось 12%.

[2] Население выплачивало косвенные налоги и на табаке, и на сахаре и пр., но, упрощая свою задачу, я совсем не вычислял этих налогов и поэтому в счет прибылей их не записывал. Я брал только водку, которой выпивалось в Тверской губернии в 1913 году по 0,66 ведра на душу (независимо от пола и возраста), т.-е. на 5 руб. 28 коп. в год (см. «Стат. Ежегодник по Тверск. г.» за 1913—14 г., стр. 113), при чем я считал, что правительство клало с этой суммы себе в карман, в виде чистой прибыли, 50% (на самом же деле может быть и больше).

[3] Все услуги, которые правительство предоставляло бесплатно населению волости в виде школ, больницы, ветеринарного пункта и почты, исчислены мною в очень и очень скромной цифре. При вычислении я исходил из цифр, взятых мною за 1913 г. (см. «Ежегодник», стр. 20 и 100—101 и «Обзор. Тверск. губ. за 1913 год», стр. 31),—тогда на душу по нашему уезду расходовали: на народное образование—0,94 руб., на медицину—1,00 руб., на ветеринарную помощь—0,05 руб. и на почтовое сообщение—0,25 руб., а всего: 2 руб. 24 коп. Но ветеринария, например, за последние годы очень развилась: у нас в волости открылся врачебный пункт, которого десять лет назад не было; медицина у нас, с 1918 г., шагнула далеко вперед: вместо одного врача, в волостной больнице стало работать два (в 1912 году количество амбулаторных больных свыше 14 тысяч, а коечных дней лечения—свыше 8 тысяч; соответствующие цифры для 1918 года: свыше 16 и 9 тысяч; для 1919 г. — свыше 14 и 15 тысяч; для 1920 года — свыше 19 и 17 тысяч и т. д.; цифры взяты из отчетов по больнице). Из сказанного явствует, что прибыль населения по этому параграфу фактически была гораздо больше указанной нами.

[4] См. таблицы 30 и 31.

[5] Как я вычислил утрату населением заработков от отхожих промыслов? По архивным документам горицкого почтово-телеграфного отделения я узнал, сколько население волости получало денег по почте в 1911, в 1912 и в 1913 годах (три довоенных года), взял среднее арифметическое—это и есть 161.505 руб. Конечно, население волости некоторые суммы приносило из отхожих промыслов и в своих карманах (напр., плотники, работавшие в артелях), не тратясь на пересылку денег почтою, но этих сумм я уже учесть никак не мог, да и суммы эти не могут быть особенно большими. Вообще, по России до войны на каждую душу сельского населения приходилось доходу от промыслов по 12 руб. (См. Ю. Ларин.—«Вопросы крестьянского хозяйства», изд. 1923 г., стр. 113), по нашей же волости выходит около 24 рублей—следовательно, убыток мною против всероссийской средней нормы не преуменьшен.

[6] В 1923 году опять население стало получать почтою деньги от ушедших на заработки (проследи по табл. 15 отлив из волости, начиная с 1921 г., мужского населения)—почтою население получило около 120 тысяч рублей. Я и сбросил соответствующую сумму, посчитав ее в цене хлеба.

[7] В 1924 г. волость была укрупнена, но чтобы не путать наших счетов, я игнорировал этот факт (см. последний абзац примечания к табл. 25) и посчитал прибыль за 1924 г. в сумме предыдущего года.

[8] См. последний абзац примечания к табл. 25.

30. Новые постройки в волости.

ГОД.	Число домов в волости.	Вновь построено: Избы.	Хозяйствен. построек.	Всего.	Стоимость в деньгах мирного времени лесных материалов для: Избы.	Хозяйствен. построек.	Итого рублей.
1918	1.785	82	207	289	300 руб.	50 руб.	34.950
1919	1.826	69	156	225			28.500
1920	1.836	84	222	306			36.300
1921	1.848	93	211	304			38.450
1922	1.869	91	232	323			38.900
1923	1.883	86	194	280			35.500
Итого	—	505	1.222	1.727	300	50	212.60

Хотя разница в количестве домов между 1918 и 1919 г.г. выражается цифрою 41, новых домов было поставлено гораздо больше; это об'ясняется тем, что новые дома ставились не только на свободном месте, при возникновении новых хозяйств, но и взамен старых. Стоимость лесных материалов для построек в деньгах мирного времени — это средняя стоимость их за период 1910—1915 г.г., при условии заготовки материалов хозяйств. способом. За 1924 год количество новых построек по волости мною не подсчитывалось. Проделать эту работу мешали две причины: укрупнение волости и (главная) беспорядок в делопроизводстве местного страхового агентства, повлекший за собою отстранение от должности и предание суду страхагента.

31. Выигрыш волости на ускорении обновления построек (по сравнению с темпом строительства в мирное время).

ГОД.	Число домов в волости.	Новых изб.	% новых изб.	Средн. год. %: Новых изб за доревол. период.	Ускорен. строит. в рев. период.	Стоимость новых построек в рублях мирного времени.	Выигрыш в ценности уск. строительства в рубл. мирн. времени.
1918	1.785	82	4,6	2,8%	39	34.950	13.621
1919	1.826	69	3,8		26	28.500	7.410
1920	1.836	84	4,6		39	36.300	14.257
1921	1.848	93	5,0		56	38.450	21.532
1922	1.869	91	4,9		57	38.900	22.173
1923	1.883	86	4,5		62	35.500	22.010
Итого	—	—	—	—	—	212.600	100.903

Вся волость обстраивалась до революции заново в течение 36 лет («красный петух» старался, чтобы этот период был таким сравнительно коротким) — отсюда 2,8%, фигурирующих на таблице. За 1924 год выигрыш волости на ускорении обновления построек не указан по причинам, отмеченным в примечании к предыдущей таблице.

16

32. Сравнительная тяжесть обложения крестьянской земли.

Дата.	Район.	Средняя кр. запашка в десятин. в трех полях.	Валовой дох. с одной десят. в руб. мирн. времени.	Прямые нал. с одной десят. пашни в руб. мирн. врем.	% налога к валовому доходу.
XVI век.	Центральный.	3,75	47,6	25,05	53
Начало XVII века.	Кимрская волость.	3,30	87,8	48,16	55
40-ые годы XIX века.	Рязанская губ.	6,0	50,79	12,0	24
70-ые » XIX »	Тверская »	4,43	44,09	12,72	29
1895 год.	Горицкая вол.	4,43	33,87	9,45	28
1915 »	»	4,29	42,03	4,96	12
1918 »	»	3,62	42,03	2,18	5
1919 »	»	3,54	42,03	3,62	9
1920 »	»	3,96	61,44	8,24	13 (19)
1921 »	»	3,88	79,72	8,63	11 (21)
1922 »	»	3,84	48,34	5,58	12
1923 »	»	3,81	44,33	4,16	9
1924 »	»	3,81	87,60	7,21	8

Подробные об'яснения к настоящей таблице даны в соответствующей главе работы.

33. Сравнительная характеристика скотоводства по отношению к отдельным хозяйствам.

Годы.	Процент хозяйств.													На 1 хоз.			На 100 д. посева.		Коров на 100 душ насел.
	Без всякого скота.	Безлошадных.	С лошадьми.	Бескоровных.	С коровами.	С 1 лошад.	С 2 лошад.	С 3 лошад.	С 4 и более.	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	Раб. лош.	Коров.	Молод. рогат. скота, овец, ягн., свиней.	Рабочих лошадей.	Коров.	
1895	19,8	31,2	68,8	21,3	78,7	48,9	18,6	1,3		29,3	29,3	20,1		0,90	1,63	3,27	35,6	61,1	23,1
1916	15,7	31,5	68,5	18,3	81,7	54,6	12,8	0,7	0,4	49,4	28,3	3,2	0,4	0,85	1,17	4,79	35,3	52,2	24,1
1920	11,7	34,0	66,0	18,3	81,7	65,0	1,0	0,1	0,0	48,8	28,8	3,7	0,4	0,67	1,19	4,57	29,4	52,1	22,0
1922	10,6	33,2	66,8	17,8	82,2	66,1	0,7	0,0	0,0	46,3	30,2	4,9	0,8	0,67	1,27	5,19	29,9	56,9	27,4
1923	9,5	32,7	67,3	16,6	83,4	66,5	0,8	0,0	0,0	45,8	31,4	4,5	1,7	0,68	1,28	5,14	30,5	57,3	27,3
1924	6,4	27,0	73,0	7,0	93,0	71,4	1,6	—	—	50,0	35,7	7,3		0,75	1,46	5,20	39,0	75,7	28,7

Данные за 1895 г. см. в «Сводном сборн. статистич. сведений по Тверской губ.», т. XIII, вып. I, изд. 1897 г., стр. 6 и 154—155 (свод сведений). Цифры за 1916 год см. в «Итогах сел.-хоз. переписи 1916 г. по Тверск. губ.», вып. I, Хоз. крест. типа, стр. 52—54; графа «молод. рог. скот» и пр., вычислены на основании табл. 8 и 15 Цифры за 1920 г. выведены по материалам сел.-хоз. переписи 1920 г. (данные получены из Губерн. и Уездн. Стат. Бюро), при чем материал этот, в некоторых своих частях, был нами исправлен по нашему собств. материалу,—см. табл. 8, 15 и 19. Данные за 1922, 1923 и 1924 года собраны на месте,—отчасти через волисполком, а отчасти через страх. агентство (скот теперь страхуется в обязательном порядке), при чем собранный материал был мною выверен.

34. Сравнительная характеристика земледелия.

Годы.	Число хоз. в %%.		Десятин посева на однопосевное хозяйство.	На 100 дес. посева.		Средний состав (число людей) одного хозяйства.	% посевной площади под:			Порядок пяти главных культ. по посев. площ.; на месте:				
	С посевом.	Без посева.		Всего населения.	Всего работников (м. и ж.).		Озимыми.	Яровыми.	Травами.	Первом.	Втором.	Третьем.	Четвертом.	Пятом.
1845	73,0	27,0	4,43	263	132	6,20	55,6	44,4	—	Рожь.	Овес.	Лен.	Ячм.	Карт.
1916	88,1	11,9	2,55	216	98	4,86	47,3	48,8	3,9	Рожь.	Лен.	Овес.	Ячм.	Карт.
1920	86,8	13,2	2,64	230	115	5,27	50,0	49,8	0,2	Рожь.	Овес.	Карт.	Лен.	Ячм.
1922	87,2	12,8	2,58	208	104	4,71	49,4	49,3	1,3	Рожь.	Овес.	Карт.	Лен.	Ячм.
1923	88,1	11,9	2,54	219	109	4,89	49,2	49,3	1,5	Рожь.	Овес.	Карт.	Лен.	Ячм.
1924	88,3	11,7	2,19	261	124	5,06	48,7	49,6	1,7	Рожь.	Овес.	Лен.	Карт.	Ячм.

Данные за 1895 взяты из того же источника, как и в таблице 33, стр. 6 и 154 (свод сведений). Цифры за 1916 год взяты из «Итогов сел.-хоз. пер. 1916 г. по Тверской губ.», стр. 52—55. Цифры за 1920 г.—см. прим. к табл. 33. По табл. 32 крест. запашка в 1920 г. равняется 3,96 дес.; в настоящей таблице, за тот же год посев на одно хоз.—2,64 дес. В первом случае в счет шли три поля, а во втором—только два (без парового), да и речь идет в последнем случае только о посевных хозяйствах. Цифры за 1922—1924 г. установлены мною на месте, а отчасти почерпнуты из материалов уездного статбюро.

35. Социальный и партийный состав членов волисполкома.

ГОД.	Сколько членов исполкома:				
	Из коренных крестьян-домохоз.	Из лиц, прожив. в деревне (до революц.) наездом.	Из горожан, попавших в деревню лишь за годы революции.	Из членов РКП.	Из беспартийных.
1918	4	1	3	3	5
1919	2	4	5	8	3
1920	2	—	4	4	2
1921	2	2	1	2	3
1922	1	—	2	1	2
1923	1	—	2	1	2
1924	—	—	3	2	1
Итого . . .	12	7	20	21	18
% к общему числу . . .	31%	18%	51%	54%	46%

Неравное число членов, приходящееся на каждый год, об'ясняется тем, что некоторые члены выбывают до перевыборов, а также и тем, что число членов в исполкоме не было одинаковым для каждого года.

Лица первых трех категорий принадлежат по происхождению к местным крестьянам, но лица первой категории — постоянные жители деревни; ко второй я отнес тех, кто уже ослабил связь с деревней, бывая в ней наездами, и не является самостоятельным руководителем хозяйства; к третьей группе принадлежат все те, кто давно уже утратил всякую связь с деревней благодаря городской оседлости (рабочий, торговец, ремесленник, служащий и пр.) и кто появился в деревне исключительно по случаю застоя в промышленности, продовольственного кризиса и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Об организации в СССР специального научного института по изучению современной деревни.

Кратко обосновывая и бегло развивая ниже мысль о создании в стране научного Института по изучению современной деревни, я прошу лиц, которых моя идея до известной степени заинтересовала бы, высказаться в печати по поводу организации подобного Института.

I. Необходимость организации Института.

С. Ш. Северной Америки, имеющие лишь 30% сельского населения (из 106 милл. — 32 милл.), прекрасно поняли, что как для поднятия производительности сельского хозяйства, так и для улучшения условий существования сельского населения, необходимо тщательно и вместе с тем широко изучить деревню. И в С. Ш. Северной Америки возникли не только специальные общества, но даже особые специальные научные дисциплины, которые у нас, да и в Европе, пока еще неизвестны и внимание которых сосредоточено всецело на деревне. Так, из ряда специальных дисциплин отметим сельскую социологию — курс, читаемый на 40 из 48 земледельческих факультетов страны. Появились даже печатные курсы, посвященные изложению упомянутой науки: например, работа профессора Дж. Жилета «Конструкция сельской социологии» (издана в 1913 г.) и др.

В Европе имеется несколько организаций, в задачи которых входит, между прочим, изучение специально крестьянского хозяйства. Так, например, в Швейцарии уже свыше 25 лет, существует Швейцарский Крестьянский Секретариат, ведущий работу по собиранию материалов о состоянии крестьянского хозяйства, в течение двух десятков лет — в этой области Секретариат прямо прославился работами доктора Лаура.

В СССР, при наличии 83% сельского населения (из 135 миллионов — 112 милл.) и, следовательно, при большем, нежели в С.Ш. Сев. Америки, удельном весе сельского хозяйства в общей системе народного хозяйства нашей страны, у нас на изучение современной деревни, как таковой, как громадного сложного комплекса, должно быть обращено сугубое, исключительное внимание.

Правда, в России имеется не малое число научных обществ, для которых деревня в той или иной сфере ее бытия является об'ектом изучения (исследуются отдельные отрасли ее хозяйства, состав ее населения с антропологической и этнографической стороны и т. д.). Но деревня как единое целое и в строго конкретных условиях ее существования до сих пор в России совершенно не изучалась. И поэтому, если мы все же, до известной степени, хорошо знаем город как целое, то сказать это про деревню не можем.

Отсюда вытекает острая потребность в организации научного центра, специально изучающего современную деревню именно как сложный комплекс, но в то же время и как нечто единое.

Уже сейчас в различных уголках нашей земледельческой страны накапливается не малый интерес, например, к экономическим и бытовым основам сельского хозяйства в смысле освещения местных особенностей производства. Появилась литература, затрагивающая сельско-хозяйственный быт — обычно в границах одной какой-либо обследованной волости. Дальнейшее накопление материалов, отражающих реальную действительность современной деревни, будет требовать критической оценки методики исследований и вместе с тем обобщений и выводов, пригодных для практических мероприятий по улучшению быта современной деревни в целом.

II. Основные задачи Института.

В общих чертах основными задачами Института являются: накопление материала путем прямых наблюдений реальной действительности деревни или ее сельско-хозяйственного быта в широком понимании этого слова, разработка методики наблюдений и, наконец, сводка и обобщения исследований.

Работу Института нужно мыслить одновременно в двух направлениях: более теоретическую и научную работу при самом Институте и одновременно организацию ряда опорных пунктов на местах в провинции, где будет происходить самая важная часть изучения при помощи метода прямых наблюдений.

Состав коллектива работников исследователей самой деревни должен охватить по возможности все факторы, влияющие главным образом на производство, включая сюда однако и быт земледельческого населения в узком понимании этого слова, поскольку от него зависит прогресс сельского хозяйства. Отсюда ясно, что метод изучения современной деревни неминуемо должен использовать опыт и методику целого ряда гуманитарных и естественно-исторических наук. Так как в одном наблюдателе может не доставать в потребной мере соответствующего опыта и знаний, желательно, чтобы общими усилиями, при изучении одного и того же явления, работали вместе: статистик-экономист, бытовед-географ, историк и этнограф. К ним должны примкнуть и практические работники — агрономы, кооператоры и др.

Итак, в центре задача сводится к организации Института, как строго-научного учреждения, каковое будет изучать реальную действительность современной деревни в отношении ее:

1) биологических основ (сел.-хоз. рестения и с.-х. животные, в связи с особенностями ландшафта и всех природных условий края);

2) технических основ (изучение технических приемов земледелия в смысле максимального использования производительных сил края);

3) экономических основ (землепользование и землеустройство, дифференциация крестьянских хозяйств, соотношение культур, бюджеты, рынки, промысла и пр.);

4) бытовых основ (изучение человека как фактора производства, физический облик человека, профессиональные навыки крестьянина, привычки, психология, эволюция быта и т. д.);

5) общественно-политических основ (общественное значение деревни, различные типы ее хозяйства с общественной точки зрения, влияние деревни на общий тон политической жизни страны и пр.).

III. Организация и об'ем работы Института на местах.

Институт должен иметь несколько опорных пунктов в провинции, на первое время хотя бы 2—3, где необходимо об'единить ряд лиц, уже ведущих наблюдение над современной деревне, как целым. Создавать подобные пункты не надо, так как они уже кое-где имеются, но ведут работу не организованно, без единого общего плана и кустарным способом.

Может возникнуть вопрос, к какому учреждению следует придать отделения Института в провинции? В этом отноше-

нии надо прежде всего бояться бюрократизма и формального отношения к делу. Поэтому, отделения Института в провинции надо организовать из инициативных групп человека по 3 (краевед-общественник, статистик-экономист и специалист по изучению с.-х. быта, — лучше если последний будет в то же время и агрономом). Этой тройке следует предоставить самой выбрать на месте учреждение, к которому удобнее приурочить ей свою работу (возможно, что это будет Губмузей, Губстатбюро, О-во археологии, истории и этнографии, Методическое Бюро Губоно, Краеведческая комиссия и др.).

Инициативная группа непосредственно связана с Институтом, получает поддержку от него в смысле общих схем работы, программ, литературы и, в свою очередь, информирует Институт о ходе своих работ, подготовляет материал для печати и т. д.

Инициативная группа приглашает сотрудников для работы, втягивает в круг изучения современной деревни не только местных работников-специалистов и местных общественных работников, но и всех других полезных лиц, а особенно комсомольскую молодежь, давая каждому место в коллективном труде описания волости, села или отдельного хозяйства со всех точек зрения. Инициативная группа оценивает работу сотрудника, делает обобщения по всему фронту своих наблюдений в данном районе и направляет материалы в Институт, а также использовывает их для напечатания на месте.

Вопросы для докладов о деревне.

Ряд молодых товарищей обращался и обращается ко мне с многочисленными просьбами указать хотя бы коротенькую программку по изучению деревни, пригодную и для студента и для рабочего-отпускника, попадающих летом в родные палестины. Я старался удовлетворить все эти просьбы (напр., давал указания студентам Педагогического ин-та им. Герцена в Ленинграде весною 1924 г. и пр.). Но так как интерес к деревне среди широких слоев студенчества и рабочих нарастает с каждым месяцем, то я считаю полезным и целесообразным, именно в приложениях к моей книге, перепечатать:

I. «Вопросник для едущих в деревню», выпущенный в Ленинграде в 1924 г. (кем — не указано, но, по частным сведениям, изд-вом «Прибой», с одобрения Губкома) и теперь уже разошедшийся. Он очень краток, но вместе с тем охватывает все важные стороны деревенской жизни. «Вопросник» этот пригоден при составлении описания волости или иного района, несколько меньшего волости.

и II. «Схему монографического наблюдения над крестьянским хозяйством», которая может быть полезна при изучении отдельного крестьянского хозяйства. Схема взята мною из брошюры А. С. Говорова «Монографии крестьянских хозяйств», изд. 1924 г.

I. Вопросник для едущих в деревню.

1. Данные общего характера.

1. Место, о котором даются сведения (губерния, уезд, волость, село, деревня; указать расстояние от вышестоящего центра, от ж.-д. станции, от пароходной пристани и т. п.).

2. Население (число, национальность).

3. Количество земли (общее, а также по категориям: пахотной, луговой и пр.; лес, пустошь, пастбище).

4. Формы землепользования (отрубная, хуторская, общинная и их недостатки).

5. Землеустройство (проводилось ли, как и в какой мере; дальнейшие перспективы).
недочет работ по мнению работников и по мнению крестьян.

6. Применяемые севообороты (трехполье, четырехполье и т. д.).

7. Характер полеводства (технические культуры: лен, конопля и т. д.), травосеяние.

8. Общее число дворов (с подразделением: а) по количеству посева, б) по числу голов лошадей, в) по числу голов рогатого скота на бедняков, середняков и кулаков, при чем дать характеристику того, кого считают середняком и кулаком в данном районе).

9. Результаты экономической политики Сов. власти в крестьянском хозяйстве (раздел хозяйств, выход на отруба, на хутора, размеры посевов, изменения количества скота и т. п., изменения по сравнению с довоенным состоянием).

10. Настроение населения (по классовым группам; в каких формах проявляется его характер, и причины).

II. Советы в деревне.

1. Количественный, половой, социальный и партийный состав исполкомов и сельсоветов.

2. Работа совета (подход работников к крестьянам; отношение крестьянок к совету: близость или отчужденность; формы проявления и повод).

3. Участие в общей работе Совета красноармейцев, сельской интеллигенции, комсомола, крестьянок-делегаток.

III. Комитеты крестьянской взаимопомощи.

1. Количественый, половой, социальный и партийный состав комитетов.

2. Хозяйственное положение (указать источники средств: обложение, доход с предприятий и т. п.).

3. Число обслуживаемых бедняков и характер обслуживания (запашка, ссуда — единовременная и безвозвратная и т. п.).

4. Отношение к крестьянам со стороны учреждений и организаций, со стороны населения (по группам).

5. Участие в работах кресткомов женщин, молодежи, красноармейцев, интеллигенции.

6. Связь кресткомов с кооперацией.

IV. Совхозы, коммуны, с.-х. коллективы.

1. Хозяйственное состояние.

2. Формы полеводства (изменились ли с организацией коммуны и в каком направлении).

3. Отношение к крестьянству и обратно.

V. Кооперация (потребительская, с.-хоз., кредитная).

1. Число членов и состав правлений.
2. Хозяйственное состояние (обороты).
3. Набор товаров и цены.
4. Методы привлечения населения в кооперацию (кредит населению, организация закупки и сбыта продуктов с.-х. производства и т. п.).
5. Борьба с частной торговлей, ее условия.

VI. Частная торговля.

1. Число торговцев, их социальное прошлое.
2. Характер торговли (кредит населению, прием с.-хоз. продуктов для сбыта; какими преимущественно товарами торгуют частные торговцы и т. п.).
3. Экономическое значение частной торговли для данного района.
4. Отношение населения к частной торговле.

VII. Профсоюзы в деревне.

1. Какие, число членов, связь последних с сельским хозяйством.
2. Их общественно-политическая работа (особенно среди батраков) и роль в данном селе, волости. Отношение населения (по группам).
3. Работа Всеработземлеса и связь его с кресткомами.

VIII. Школа и учительство.

1. Состояние школы (здание, учебники, зарплата учителя и т. д.).
2. Какое участие в жизни школы принимают учреждения и организации.
3. Отношение крестьян к школе.
4. Общественное значение учителя.
5. Школы нацменьшинств и их состояние (где имеются).

IX. Избы-читальни.

Количество в волости, состояние, работа, участие учреждений и организаций, учительства. Значение ее в жизни данной волости и отразилась ли как-либо ее работа на культурно-хозяйственном состоянии населения. Недостатки и плюсы ее работы. Отношение населения.

X. Партия.

1. Состав: возрастной, половой, социальный, по стажу, связь с сельским хозяйством.

2. Внутрипартийная работа (метод работы, способы вовлечения рядовых членов партии и степень использования. Воспитательная работа среди членов организации и степень их подготовки).

3. Руководство учреждениями и организациями (совет, кооперация, крестком, изба-читальня, школа, профсоюзы, комсомол, работа делегаток, пионеры и т. д.).

4. Связь с беспартийным крестьянством и вовлечение в общественную работу.

5. Связь и использование интеллигенции (учитель, агроном, врач).

6. Взаимоотношения с комсомолом.

7. Отношение населения и тяга в партию.

8. Связь с вышестоящими организациями и руководство сверху.

XI. Комсомол.

Те же пункты, как и о партии, исключая п. 6.

Кроме того — вовлечение в общественную работу и в союз девушек.

XII. Работа среди женщин.

1. Имеется ли организатор при ячейке РКП (б).
2. Делегатки и делегатские собрания.
3. Отношение крестьянок к этой работе.
4. Участие крестьянок в советской, кооперативной и прочей общественной работе.

XIII. Пионеры (там, где имеются).

1. Помощь учреждений и организаций пионерскому движению.
2. Как смотрит крестьянство на пионеров.

XIV. Культшефство.

1. Имеется ли культшеф и кто.
2. Материальная и культурная помощь (и в чем она выражается).
3. Оценка работы крестьянством.

XV. *Селькоры.*

1. Имеются ли; их социальное и имущественное положение, партийность, участие в общественной работе.

2. Отношение местной администрации и различных слоев крестьянства к селькорам.

3. Результаты селькоровских заметок.

XVI. *Религия.*

Религиозные настроения крестьянства. Сектантство. Антирелигиозная пропаганда.

XVII. *Легенды и слухи.*

Легенды и нелепые слухи (распространяются ли и какие именно).

Примечания:
1. Всякое сообщение обязательно подкреплять фактами.
2. Не останавливаться на фиксировании данной области жизни и работы по состоянию ее на сегодня, а рассматривать в изменении, по сравнению с прошлым. Важно установить тенденцию развития, темп и направление.
3. Необходимо полученный материал сопоставлять с показаниями самих крестьян и по ним проследить, как преломляется в представлении различных слоев деревни советская действительность.

II. Схема монографического наблюдения над крестьянским хозяйством.

1. Когда произведено наблюдение.

2. Наименование селения, волость, уезд.

3. *История поселка* или села, в котором находится описываемое хозяйство. Год или приблизительно время возникновения села. Характер возникновения, если переселение, то от-

куда; количество переселившихся дворов, на чьи земли (и на каких условиях) переселились. Как росло поселение. Как изменялся сельско-хозяйственный быт. Существенные события в истории села. Был ли новый приток новоселов, случаи выселения хуторов, поселков. Современное количество дворов в селе и количество групп и об'единений разного рода (с.-х. кооперативы, товарищества и артели).

4. *Описываемое хозяйство.* Фамилия, имя и отчество хозяина, его возраст, внешний облик, грамотность.

5. К какой народности относится семья; ее состав, перечислить родственную связь и возраст каждого. Отметить трудоспособных и нетрудоспособных членов семьи. Нет ли среди них калек-инвалидов войны и труда; нет ли наследственных или общих болезней, не умирали ли дети. Кто ведет хозяйство и считается главою семьи.

6. *Описание общих условий,* при которых ведется хозяйство: краткое описание усадьбы и построек жилых и надворных. приблизительное время их постройки, % годности, приблизительная оценка.

7. Отдаленность усадьбы и полей от водоемов.

8. Описание рельефа и почв полей, на которых ведет свои работы хозяйство. Исходные данные для оценки земли и для определения чистой доходности одной десятины. Нет ли в пределах используемой площади оврагов, песков, солонцов, болот и вообще неудобных земель. Нельзя ли пашню разнести по разрядам, на лучшую, худшую и среднего качества. Дать схематический план полей.

9. Отдаленность полей от усадьбы. Нет ли необходимости выезжать для полевых работ из дома на значительный срок. Какая часть семьи выезжает, на сколько времени, сколько раз в сельско-хозяйственный год.

10. На надельной, или арендованной земле хозяйство производит свои запашки. Высшие размеры арендованных ранее участков.

11. *История хозяйства:* перешло ли оно преемственно к настоящему хозяину от отца, или возникло в результате раздела. Когда. Росло ли хозяйство вместе с ростом семьи. Как изменяла семья свой состав. Как отразились на хозяйстве такие явления, как война 1914—1917 г.г., революция 17—20 г.г., голодный 1921 год. Что помогло пережить тяжелое время неурожая. Что способствует теперь восстановлению средств производства. Современные размеры хозяйства. Посевная площадь, количество скота.

12. В какой отрасли хозяйства основные хозяйственные традиции, навыки. Нет ли у хозяйствующих лиц навыков в семенном, в племенном деле, в садоводстве, пчеловодстве, ого-

родничестве и др. отраслях хозяйства. В какой мере преобладает полевое (зерновое) хозяйство.

13. Нет ли в хозяйстве побочных ремесл. В какой степени они поддерживают сельско-хозяйственный бюджет. Не спасли ли подсобные промыслы хозяйство в голодный год.

14. *Характеристика труда* различных членов семьи. Есть ли осознание хозяйства, забота о том, чтобы хозяйство росло. Нет ли взгляда на сел.-хоз. труд как на неизбежное ярмо, как на единственное средство к существованию. Есть ли любовное отношение к хозяйству и к труду. Как характеризуется труд в страдное время. Нет ли временных напряжений в труде и затем периодов бездействия — отдыха. Продолжительность перерывов в летнее и в зимнее время. Описать рабочий день во время посева, во время уборки хлебов, участие в работе каждого члена семьи. Труд подростков и малолетних.

15. Не живет ли кто-либо из семьи на стороне в работниках у соседа или в городе. Временно или постоянно. Какую связь сохраняет с хозяйством живущий на стороне.

16. Пользуется ли хозяйство наемным трудом; бытовые приемы использования наемного труда. Условия жизни и быта рабочего. В чем заключаются его основные работы. Отношение к нему хозяина. Как оплачивается труд. Привлекается ли рабочий в семейный совет.

17. Что связывает *семейный быт*. Сознает ли хозяин семейное состояние неизбежным для ведения хозяйства.

18. Считается ли имущество дома и хозяйства общим достоянием семьи, или владельцем является один отец. Какие права имеет в хозяйстве подрастающий сын, дочь. Чем в хозяйстве всецело распоряжается женщина. Намечаются ли разделы; причины их, обычаи при этом; как хранятся раздельные акты.

19. Отношение к ребенку, его воспитание. Как организовано питание ребенка. Его игры.

20. Взгляды хозяина на обучение своих детей в школе. Нет ли домашних занятий, описать их характер.

21. *Элементы домашнего быта.* Нет ли различий в потреблении, в питании семьи соответсвенно времени года. Существуют ли посты. Что потребляется преимущественно из покупных продуктов.

22. Одежда. Кто шьет и чинит одежду. Где покупается материал для одежды. Самодельные ткани. Изделия из шерсти. Поскольку члены семьи заняты этой работой. Много ли белья и верхней одежды изнашивается в год.

23. Досуг. Как проводятся праздничные дни. Как отдыхают и развлекаются различные члены семьи.

24. Ведется ли *учет* хозяйственного и семейного бюджета, велись ли когда-нибудь записи. Дать характеристику бережливости хозяина.

25. Бывает ли в хозяйстве задолженность. В чем она выражается. Имеют ли место «отработки».

26. Обычное время и место сбыта продуктов хозяйства. Какие предметы являются главными предметами сбыта, что продается изредка. Продаются ли продукты животноводства: шерсть, сало, масло, яйца, мясо.

27. Имеются ли торговые навыки, какой области они касаются. В какой мере поддерживают хозяйство, общий бюджет.

28. Какой % к общему бюджету семьи и хозяйства составляют налоговые суммы, перечислить все виды повинностей за сел.-хоз. год.

29. *Взгляды хозяина* на свое полевое хозяйство, какие мыслит улучшения; препятствия на пути к этим улучшениям. Как мыслит хозяин бороться с сорными травами, что думает о вредителях. Какие получает средние урожаи и как к этим цифрам относится. Отношение к многопольному севообороту.

30. Взгляды хозяина на борьбу с засухой. Забота о лесных насаждениях, об укреплении оврагов, водоемов, об устройстве плотин.

31. Отношение хозяина к пользовательному и рабочему скоту. Способ кормления в летнее и в зимнее время.

32 Отношение хозяина к мертвому инвентарю, как хранится он на зиму, где ремонтируется. Какие предпочитаются уборочные машины и орудия обработки. Есть ли культиваторы и полольники.

33. Пользуется ли хозяин агрономической помощью, если нет, то почему. Точно записать его слова.

34. Отношение хозяина к общинному быту, нет ли стремления с ним порвать, в хуторском и поселковом хозяйстве — не остается ли связи с общиной.

35. Отношение хозяйства к кооперативному движению. Участие в потребительской кооперативной организации в прошлом и теперь.

36. Не состоят ли хозяйства в групповом об'единении, в товариществе (производственного типа).

37. Что думает хозяин о возможности вести хозяйство на артельных началах. Не сознает ли коллективную обобществленную форму хозяйства более совершенной.

38. *Общее заключение* о типе хозяйства. Его жизнеспособность, рост и развитие. Какими факторами обусловлен прогресс хозяйства. В чем проявляется хозяйственное творчество отдельных членов семьи. Если хозяйство регрессирует, опреде-

лить причину его ослабления. Если хозяйство молодое,—способно ли оно в будущем развиваться; если хозяйство «зрелое», определить степень интенсивности роста за минувшие годы, отметив причины и характер эволюции данного хозяйства.

39. Необходимо в заключение дать характеристику интеллектуальных свойств хозяина; его сметливость, память, уменье в уме производить хозяйственные расчеты; интерес к хозяйству, влечения; постараться определить скрытые наследственные черты в смысле хозяйственных привычек, склонностей, предрасположения к тем или иным работам.

40. Желательно снабдить описание рисунками, чертежами, таблицами бюджетных данных, фотографиями, набросками записанных разговоров, характерных фраз и т. д. Надо подметить по возможности все факторы, из которых слагается сельско-хозяйственный быт в его целом и быт отдельного крестьянского хозяйства.

Указатель книг о деревне.

Очень часто некоторые из товарищей обращаются ко мне с просьбами указать им общедоступную литературу о современной деревне.

Здесь я даю небольшой список книг, по своему содержанию почти вполне доступных для массового читателя, ознакомление с которыми считаю полезным для каждого желающего уяснить себе вопросы хозяйства и многообразного быта современной деревни.

В. Н. Алексеев. — Опыт монографического описания дер. Курово, Дмитровского уезда, изд. МОЗО, 1924 г., 68 стр., цена 35 коп.

Ч. Р. Бекстон. — В русской деревне (перевод с английского), Госиздат. 1923 г., 95 стр., цена 35 коп.

М. Болдырев. — Новая волость, изд. «Красная Новь», 1924 г., 54 стр., цена 20 коп.

А. М. Большаков. — Деревня после Октября, изд. «Прибой», 1925 г., 403 стр.

Его же. — Современная деревня в цифрах, изд. «Прибой», 1925 г., стр. 112, цена 50 коп.

Его же. — Деревня в диограммах, изд. «Прибой», 1925 г.

Волисполкомы и сельсоветы по данным обследования ЦКК и НКРКИ, изд. Народн. Комисс. Рабоче-Крест. Инспекции, 1924 г., 219 стр. + приложения, цена 1 руб. 75 коп.

А. Гагарин. — Хозяйство, жизнь и настроения деревни. Госиздат, 1925 г., 112 стр., цена 40 коп.

М. Грандов. — Учитель и деревенская школа, изд. «Молодая Гвардия», 1925 г., 180 стр., цена 90 коп.

А. С. Говоров. — Монографии крестьянских хозяйств (опыт изучения крестьянских хозяйств), изд. Самарского Губиздата, 1924 г., 53 стр., цена не обозначена.

Леонид Григоров. — Очерки современной деревни, кн. I, Госиздат, 1924 г., 218 стр., цена 1 руб.

И. Дейчман. — Кооперация в деревне, как она есть, изд. «Прибой» (в Ростове-на-Дону), 1924 г., 97 стр., цена 65 коп.

Деревня при НЭП'е, изд. «Красная Новь», 1924 г., 104 стр., цена 45 коп.

Я. Дорофеев. — Деревня Московской губернии, изд. «Московский Рабочий», 1924 г., 48 стр., цена 50 коп.

С. М. Дубровский. — Очерки русской революции, вып. I, Сельское хозяйство, 2-ое изд., изд. «Новая Деревня» 1923 г., 404 стр. цена 2 руб. 50 коп.

К. К. Дысский. — Опыт монографического описания дер. Бурцево, Волоколамского уезда, изд. МОЗО, 1924 г., 132 стр., цена 50 коп.

А. Жаров. — Красная гармошка (деревенские политчастушки), изд. «Новая Москва», 1925 г., 45 стр., цена 15 коп.

Г. Зиновьев. — Лицом к деревне, Госиздат, 1925 г., 140 стр., цена 45 коп.

Его же. — Рабочий класс и крестьянство, Госиздат, 1925 г., 104 стр., цена 15 коп.

В. И. Игнатьев. — Советская волость и стоящие перед ней задачи, Госиздат, 1925 г., 84 стр., цена 35 коп.

Как живет украинское село, изд. «Серабкоп» (Киев), 1924 г. 136 стр., цена 1 рубль.

Как живет и чем болеет деревня (по материалам Комиссии Юго-Восточн. Бюро ЦК РКП.), изд. «Прибой» (в Ростове-на-Дону), 1924 г., 96 стр., цена 60 коп.

М. И. Калинин. — Смычка города и деревни, Госиздат, 1925 г., 56 стр., цена 15 коп.

Его же. — Мои впечатления, Госиздат, 1924 г., 120 стр., цена 45 коп.

Василий Князев. — Современные частушки 1917—1922 г., Госиздат, 1924 г., 76 стр., цена 35 коп.

Крестьянское хозяйство за время революции (обследование ЦК РКП), изд. «Красная Новь», 1923 г., 125 стр., цена 35 коп. (штудируя эту книгу, полезно познакомиться с брошюрой *А. И. Хрящевой* — «К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства», изд. Центр. Статист. Управл., 1923 г., 32 стр., цена 25 коп.; в брошюре Хрящевой подвергнуты критике некоторые приемы исследования, примененные в книге Крест. хоз. за время революции).

Крестьянский корреспондент, изд. «Новая Москва», 1924 года, 192 стр., цена 1 руб. 25 коп.

Ю. Ларин. — Вопросы крестьянского хозяйства, изд. Московский Рабочий, 1923 г., 141 стр., цена 90 коп.

П. Я. Лежнев-Финьковский и К. Д. Савченко. — Как живет деревня, изд «Новая Деревня», 1925 г., 112 стр., цена 55 коп.

Н. Ленин (В. И. Ульянов) — Крестьянство и аграрный вопрос, изд. Буревестник, 1924 г., 244 стр., цена 1 руб. (эта книга, где собраны исследования, статьи и речи В. И. Ленина, касающиеся крестьянского вопроса, чрезвычайно полезна для уяснения логики, как общих, так и частных моментов нашей революции, поскольку в ней участвует и деревня).

Н. П. Огановский. — Русский крестьянин и мировое хозяйство, изд. «Новая деревня», 1924 г., 70 стр., цена 40 коп. (в этой книге имеются ошибки в подсчетах итогов — читателю следует самому проверить итоги).

Революция в деревне (очерки), изд. «Красная Новь», 1924 г., 144 стр. цена 70 коп.

Р. Сабиров. — Деревня Татреспублики после голода, изд. Главполитпросвета ТССР (Казань), 1923 г., 59 стр., цена 35 коп.

А. П. Смирнов. — Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства, изд. «Новая деревня», 1925 г., 65 стр., цена не указана.

Старый и новый быт (очерки), Госиздат, 1924 г., 144 стр., цена 60 коп.

Советский аппарат в деревне, изд. Новгор. Губкома РКП, 1924 г., 34 стр., цена 10 коп.

И. Н. Степанов — Описание 66 крестьянских хозяйств Московской губ., изд. МОЗО, 80 стр., цена 35 коп.

С. Струмилин. — Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 году, изд. «Вопросы Труда», 1924 г., 155 стр. + диаграммы, цена 70 коп.

Ал. Тодорский. — Год с винтовкой и плугом, изд. «Прибой», 1924 г., 62 стр., цена 30 коп.

М. Я. Феноменов. — Современная деревня, Госиздат, 1925 г., часть I, 259 стр., цена 1 руб. 60 коп.; часть II, 211 стр., цена 1 руб.

Андрей Шохин. — Комсомольская деревня, изд. «Молодая Гвардия», 1923 г., 118 стр., цена 55 коп.

Я. Шафир. — Газета и деревня, изд. «Красная Новь», 1924 г., 142 стр., цена 65 коп. (2-ое издание).

Я. Яковлев. — Деревня, как она есть, изд. «Красная Новь», 1923 г., 145 стр., цена 50 коп. (2-ое издание).

Я. Яковлев. — Наша деревня, изд. «Красная Новь», 1924 г., 176 стр., цена 70 коп.

Помимо указанных выше книг, богатый материал о деревне имеется в газетах (московская «Правда», «Известия», «Беднота», «Крестьянская Газета» и др.) как за 1924 г., так и за 1925 г. (речи представителей правительства и вождей РКП., в которых, — конечно, в зависимости от темы их, — подчас содержится богатый фактический материал о деревне, корреспонденции с мест и пр.). Кроме того, существует еще ряд очень ценных работ, посвященных теме, нас интересующей. Например: «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г.» (изд. Главн. Стат. Упр., 1922 г.). *Альберт Л. Вайнштейн.* — Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время, изд. 1924 г. Современное состояние скотоводства в России, проф. *А. Е. Лосицкого* (изд. «Новая деревня», 1924 г.), Крестьянский бюджет в 1922 — 23 году, проф. *Л. Н. Литошенко* (изд. Главн. Стат. Упр., 1923 г.) и другие. Но для усвоения подобного рода работ необходима некоторая подготовка читателя, и поэтому они составляют как бы вторую ступень в процессе изучения современной деревни. Подготовленный же читатель и без моих указаний отыщет то что ему надо.

СОДЕРЖАНИЕ.

Отдельные издания того-же автора:

1. **Введение в изучение истории**, 43 стр., 1922 г.
2. **Из истории крестьянского хозяйства Тверской губернии за революционный период**, 36 стр., 1922 г.
3. **Лекции по русской истории**, вып. 1, 286 стр. 1923 г.
4. **Вспомогательные историч. дисциплины**, 344 стр.+13 таблиц, изд. 4-е, 1924 г. (1-е изд.—1922 г., 2-е и 3-е—1923 г.).
5. **Деревня после Октября**, 403 стр., 1925 г.
6. **Хрестоматия по истории хозяйства в России**, вып. I, 248 стр., 1925 г.
7. **Тоже**, вып. II, 289 стр., 1925 г. (оба выпуска хрестоматии составлены совместно с проф. Н. А. Рожковым).
8. **Современная деревня в цифрах**, 110 стр., 1925 г.
9. **Деревня в диаграммах**, 1925 г.

6686

Цена 60 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ" Лубянский пассаж, № № 47, 48, 49. Тел. 2-24-09

